Город и государство в древних обществах

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

ГОРОД И ГОСУДАРСТВО В ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВАХ

Межвузовский сборник

ЛЕНИНГРАД,
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1982

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

Сборник посвящен актуальной проблеме современной исторической науки — город и государство в античном мире, Византии и Древней Руси. Исследуются вопросы происхождения города-государства (полиса) в Древней Греции, прослеживается формирование первоначального протогорода (протополиса) в гомеровский период, последующее его развитие и превращение в гражданскую общину — полис. Рассматривается история изучения города в советское время.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов исторических факультетов университетов и педагогических вузов.

Редколлегия:
проф. Г. Л. Курбатов, проф. В. В. Мавродин (отв. ред.), проф. Э. Д. Фролов, проф. И. Я. Фроянов

Рецензенты:
д-р ист. наук А. Н. Кирпичников (ЛО Ин-та археологии АН СССР), канд. ист. наук А. Б. Егоров (Ленингр. ун-т)

Г $\frac{050410000-148}{076(02)-82}$ 25—82.

Издательство Ленинградского университета, 1982 г.

ИБ № 1565

Город и государство в древних обществах

Межвузовский сборник

Редактор *О. Е. Хованова* Художественный редактор *А. Г. Голубев*
Технический редактор *Л. А. Топорина*
Корректоры *М. В. Унковская, И. Э. Брачт*

Сдано в набор 18.03.82. Подписано в печать 22.07.82. М-27993. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. тип. № 1. Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 11,72. Усл. кр.-отт. 10,19. Тираж 3846 экз. Заказ № 1877 Цена 1 руб. Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова. 199164. Ленинград, Университетская наб., 7/9.

Отпечатано с набора типографии изд-ва ЛГУ им. А. А. Жданова, 199164, Ленинград, Университетская наб., 7/9, в типографии № 2 Ленуприздата, 191104, Ленинград, Литейный пр., 55

Ю. В. Андреев

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГРЕЧЕСКОГО ПОЛИСА

Зарождение греческого полиса исторически совпадает с новой фазой так называемой «городской революции», охватившей в первой половине I тыс. до н. э. практически все Средиземноморье от Сирофиникийского побережья и Палестины на востоке до южной оконечности Иберийского полуострова на западе.[1] Однако на территории Греции этот процесс протекал в весьма специфических условиях, порожденных, во-первых, длительной изоляцией Эгейского бассейна от стран Передней Азии и, во-вторых, резким разрывом греческого общества с экономическими, политическими и культурными традициями эпохи бронзы.

Новые городские центры, возникшие в течение XI—VIII вв. до н. э. в различных районах средиземноморского мира, были в большинстве своем так или иначе связаны с древнейшими очагами передневосточного урбанизма, расположенными в пределах Месопотамии, Ханаана и Восточной Анатолии. В одних случаях эта связь была прямой, как, например, связь финикийских колоний Кипра, Сицилии, Северной Африки и Испании с их метрополиями в самой Финикии. В других случаях она носила более опосредованный характер. Так обстояло дело там, где новые города возникали в зоне влияния более древних городских культур. Примерами могут служить Самария и Иерусалим в Палестине, Гордион и Сарды в Малой Азии.[2] Во всех этих случаях вновь основанные города могли унаследовать от своих предшественников уже сложившуюся и, так сказать, апробированную тысячелетней историей Древнего Востока форму городской общины с характерной для нее социальной структурой и политической организацией.

---

[1] Hammond M. The city in the Ancient world. Cambridge, Mass., 1972, p. 349.

[2] Ibid., p. 87, 144.

В сравнении со всеми этими новыми очагами городских культур греческая урбанизация началась практически с нуля.[3] Катастрофы и социальные потрясения, обрушившиеся на Грецию в конце II тыс. (точнее в конце XIII — первой половине XII в. до н. э.), очевидно, в связи с новой волной великого переселения народов, отбросили греческое общество далеко назад, едва ли не к той черте, с которой начиналось когда-то развитие древнейших цивилизаций Эгейского мира. Археологический материал наглядно свидетельствует о страшном экономическом и культурном упадке, охватившем Грецию уже в XII в. и непрерывно продолжавшемся вплоть до конца XI в.[4] Характерными приметами периода можно считать резкое снижение жизненного уровня основной массы населения страны и соответствующее сокращение его численности, почти полный разрыв всех внешних и внутренних контактов, отсутствие сколько-нибудь значительных поселений, крайнюю деградацию всех видов искусства и художественного ремесла, исчезновение письменности. Экстраполируя все эти, так сказать, лежащие на поверхности симптомы упадка в сферу социально-экономических отношений, мы неизбежно приходим к выводу, что так называемые «темные века» греческой истории (время с XI по IX вв.) ознаменовались длительным перерывом в развитии греческого общества, которое в это крайне трудное для него время было отброшено снова на стадию первобытнообщинного строя, растеряв практически все основные достижения, накопленные им за время существования микенской цивилизации.[5]

Учитывая все это, было бы едва ли оправдано искать истоки греческой урбанизации VIII—VI вв. в глубинах микенской эпохи. Возникшие в эту эпоху зачатки городской или, скорее, протогородской культуры[6] едва ли могли сохраниться в усло-

---

[3] На независимость греческой урбанизации от восточных образцов справедливо указывает Старр (см.: Starr Ch. G. The economic and social growth of Early Greece 800—500 B. C. New York, 1977, p. 101) Еще два самостоятельных очага урбанизма возникли примерно в это же время в Италии (этрусские города) и в южной Аравии (сабейские города Йемена).

[4] Общую характеристику послемикенского упадка см. в работах: Starr Ch. G. The origins of Greek civilization 1100—650 B. C. New York, 1961 Desborough V R. d'A. The Greek dark ages. London, 1972; Snodgrass A. M. The dark age of Greece. Edinburgh, 1971; Bouzek J. Homerisches Griechenland. Praha, 1969.

[5] Папазоглу Ф. К вопросу о преемственности общественного строя в микенской и гомеровской Греции. — ВДИ, 1961, № 1, с. 37; Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963, с. 282. Ср.: Блаватская Т. В. Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976, с. 49 слл.

[6] Вопрос о существовании городов в собственном значении этого слова в Эгейском мире II тыс. остается пока открытым. См. полемику по этому вопросу между Я. А. Ленцманом и Т. В. Блаватской: Ленцман Я. А. Указ. соч., с. 132 слл.; Блаватская Т. В. Ахейская Греция. М., 1966, с. 115.

виях катастрофического распада микенской социально-экономической и политической системы. Важнейшие жизненные центры этой системы — дворцы и цитадели (по-видимому, именно они выполняли в микенском обществе функции во многом аналогичные позднейшим городам-полисам)[7] были частью разрушены, частью же, видимо, постепенно пришли в упадок и в конце концов были покинуты своими обитателями. Новые политические центры греческих государств, начавшие складываться в VIII—VII вв., даже там, где они возникали в непосредственной близости от заброшенных микенских цитаделей, как это наблюдается, например, в Афинах, Фивах, Аргосе, как правило, не были с ними преемственно связаны. Во всяком случае, археологический материал не дает никаких оснований для предположений такого рода.[8] В каждом из этих случаев вторичное (после длительного перерыва) использование древней цитадели может быть легко объяснено преимуществами ее стратегического положения.

В обстановке всеобщего разброда и хаоса, охвативших Грецию в период крушения микенской цивилизации, единственными островками хотя бы относительной стабильности продолжали оставаться изолированные сельские общины, в которых в это время концентрировалась подавляющая масса земледельческого населения страны. Многие из них, по-видимому, пережили, оставаясь на своих местах, все смены царских династий, завоевания и социальные катаклизмы, обрушившиеся на Грецию в тревожное время передвижения племен. Другие, исчезая в одних местах, затем спонтанно самовозрождались в других. Именно эти простейшие социальные организмы оставались в резко изменившемся климате «темных веков» единственными носителями культурной традиции эпохи бронзы.

Наряду с некоторыми другими фундаментальными элементами культуры бронзового века (примерами могут служить дом в форме мегарона, гончарный круг, парусное судно и т. п.) греческое общество I тыс. унаследовало от своих предшественников и особый тип общинного поселения, обозначенный в одной из наших более ранних работ условным термином «прото-

---

Несмотря на известное функциональное сходство с позднейшим полисом, дворец эпохи бронзы едва ли может быть назван «городом» даже в весьма широком античном значении этого слова. Для этого ему недостает одного важного признака, а именно наличия гражданской общины. Ср.: Renfrew C. The emergence of civilization. The Cyclades and the Aegean in the third mill. B. C. London, 1972, p. 402; Hammond M. The city. p. 130 sqq.

[8] Snodgrass A. M. Op. cit., p. 363; Desborough V. R. d'A. Op. cit., p. 263. Ср: Martin R. L'Urbanisme dans la Grèce Antique. Paris, 1974, p. 32; Kirsten E. Die griechische Polis als historich-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. Bonn, 1956, S. 45, 87.

полис» или «первичный полис».[9] Его отличительными признаками могут считаться, во-первых, наличие примитивных укреплений, слабость которых могла компенсироваться самим местоположением протополиса на укрепленной самой природой возвышенности (естественный акрополь) или на выдвинутом в море мысу, и, во-вторых, компактная (ульевидная) застройка всей площади поселения стандартными блоками домов.

Теоретически представляется вполне вероятным выживание этого типа поселения в течение всего периода племенных миграций (XII—X вв.), хотя археологически засвидетельствованные примеры такого выживания пока еще крайне немногочисленны.[10] Как бы то ни было в специфических природных условиях эгейского региона первичный полис, по-видимому, всегда оставался оптимальным вариантом стратегической и чисто архитектурной организации пространства, обеспечивавшим размещение наибольшего числа жилых помещений на крайне ограниченной площади, а также и их защиту от нападения врага. Именно поэтому он и не мог надолго исчезнуть из жизни греческого общества. Сам греческий ландшафт с его необычайно изрезанным рельефом и множеством укрепленных самой природой возвышенностей должен был способствовать его непрерывному спонтанному возрождению как в зоне его первоначального распространения, так и в непосредственно примыкающих к ней районах.

Почти все известные нам теперь по данным раскопок поселения послемиграционного, или гомеровского, периода (IX—VIII вв.) типологически весьма далеки от классической микенской цитадели, но в то же время имеют ясно выраженные черты «фамильного» сходства с рядовыми общинными поселениями микенской эпохи и еще более раннего времени (так называемого «среднеэлладского» и «раннеэлладского» периодов), подтверждая тем самым только что высказанную мысль о исключительной жизнеспособности того типа поселения, который мы называем «эгейским протополисом». Как и когда-то в эпоху бронзы, укрепленные поселения послемиграционного периода размещаются либо в прибрежной зоне (обычно на небольших выступах береговой полосы, которые легче было защитить от нападений со стороны суши — примерами здесь могут служить Смирна на западном побережье Малой Азии и более поздняя Врулия на о-ве Родос),[11] либо вдали от моря на плоской вершине какой-нибудь труднодоступной возвышенности (таковы, например, Загора на о-ве Андрос, некоторые по-

---

[9] Андреев Ю. В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Л. 1976, с. 28.

[10] Там же, с. 18 слл.

[11] Cook J. M., Nicholls R. V. Excavations at Old Smyrna. — BSA, N 53—54, 1958/59; Akurgal E. Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. Berlin, 1961, S. 9 f.; Kinch K. F. Vroulia. Berlin, 1914.

селения восточного и центрального Крита) Общей особенностью большинства поселений послеминационного периода может считаться тенденция к максимальной концентрации жилых и хозяйственных помещений в пределах укрепленной площадки (интравертный тип застройки). Жилые кварталы практически составляют здесь единое целое с акрополем, или примитивной цитаделью, хотя в виде отклонения от общей нормы в это же время встречается и иной (экстравертный) тип застройки, для которого характерен прямо противоположный принцип архитектурной организации пространства, основанный на вынесении жилых кварталов поселения за черту стен цитадели на склоны холма.[13]

Свидетельства письменных источников, и прежде всего гомеровского эпоса в целом, подтверждают археологическую характеристику первичной формы полиса. Планировка типичного эпического полиса (его примерами могут служить Троя в «Илиаде» и город феаков в «Одиссее»)[14] подчинена тем же принципам интравертности, что и планировка известных нам по данным раскопок поселений IX—VIII вв.: дома граждан полиса вместе с царским дворцом и главным святилищем обычно теснятся на небольшом пространстве, обнесенном стеной. За ее чертой, «в поле» остаются лишь разрозненные сельские усадьбы и загоны для скота. Как давно уже было замечено, Гомер нигде не проводит сколько-нибудь четкого разграничения между понятиями города-полиса и деревни-комы. Последнее из этих двух понятий в эпосе практически не встречается. Отсюда, разумеется, не следует, что Греция гомеровского времени была страной сплошной урбанизации. Скорее напротив: Гомер, по-видимому, застал греческое общество в тот момент его истории, когда размежевание между городом и деревней либо еще вообще не успело произойти, либо только еще начиналось. С городом гомеровский полис сближают лишь наличие стен и относительная плотность застройки. С точки зрения чисто социологической, если учесть, что основную массу его населения составляли крестьяне-земледельцы, отнюдь не торговцы и ремесленники, он не может быть ни чем иным, кроме поселения сельской общины или укрепленной деревни. Отсутствие же на его территории каких-то иных зависимых от него поселений, т. е. того, что составляло так называемую «хору» или сельскую

---

[12] Cambitogly A., Coulton J., Birmingham J. e. a. Zagora, 1. Sydney, 1971; Renard L. Notes d'architecture proto-géométrique et géométrique en Grèce. — L'Antiquité Classique, 1967, t. 36, f. 2; Drerup H. Griechische Baukunst in geometrischer Zeit. — Archaeologia Homerica, Bd. II, Kap. O. Göttingen, 1969, S. 33 ff.; Snodgrass A. Op. cit., p. 427.

[13] Наиболее ясно выраженный пример планировки такого рода дает поселение Эмпорио на о. Хиос. См.: Boardman J. Excavations in Chios, 1952—55. Greek Emporio. — BSA, 1967, Suppl. VI.

[14] Подробнее см.: Андреев Ю. В. Раннегреческий полис, . 32 слл.

округу позднейшего греческого полиса, означает, что и в политическом отношении гомеровский полис еще не успел стать ни городом, ни государством в собственном значении этих двух слов.[15]

Впервые в греческой литературе представление о двух различающихся между собой типах поселения — полисе и коме — появляется в произведениях Гесиода (Opera, 222—227, 240, 639; Scutum, 18), поэта, который, с известными оговорками, может быть признан младшим современником автора «Одиссеи», жившим на рубеже VIII—VII вв.[16] Если эта датировка соответствует действительности, размежевание между городом и деревней, прямым результатом которого было перерастание первичного полиса в собственно полис, т. е. в город-государство, могло начаться за два или за три поколения до Гесиода, т. е. где-то около середины VIII в., а в некоторых районах, возможно, и еще раньше[17] (напомним, что свидетельства Гесиода относятся к Беотии, которая обычно считается одной из сравнительно отсталых областей Греции).

Факты, которые могли бы служить прямым подтверждением этой догадки, пока еще крайне немногочисленны. Лишь в некоторых поселениях VIII в. археологические раскопки выявили некое подобие архитектурного ансамбля агоры, которая в это время, по-видимому, только еще начинала складываться как постоянный центр политической и религиозной жизни полиса.[18] Другие симптомы становления полиса новой формации — более или менее регулярная застройка площади поселения, про-

---

[15] Отчасти нерасчлененность города и деревни в эпосе может быть объяснена как результат сознательной архаизации и идеализации современной поэту действительности. В конце концов, Гомер мог просто пренебречь деревней со всем ее крестьянским населением, поскольку сам деревенский уклад жизни казался ему недостойным настоящего героя и аристократа. Лишь в одном из эпизодов «Илиады» (XXIII, 832 слл.) полис противопоставлен окружающей его сельской местности как средоточие торговли и ремесла. В новейшей литературе можно встретить самые различные, подчас противоречивые оценки гомеровского полиса. См.: Hoffmann W. Die Polis bei Homer. — Festschrift B. Snell. München, 1956; Hammond N. G. L. History of Greece. London, 1959, p. 67; Starr Ch. G. The origins of Greek civilization 1100—650 B. C., p. 125; Thomas C. G. Homer and the polis. — La Parola del Passato, 1966, fasc. 106, p. 7; Snodgrass A. Op. cit., p. 435; Luce J. V. The polis in Homer and Hesiod. Dublin, 1978, p. 8 f.

[16] Тронский И. М. История античной литературы. Л., 1946, с. 59.

[17] К VIII в. относят зарождение первых полисов: Ehrenberg V. 1) When did the polis rise? — JHS, 1937, vol. 57; 2) Polis und Imperium. Zürich; Stuttgart, 1965, S. 93; Leveque F. L'Aventure grecque. Paris, 1964, p. 112; Thomas C. G. Op. cit. — La Parola del Passato, 1966, fasc. 106, p. 5, 13; Snodgrass A. M. Op. cit., p. 415 ff. Ср.: Starr Ch. G. 1) The origins of Greek civilization 1100—650 B. C., p. 337; 2) The economic and social growth of Early Greece. New York, 1977, p. 111.

[18] Примером такого сооружения может служить археологический комплекс, открытый в Дрероссе (восточный Крит, см.: Effenterre H. van, Demargne P. Recherches à'Dréros. — BCH, t. 61, 1937).

думанная система укреплений, появление первых общественных зданий и храмов, также встречаются в этот период лишь эпизодически.[19] Тем не менее сама историческая ситуация середины VIII в., чреватая великим колонизационным движением, сообщает большую степень вероятности предположению о том, что именно в это время в Греции появились первые города. В сущности и выведение избыточного населения страны в колонии, и концентрация остальной его части в новых укрепленных центрах были лишь двумя диалектически взаимосвязанными сторонами одного и того же демографического процесса.

Скудная информация, содержащаяся в наших источниках, не дает возможности составить сколько-нибудь ясное представление о реальных путях становления раннего полиса. В зависимости от конкретных географических, демографических и социально-экономических условий, сложившихся в разных районах греческого мира, этот процесс мог идти одновременно по разным иногда параллельным, иногда пересекающимся направлениям. Одним из таких направлений (возможно, наиболее важным) может быть признан надежно засвидетельствованный в античной исторической традиции синойкизм, т. е. политическая интеграция ряда первичных общин, сопровождавшаяся переселением значительной части их населения в один большой полис. Классическим примером такого акта остается приписываемый Тесею аттический синойкизм, поставивший Афины в совершенно исключительное положение среди всех других городов Аттики.[20]

Чисто теоретически можно представить себе и прямо противоположный путь развития по линии постепенного разрастания первичного полиса и выделения из него ряда дочерних поселений, располагающихся вокруг своей метрополии, которая только теперь и становится полисом в собственном значении этого слова. Хотя этот второй вариант формирования греческого города-государства не отражен прямо в письменных источниках, его вероятность косвенным образом подтверждается археологическими данными, свидетельствующими о интенсивной внутренней колонизации, происходившей в ряде областей Греции в течение VIII в.[21]

Отвлекаясь от реального многообразия путей становления раннего полиса, мы должны все же подчеркнуть, что единственно возможным общим направлением этого процесса в конкретных исторических условиях Греции послемиграционного пери-

---

Snodgrass A. M. Op. p. 423 ff Martin R. L'Urbanisme dans la Grèce Antique, p. 289 sqq.

[20] О синойкизме см., напр.: Francotte H. La polis grecque. Paderborn, 1907, p. 105 sqq., Busolt G. Griechische Staatskunde, Bd. I. München, 1920, S. 156 f.; Glotz G. La Cité grecque. Paris, 1928, p. 21, 335 sq.; Kirsten E. Op. cit., S. 96 f.; Martin R. Op. cit., p. 14—15, 38.

[21] Bouzek J. Op. cit., S. 163; Snodgrass A. M. Op. cit., p. 337 f.

ода должен быть признан постепенный или сравнительно быстрый переход от более мелких и относительно простых по своей структуре социальных организмов (сельских или в некоторых случаях территориально-родовых общин) к более крупным образованиям с более сложной внутренней структурой (городским или полисным общинам). Едва ли приемлемо альтернативное решение проблемы, согласно которому полис выкристаллизовался в лоне более широкого племенного сообщества или «племенного государства» (Stammstaat), как иногда выражаются немецкие историки, в результате чего эта исконная для большинства греков форма политической общности распалась на ряд независимых городов-государств.[22] Это слишком очевидное уподобление политического развития ранней Греции эпохе феодальной раздробленности в истории европейского средневековья представляется нам несостоятельным уже по одному тому, что, в сущности, мы не располагаем никакой достоверной информацией о самих племенных сообществах, предшествовавших полисным государствам.

Расселение дорийцев и других пришедших вместе с ними или вслед за ними северногреческих племен по территории Пелопоннеса, средней и северной Греции едва ли могло повлечь за собой образование особенно значительных политических объединений в масштабе, допустим, всей Лаконии или Арголиды, Беотии или Фессалии. Восходящий к XII—X вв. археологический материал позволяет представить миграционные процессы этого периода в виде постепенного просачивания небольших и чаще всего не связанных между собой групп пришельцев на территорию уже распавшихся к тому времени микенских государств.[23] Дошедшие до нас местные предания об основании подавляющего большинства дорийских полисов Пелопоннеса, Крита, о. Родоса, а также городов ионийского двенадцатиградия в Малой Азии и ряда других районов следуют в общем и целом той же принципиальной схеме, что и позднейшие сообщения о выводе греческих колоний на берега Сицилии и Италии или в Причерноморье. Сюжетным ядром каждого такого предания является известие об основании нового поселения небольшой группой переселенцев во главе с предводителем-

---

[22] Busolt G. Op. cit., S. 129; Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Stuttgart, 1937, Bd. III, S. 297 f.; Gschnitzer Fr. 1) Stammes- und Ortsgemeinden im alten Griechenland. — Wiener Studien, 1955, Bd. 68, S. 137 ff.; 2) Stadt und Stamm bei Homer. — Chiron, 1971, Bd. 1, S. 16 ff. Ср.: Starr Ch. G. The origins of Greek civilization, p. 126 f.; Ehrenberg V. Der Staat der Griechen. Stuttgart, 1965, S. 9.

[23] Vermeule E. Greece in the Bronze age. Chicago, 1964, p. 279; Milonas G. E. Mycenae and the Mycenaean age. Princeton, 1966, p. 232; Desborough V. R. d'A. 1) The last Mycenaeans and their successors. Oxford, 1964, p. 250 ff.; 2) The Greek dark ages, p. 337, 352.

ойкистом.[24] Древнейшая история таких крупнейших полисов европейской Греции, как Спарта, Аргос, Афины, показывает, что в каждом из этих случаев становление государства шло по пути постепенного радиального расширения его территории за счет насильственного подчинения или добровольного присоединения соседних общин.[25] На этом широком историческом фоне известная легенда о разделе Пелопоннеса на три больших «удела» — Лаконию, Мессению и Арголиду, между представителями третьего поколения Гераклидов производит впечатление поздней искусственной конструкции, созданной специально для того, чтобы найти историческое оправдание для ситуации, сложившейся в этой части греческого мира едва ли ранее середины VIII в.[26]

Из всего этого отнюдь не следует, что сообщества племенного или территориально-племенного типа не принимали никакого участия в становлении раннего полиса. Во многих случаях переход со стадии самоуправляющейся первичной общины на стадию города-государства мог быть опосредован рядом промежуточных ступеней. Одной из таких ступеней был, по всей видимости, локальный союз первичных общин, связанных общностью происхождения, языка, важнейших культов и прежде всего, разумеется, потребностью в совместной защите против общих врагов. В каждом отдельном случае центром такого объединения могло стать какое-нибудь особенно почитаемое в данной местности святилище или естественная цитадель наподобие Акрокоринфа или афинского Акрополя, в которой в случае опасности могло укрыться все окрестное население. Внутри себя каждый такой союз конституировался как племенное сообщество (греки в таких случаях обычно употребляли термин ἔθνος) или по крайней мере, имитировал такое сообщество.[27]

По-видимому, нечто подобное этим «гнездам» первичных общин, предшествовавшим позднейшим городам-государствам на их территории, имел в виду Фукидид, когда писал о древнейших греческих «полисах, лишенных стен и заселенных по комам» (1, 5, 2: πόλεσιν ἀτειχίστοις καὶ κατὰ κώμας οἰκουμέναις), вследствие чего они становились легкой добычей для свирепствовавших повсюду пиратов. Еще и в V столетии, при жизни великого историка, такого рода συστήματα τῶν δήμων, как их называет Страбон (VIII, 337), существовали во многих районах Пелопоннеса, средней и западной Греции, еще не до-

---

[24] Наиболее полную подборку данных традиции дает Busolt G. Griechische Geschichte. Gotha. Bd. I, 1889, S. 203 ff.

[25] Busolt G. Op. cit., Bd. I, S. 90 ff.; 213 ff.; 518 f.

[26] Beloch K. J. Griechische Geschichte. Straßburg, 1913, Bd. 1, 2, S. 82; Toynbee A. Some problems of Greek history. Oxford, 1969, p. 49; Desborough V. R. d'A. The Greek dark ages, p. 324.

[27] Ср.: Meyer Ed. Op. cit., S. 297 ff.; Gschnitzer Fr. Stammes und Ortsgemeinden im alten Griechenland. — Wiener Studien, 1955, Bd. 68, S 287 ff.

стигших в своем развитии стадии настоящего полиса.[28] Для самого Фукидида наглядным примером такого, как он выражается, «несинойкизированного полиса» (οὔτε ξυνοικισθείσης πόλεως), заселенного по древнему эллинскому обычаю деревнями, оставалась Спарта (I, 10, 2).

Эта любопытная формулировка ясно показывает, что в традиционной дихотомии «город-государство», заключенной в самом понятии полиса, историк ставит на первое место «государство» или «гражданскую общину», очевидно, полагая, что она может существовать и в условиях негородского или догородского быта. Вместе с тем полис, еще не ставший городом, лишенный стен и расселенный по деревням, несомненно несет на себе, в понимании Фукидида, печать известной неполноценности или политической ущербности: он еще не перешагнул ту черту, которая отделяет варварство от цивилизации.

Решающий шаг из одного состояния в другое связывался в представлении древних (Фукидид здесь лишь выражает это общепринятое мнение) с актом синойкизма. Действительно, в истории если не всех, то, по крайней мере, очень многих греческих государств синойкизм, т. е. совместное поселение жителей ряда первичных общин в общем городском центре, занимает чрезвычайно важное, можно сказать, ключевое положение как завершающий этап в длительном и сложном процессе внутренней консолидации аморфного племенного сообщества, предшествовавшего полису на занимаемой им территории, и вместе с тем как начальный этап в не менее сложном процессе становления города-государства.[29] Спарта, которая сумела обойти в своем политическом развитии этот важный этап и даже в пору своего наивысшего могущества продолжала сохранять, по крайней мере, внешне некоторые черты и признаки древнего союза первичных общин, должна быть признана, как, впрочем, и во многом другом, скорее, исключением из общего правила.[30]

Разумеется, мы не должны забывать о том, что критерии, с которыми древние подходили к проблеме разграничения «города» и предшествующего ему «негорода», существенно отличались от наших сегодняшних критериев. Решение этой проблемы античные мыслители искали отнюдь не в экономической или социологической плоскости.[31] Даже Фукидид, ближе других древних авторов подошедший к современной теории экономического детерминизма, изображает так называемый «Тесеев синойкизм» Аттики как чисто волевой акт великого человека,

---

[28] См. об этом: Busolt G. Griechische Staatskunde, Bd. I. München, 1920, S. 146 ff.

[29] Ср.: Kirsten E. Op. cit., S. 96 f.; Martin R. Op. cit., p. 13.

[30] Kirsten E. Op. cit. S. 105.

[31] Martin R. Op. cit., p. 30—31; Finley M. I. The ancient economy. Berkley and Los Angeles, 1973, p. 123 f.

«соединявшего силу с умом».[32] Основную заслугу Тесея историк видит в том, что он учредил в Афинах один общий для всей страны булевтерий и пританей, упразднив все существовавшие до этого местные органы власти, и, таким образом, «принудил всех (жителей Аттики) пользоваться одним этим городом» (II, 15, 2: ἠνάγκασε μιᾷ πόλει ταύτῃ χρῆσθαι .). Для Фукидида, как, по-видимому, и для большинства его современников, настоящий город был прежде всего средоточием политической и культурной или, точнее, религиозной жизни государства, местом, где находились правительственные здания, агора, служившая в первую очередь местом народных собраний и лишь потом рыночной площадью, и, наконец, все главные святилища. Это убеждение продолжало жить в сознании греков еще в эллинистическое и даже в римское время. Еще Павсаний в своем «Описании Эллады» (X, 4, 1) с презрением отзывается о некоем фокидском городке, претендующем на то, чтобы считаться полисом, но не имеющем для этого ровно никаких оснований, так как «в нем нет ни правительственных зданий, ни гимнасия, ни театра, ни агоры, ни водоема, куда собиралась бы вода; жители же его ютятся вдоль горного потока в хижинах, похожих на пещеры».

С точки зрения современной социологии многие греческие полисы из числа тех, которых Павсаний, да и любой другой античный автор, без колебаний включил бы в разряд «настоящих городов», вероятно, были бы признаны недостойными такого названия, невзирая на наличие в них театров, гимнасиев и других подобных сооружений. В лучшем случае им пришлось бы довольствоваться обозначением «стратегические» или «церемониальные центры», в худшем они были бы просто отнесены к категории «больших деревень». Сам феномен античного урбанизма был бы при таком подходе сильно ограничен в своих хронологических и географических пределах и сведен, в сущности, лишь к нескольким разрозненным очагам городской культуры, кое-где вкрапленным в огромные массивы деревенского населения. Рассуждая примерно в таком духе, американский историк Старр[33] приходит к выводу, что «многие греческие полисы вообще никогда не имели городского центра». Еще дальше заходит в разложении привычного тождества по-

---

[32] Правда, в «Археологии» Фукидид прямо связывает возникновение городов с накоплением богатства отдельными племенами и общинами. Однако сам этот факт является в его глазах свидетельством не столько экономического прогресса, сколько роста военного могущества. См.: I, 2, 2; I, 7, 1; I, 8, 3.

[33] Starr Ch. G. The economic and social growth of Early Greece, p. 31, 98. — Сходные мысли можно встретить и у некоторых других авторов. См. напр.: Martin R. Op. cit. p. 13 (ср., однако, с. 31, 38); Кошеленко Г. А. Полис и город: к постановке проблемы. — ВДИ, 1980, № 1, с. 3 слл.

нятий «полис» и «город» Эрнст Кирстен.[34] В его понимании полис и город — явления совершенно разного порядка. Типичный полис представляет собой поселение деревенской общины (Dorfmark или Stadtdorf). Настоящие города, возникающие в результате слияния нескольких или даже многих полисов, встречаются в Греции лишь в виде исключения, как, например, Афины. Оценка античного города так же, впрочем, как и древневосточного или раннесредневекового, посредством критериев, принятых в современной социологии или политэкономии, представляется нам недостаточно оправданной и в научном плане бесперспективной, ибо при таком подходе почти полностью снимается историческая специфика этих ранних форм урбанизма. Хотя абсолютного тождества между понятиями «полиса» и «города» в древности, по-видимому, не существовало, город все же должен быть признан наиболее характерной и органичной формой существования полисной гражданской общины на протяжении всей истории античного мира.[35] Имеино как физическое воплощение политического единства полисной общины, как ее основная укрепленная резиденция, наконец, как ее главный сакральный центр греческий город с самого момента своего возникновения противостоял деревне,[36] хотя по другим показателям, таким, как социальный состав населения, уровень развития ремесла и торговли и т. п., различия между ними могли быть не столь уж существенными.

Специфичность античной формы города вытекает уже из самого ее генезиса, в котором чисто экономические факторы играли, по-видимому, лишь ограниченную роль, главенствующее же место принадлежало факторам военного и политического характера. Нельзя забывать о том, что в VIII в., т. е. в то время, когда в Греции, согласно наиболее вероятным расчетам современных историков, появились первые города-полисы, греческая экономика еще только начала выходить из состояния длительной депрессии, в котором она пребывала, по крайней мере, в течение трех столетий (с XI по IX в.).[37] Торговля и ремесло, вызванные к жизни Великой колонизацией, только еще зарождались. Господствующей формой экономической деятельности повсюду оставалось полунатуральное сельское хозяйство. В этих условиях основным градообразующим

---

[34] Kirsten E. Op. cit., S. 92 ff.

[35] Ср.: Кошеленко Г. А. Указ. соч., с. 22 слл.

[36] Ср.: Vittinghoff P. Urbanisation als Phänomen der Antike. — In: Reports of the XIVth International Congress of the Historical Sciences. New York, 1977, vol. 2, p. 778: «В своей ясно выраженной форме греко-римский „город" был, независимо от его морфогенеза... господствующим политическим и религиозно-культовым центром и (в то же время) локальным политическим сообществом граждан. .»

[37] Starr Ch. G. The origins of Greek civilization, p. 339 f.; Snodgrass A. M. Op. cit., p. 335 ff.; 402 ff.

элементом могло быть только свободное крестьянство, возглавляемое родовой знатью[38] (профессиональные ремесленники и торговцы составляли в общей массе населения страны лишь самый незначительный процент и претендовать на эту роль естественно не могли), а сами города представляли собой более или менее крупные аграрные поселения, в жизни которых ни ремесло, ни торговля не занимали сколько-нибудь заметного места. В Афинах вплоть до времени Солона, район позднейшего Керамика — квартала гончаров, так же, как и район Агоры, были заняты под кладбища.[39] Главное, что отличало город от деревни в конкретных исторических условиях этого периода, это — не столько его особые экономические функции рыночного или ремесленного центра, сколько его особое военно-политическое положение в качестве столицы карликового государства и вместе с тем основного укрепленного пункта на его территории.

Важнейшим стимулом, вызвавшим к жизни раннегреческий город, была потребность в политической консолидации или, точнее, в объединении сил и средств, принадлежавших отдельным общинам, в интересах совместной защиты и совместной же экспансии против враждебного внешнего мира.[40] Скученность и теснота городского общежития были естественным порождением той крайне напряженной демографической ситуации, которая сложилась в Греции в период, предшествующий Великой колонизации.[41] Но они же служили и известной гарантией выживания в той ожесточенной борьбе за существование, за сохранение и расширение «жизненного пространства», которой была заполнена в это время жизнь подавляющего большинства греческих племен. Поэтому там, где город не складывался сам по себе, естественным образом, он насаждался искусственно, посредством добровольной или принудительной синойкиза-

---

[38] Starr Ch. G. The economic and social growth of Early Greece, p. 32 ff.

[39] Ibid., p. 101. — Как считает тот же автор (Ibid., p. 100), экономические факторы не играли никакой роли в планировке греческих городов вплоть до V в. до н. э. По мнению Финли (Finley M. I. Op. cit. p. 131), многие городские центры античного мира существовали главным образом за счет доходов от сельского хозяйства и, следовательно, сохраняли свой по преимуществу аграрный характер еще и в гораздо более поздние времена. См. также: Доватур А. И. Аграрный Милет. — ВДИ, 1955, № 1, с. 27 слл.

[40] Ср.: Starr Ch. G. The economic..., p. 100: «Корень города заложен в консолидации полиса, и, по мере того как в течение VII—VI столетий полис приобретал все большее гражданское единство, его физический центр иногда развивал внешние признаки урбанизации». См. также: Martin R. Op. cit., p. 30—31.

[41] Ср.: Starr Ch. G. The economic. , p. 43 ff. — О скученности как проявлении демократической традиции античного полисного общежития см. интересную статью Г. С. Кнабе «Римские кварталы: теснота и история» (ДИ, 1979, № 4, с. 28 слл.).

ции сельского населения. Впрочем, еще и в гораздо более поздние времена (в классический и даже в эллинистический периоды) такого рода переселения деревенских жителей в города диктовались в первую очередь потребностями совместной обороны.[42] В этой связи уместно напомнить о том, что уже Маркс в своей незаконченной работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству», охарактеризовал античный полис как организацию, созданную прежде всего для войны. «...Война, — писал он, — является той важной общей задачей, той большой совместной работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот защитить и увековечить. Вот почему состоящая из ряда семей община организована прежде всего по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация является одним из условий ее существования в качестве собственницы. Концентрация жилищ в городе — основа этой военной организации».[43]

Разумеется, не следует забывать о том, что возникновение первых греческих полисов в VIII—VII вв. до н. э. было лишь начальным этапом в весьма длительном и сложном процессе становления города-государства. Естественно, что сама урбанизация на этом ее этапе шла практически кратчайшим из всех возможных путей и носила во многом поверхностный или, если можно так выразиться, «предварительный» характер. Отделение города от деревни чаще всего сводилось в этот период к чисто механическим перемещениям массы населения либо из центра на периферию (внутренняя колонизация), либо в противоположном направлении — с периферии в центр (синойкизм). Вследствие этого переход со стадии сельской общины на стадию города-государства, как правило, не сопровождался сколько-нибудь глубокими органическими изменениями в структуре и характере общества. Даже там, где этот переход принимал форму целенаправленного политического акта, как, например, в Аттике во время так называемого «тесеева синойкизма», внутренняя перестройка преобразующегося в полис племенного сообщества, по-видимому, не шла дальше известного упорядочения системы гентильных союзов и более четкого разграничения уже существующих социальных слоев и разрядов. Основные принципы социальной организации оставались при этом неизменными. Начальный этап урбанизации создал, таким образом, лишь самую грубую предварительную основу для того совершенно уникального исторического феномена, который мы называем «классическим греческим полисом».

Вместе с тем нельзя недооценивать то влияние, которое ран-

---

[42] Примером может служить основание Мегалополя в 370 г. до н. э. (Diod. XV, 72, *4*; Paus. VIII, 27, *1*).

[43] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 465.

ний полис уже самим фактом своего существования, предполагающим концентрацию значительной части населения страны в поселениях городского типа, мог оказать на только еще начинавшийся в то время процесс классообразования. В условиях тесного каждодневного общения больших масс людей, составляющего неотъемлемую черту городской жизни уже на самых ранних этапах ее развития, этот процесс должен был идти гораздо интенсивнее, нежели это было возможно в условиях разрозненных сельских общин.[44] Именно городская полисная община стала той социальной средой, в которой в кратчайший исторический срок могла быть осуществлена коренная перестройка архаических структур варварского общества, чтобы тем самым подготовить почву для скорейшего вызревания основных классов нового рабовладельческого общества. Таким образом, с самого момента своего возникновения полис становится главным структурообразующим элементом греческой цивилизации и сохраняет это свое значение вплоть до самого конца античной эпохи.

[44] Ср.: Vittinghoff P. Op. cit., p. 779.

Э. Д. Фролов

РАЦИОНАЛИЗМ И ПОЛИТИКА В АРХАИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ

Нередко при рассмотрении процессов формирования классического полиса, т. е. античного рабовладельческого государства в той его форме, как оно сложилось у греков к исходу архаического периода (рубеж VI—V вв. до н. э.), исследователи склонны подчеркивать решающую и исключительную роль объективных социально-экономических факторов. В этой связи значение политических деятелей — руководителей общины или отдельных группировок, законодателей и реформаторов — усматривают главным образом в том, насколько полно сумели они отразить в своих начинаниях необходимые запросы эпохи. Наиболее ярким примером этой тенденции — сводить творческие усилия древних политиков к функции своего рода рупора объективных общественных устремлений — может служить С. Я. Лурье — один из наиболее крупных и оригинальных советских исследователей античности, но вместе с тем и самый, может быть, крайний максималист в применении усвоенных им социологических правил к историческому материалу.[1]

[1] В особенности показательна в этом отношении книга С. Я. Лурье «История античной общественной мысли» (М.; Л., 1929), где в «Предисловии» с нарочитой резкостью сформулированы положения, которые нельзя определить иначе, как проповедь сугубого социально-экономического детерминизма, сводящего к нулю роль сознательных усилий человека (см. с. 7 и слл.).

Между тем исторический материализм никогда не сводил значение субъективного фактора в истории, т. е. творчества активных политических деятелей, к механическому и слепому воспроизведению закона. Так, Ф. Энгельс в одной из важнейших своих теоретических работ «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1886 г.), подчеркивая решающую роль объективных исторических законов, вместе с тем отмечал: .в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели».[2]

Вообще марксизм, подчеркивая определяющее значение объективных социально-экономических отношений, никогда не отрицал воздействия на общественный процесс и других факторов, обусловленных экономическим состоянием общества, факторов политических и идеологических. Экономические отношения составляют базис общественной жизни; на этом основании вырастает сложная социально-политическая и идеологическая надстройка, элементы которой, однажды возникнув, приобретают относительную самостоятельность и в дальнейшем могут оказывать значительное воздействие на определяемое в конечном счете экономическими обстоятельствами развитие общества. Лишь вульгарное представление об историческом материализме может приписать ему отрицание активной роли политических и идеологических факторов. Ф. Энгельс не раз протестовал против такого искажения марксистского учения. В письме к Йозефу Блоху от 21—22 сентября 1890 г. он, в частности, указывал: .согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 306.

прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей (то есть вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдалена или настолько трудно доказуема, что мы можем пренебречь ею, считать, что ее не существует). В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать простое уравнение первой степени».[3]

И далее, в том же письме, Эигельс замечает: «Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до анализа какого-либо исторического периода, то есть до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки. К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, да и то не всегда правильно. И в этом я могу упрекнуть многих из новых „марксистов"; ведь благодаря этому также возникала удивительная путаница».[4]

Постановка вопроса о роли сознательных творческих усилий в период формирования классической греческой цивилизации представляется в этой связи вполне уместной. Более того, можно априори утверждать, что именно в античности роль субъективного фактора была особенно велика. Это следует из характера самой античной цивилизации. В самом деле, в самой природе античного общества было заложено основание для особенного развертывания творческого духа. Общества древних греков и италиков в историческое время (для Греции — с VIII, а для Италии — с VI вв. до н. э.) были представлены микрокосмами независимых городов-государств, являвших собою, в смысле социально-политическом, общины свободных граждан, резко отграниченных в этом своем качестве от массы бесправного или неполноправного населения — рабов и переселенцев из других городов. Форма этой общинной организации утвердилась в ходе демократических движений, в которых народ — демос — в борьбе с родовой знатью отстоял свое право на свободу и даже добился законодательного закрепления этого свободного состояния, следствием чего была последующая ориентация античного мира на внешнее, иноземное рабство — на рабство иноплеменников, «варваров».

Победа демоса была закреплена созданием новых гражданских общин, выросших на почве исконных этноплеменных

---

[3] Там же, т. 37, с. 394—395.
[4] Там же, с. 396.

единств, но обладавших теперь особым социальным качеством. Они представляли собой корпорации свободных граждан, которые сознавали себя суверенными носителями и единственными гарантами завоеванных прав, стойко держались выработанной в ходе демократической борьбы республиканской формы государственного устройства и исповедовали соответствующие идеи. Однако эти новоявленные республики, независимо от того, были ли они собственно демократическими или олигархическими (в последних всей полнотой активных политических прав пользовалась не вся гражданская масса, а лишь часть ее — состоятельная и знатная верхушка), являли собой именно сословные корпорации, своего рода союзы граждан, противостоящих в качестве таковых остальному населению в первую очередь новым, экспортируемым извне рабам. Отсюда сила корпоративных принципов, определявших жизнь античного общества: суверенная роль коллектива граждан, нормативность социальной жизни, обусловленная стремлением сохранить полисное единство, соответственные ограничения землевладения и свободной предпринимательской деятельности для людей состоятельных и целая система социальных гарантий для бедняков, установка на целостность и неизменность гражданского состава, не исключавшая, однако, в случае необходимости кооптирования в этот состав новых членов из числа переселенцев или даже рабов, но только с согласия суверенного народа.

К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» (1845—1846 гг.) дали классическое определение этой полисной форме организации античного общества, соответствующей специфическим отношениям собственности: «Вторая (после племенной. — *Э. Ф.*) форма собственности, это — античная общинная и государственная собственность, которая возникает благодаря объединению — путем договора или завоевания — нескольких племен в один *город* и при которой сохраняется рабство. Наряду с общинной собственностью развивается уже и движимая, а впоследствии и недвижимая, частная собственность, но как отклоняющаяся от нормы и подчиненная общинной собственности форма. Граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это — совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации».[5]

Классики марксизма неоднократно обращались к теме античного общества, внимательно рассматривая особенности его социальной природы, формы собственности и организации и историческую роль. Для нас особый интерес представляет указание Ф. Энгельса в «Анти-Дюринге» (1876—1878 гг.) на при-

[5] Там же, т. 3, с. 21.

роду античной цивилизации, в основе которой лежало своеобразное жестокое, но необходимое разделение труда: за счет порабощения других, «периферийных» народов, которых сами греки, а по их примеру позднее и римляне презрительно именовали варварами, античность получила возможность творческими усилиями своих свободных граждан развить высокую культуру. «Только рабство, — заключал Ф. Энгельс, — сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира — для греческой культуры. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой науки; без рабства не было бы и Римской империи. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы. Нам никогда не следовало бы забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитие имеет своей предпосылкой такой строй, в котором рабство было в той же мере необходимо, в какой и общепризнанно. В этом смысле мы вправе сказать: без античного рабства не было бы и современного социализма».[6]

В античном мире отличительным качеством свободного человека считалось в принципе обладание досугом, и замечательно, что одно и то же слово у древних греков — «схолé» — обозначало и свободное время и интеллектуальные занятия, которыми мог заниматься свободный человек (отсюда, через средневековое посредство, и наше слово «школа»). Сложившаяся в античном обществе ситуация создавала исключительно благоприятные условия для гражданской самодеятельности и инициативы, для творческого труда свободных людей, для развития своеобразной духовной культуры, которая соответственно социальной природе своих создателей была столь же народной, сколь и аристократической. Следствием интенсивной политической, интеллектуальной и художественной деятельности был расцвет философии, социологии, истории, поэзии, искусства, архитектуры и пр. При этом показательно было преимущественное развитие именно политических и гуманитарных форм; техника и связанные с нею научные дисциплины, чье развитие обусловлено непосредственно потребностями производства, практически не развивались, поскольку основанное в значительной степени на рабском труде производство не интересовало интеллектуальную элиту античного общества. И даже если и делались какие-то открытия в научно-технической области, все равно консервативный принцип античного способа производства, где совершенствование технической базы парализовалось незаинтересованностью в труде основного работника, закрывал возможности для их использования и развития. Но в

[6] Там же, т. 20, с. 185—186.

области политического и гуманитарного знания и искусства успехи действительно были потрясающими. Указывая на присущий древнегреческой философии правильный диалектический подход к явлениям внешнего мира, ее умение взглянуть на этот мир как на совокупность взаимообусловленных отношений, Ф. Энгельс отмечал в «Диалектике природы» (1873—1883 гг.): *«Это одна из причин, заставляющих нас все снова и снова возвращаться в философии,* как и во многих других областях, к достижениям того маленького народа, универсальная одаренность и деятельность которого обеспечили ему в истории развития человечества место, на какое не может претендовать ни один другой народ».[7]

Грандиозность культурных свершений античности, в особенности в области рационального, философского знания и искусства, может служить подтверждением высказанной выше мысли об особенном значении сознательных творческих усилий политически значимых личностей в век классики. Но это можно отнести до известной степени и к более раннему, архаическому времени. Во всяком случае, у нас нет недостатка в прямых указаниях на значение субъективной воли и рациональной мысли в период формирования греческого полиса. Можно сослаться на эффективные усилия многочисленных социальных посредников и законодателей по устроению основ гражданской жизни, на выдающуюся роль правящих группировок и назначавшихся по общему согласию руководителей-ойкистов в организации колонизационного движения, наконец на рациональные моменты в политической деятельности даже таких, казалось бы, исполненных сугубого эгоизма и произвола властителей, какими были тираны архаической поры. Ниже мы специально остановимся на этих проявлениях сознательной воли и инициативы, но сначала надо охарактеризовать самое основание этих важных явлений — тот прагматический и духовный рационализм, торжество которого составляет особенную, может быть, важнейшую черту архаического периода греческой истории.

Ростки рационализма, поскольку об этом можно судить по «Илиаде» и «Одиссее», обнаруживаются уже в гомеровское время (XII—IX вв.), но самое торжество его безусловно относится к следующей эпохе, которую мы по традиции, восходящей к тому времени, когда еще не знали ни о гомеровском, ни тем более о крито-микенском периоде, продолжаем называть архаической (VIII—VI вв. до н. э.). В истории античной общественной мысли эта эпоха была отмечена решительным поворотом от преобладавшего ранее религиозно-мифологического восприятия мира к его новому, научному истолкованию. Поворот этот, осуществленный усилиями многих выдающихся умов, в конеч-

[7] Там же, т. 20, с. 369.

ном счете несомненно был обусловлен более общими и более глубинными сдвигами в жизни греческого народа. Те факторы социального прогресса, которые были заложены в структуре древнегреческого общества вопреки, а может быть, и благодаря дорийскому переселению (мы имеем в виду высвобождение сельских общин от тягостной опеки дворцовых центров и распространение железа), теперь, наконец, сказали свое слово. Результатом было рождение новых, гораздо более прогрессивных форм экономических и социально-политических отношений — античного рабовладельческого хозяйства и городской гражданской общины, полиса.[8]

И прежде всего велики были успехи в области экономической. Благодаря внедрению новых, изготовляемых из железа орудий труда сделалось возможным интенсифицировать производство как в земледелии, так и в ремесле. Углубляющееся общественное разделение труда и обусловленное этим отделение ремесла от земледелия, равно как и выделение в особый вид занятий торговли, привели, наконец, к появлению города в современном смысле слова. Вокруг первоначальных бургов — городищ, служивших главным образом целям защиты племени в случае военной опасности, выросли торгово-ремесленные посады, а вместе с ними сформировалось и новое сословие горожан — ремесленников и купцов, рабочих и матросов. Новые города развернули активную, преимущественно морскую торговлю, содействовавшую дальнейшей специализации отдельных центров на производстве избранных видов продукции и развитию их в подлинные очаги национальной экономики.

Выражением далеко зашедшего развития торговли и морского дела явились к исходу первого века архаики важные технические усовершенствования. Прежде всего радикальному усовершенствованию подверглись типы торговых и военных кораблей. В частности, с конца VIII в. до н. э. началось строительство — по преданию, впервые в Коринфе — больших военных кораблей с тремя рядами гребцов — триер. Далее, в значительной степени по восточному образцу были приняты правильные меры веса и объема — медимн для сыпучих тел (52,5 л) и метрет для жидких (39,5 л.). Наконец, к середине VII в. до н. э. относится выпуск (и то же по примеру восточных соседей, в частности Лидии) первых правильных металлических денег. На-

---

[8] Для суждения о содержании и характере переворота, свершившегося в общественной жизни греков в архаический период, ср. также: Пёльман Р. Очерк греческой истории и источниковедения / Пер. с 4-го нем. изд. С. А. Князькова. СПб., 1910, с. 77 слл.; Тюменев А. И. Революция VII—VI вв. Афины в VI в. — В кн.: История Древней Греции, ч. I (История древнего мира / Под ред. С. И. Ковалева, т. 2). М., 1937, с. 171 слл.; Колобова К. М., Глускина Л. М. Очерки истории Древней Греции. Л., 1958, с. 55 слл.: Bengtson H. Griechische Geschichte, 4. Aufl. München, 1969, S. 67 ff. (с подробной библиографией).

чеканенные по определенному весовому стандарту из дорогих или драгоценных металлов — меди, серебра, золота — монеты сменили неуклюжие металлические слитки и брусья, которые служили мерилом стоимости в гомеровский период.

Технический и экономический прогресс повлек за собой резкие перемены в области социальных отношений. Перемены затронули прежде всего сельскую общину. Интенсификация земледельческого хозяйства, все бóльшая его ориентация на городской рынок, а после изобретения денег все бóльшие возможности накопления и обогащения, открывшиеся для крупных хозяев, имели своим следствием усиление того слоя в общине, который по традиции оставался главным владетелем земли—родовой знати. Напротив, бóльшая часть рядовых общинников — крестьян, поскольку они не могли выбиться в крепкие хозяева, беднела и разорялась, входила в долги и ввиду отсутствия в тот период гарантий личной свободы попадала в долговую кабалу, превращаясь в рабов-должников. Уже Гесиод, беотийский поэт рубежа VIII—VII вв. до н. э., сам бывший зажиточным землевладельцем, страшится тех опасностей, которые угрожают крестьянскому хозяйству, и противопоставляет им не только вечную панацею от всех зол — усиленный труд, но и такие, например, ухищрения, как ограничение деторождения, всерьез советуя земледельцу не иметь более одного сына, дабы наследственный надел не дробился между несколькими сыновьями (Hesiod. Op. et dies, 376 слл.).

Кратко, но четко охарактеризовал позднее Аристотель состояние афинской общины на рубеже VII—VI вв. до н. э., накануне выступления Солона: «Надо иметь в виду, что вообще государственный строй был олигархический, но главное было то, что бедные находились в порабощении не только сами, но также и дети и жены. Назывались они пелатами (что буквально означает „соседи", но здесь, по-видимому, также и „батраки" — *Э. Ф.*) и шестидольниками, потому что на таких арендных условиях обрабатывали поля богачей. Вся же вообще земля была в руках немногих. При этом, если эти бедняки не отдавали арендной платы, можно было увести в кабалу и их самих и детей. Да и ссуды у всех обеспечивались личной кабалой вплоть до времени Солона. Конечно, из тогдашних условий государственной жизни самым тяжелым и горьким для народа было рабское положение. Впрочем, и всем остальным он был также недоволен, потому что ни в чем, можно сказать, не имел своей доли» (Aristot. Ath. pol., 2, пер С. И. Радцига).

Недовольство массы общинников социальными тяготами, которые время обрушило на их головы, находило естественное выражение в неприязни к тем, кто оказывался в выигрыше— к землевладельческой аристократии. Последняя, сильная экономически, обладала и вовсе подавляющим превосходством в сфере политической. В начале архаического периода знать

почти повсеместно ликвидировала патриархальную царскую власть, тяготившую ее своею опекою и страшившую возможностью союза с сельским демосом. Сосредоточив всю полноту административной и судебной власти в своих руках, превратив общинные органы управления—совет старейшин и народное собрание — в орудия своего исключительного господства, оперев это господство как на своего рода фундамент, на традиционное свое лидерство в исконных родовых подразделениях, система которых в виде цепи род — фратрия — фила продолжала оставаться единственной формой организации общества, землевладельческая аристократия вела дело к созданию настоящего кастового государства, где народной массе была уготована самая жалкая роль.

Трудно сказать, как сложилась бы судьба сельского демоса в Древней Греции, и насколько успешно сумел бы он защитить свои права перед натиском всемогущих денег, долговой кабалы и произвола знати, если бы как раз в это время не пришла ему помощь со стороны. Дело в том, что одни и те же процессы вели и к расслоению сельской общины — к обогащению знати и разорению крестьянства, и к росту города, к формированию нового сословия горожан. Последнее непрерывно пополнялось благодаря притоку в город всех тех, кто надеялся разбогатеть, приспособившись к новым условиям жизни, обратившись к новым доходным занятиям — ремеслу и торговле. Выходцы из сельской местности, эти изгои, утратившие связь с общиною, становясь богатыми и почтенными горожанами, заявляли претензии на уравнение в правах с аристократами, на доступ к политической власти — и это с тем бо́льшей решительностью, что как изгоев знать их ни во что не ставила, тогда как сами они по мере роста их богатства склонны были держаться о себе все более высокого мнения. Что могло быть более естественным в этих условиях, чем блок между двумя утесненными в ту пору сословиями крестьян и горожан, которые равно были недовольны засилием знати?

Складывавшийся, таким образом, общий демократический фронт получал благодаря объединению сил большие шансы на победу. К тому же в его пользу действовали еще два очень важных обстоятельства. Во-первых, по мере вытеснения бронзового оружия более прогрессивным и более дешевым железным возрастала роль вооруженного ополчения простолюдинов, фаланги пехотинцев-гоплитов, без которых правящая знать не могла уже обойтись в тогдашней, крайне осложнившейся, политической обстановке. Ведь в ту пору, в условиях демографического взрыва и обострившейся вследствие этого борьбы за жизненное пространство, защита границ своего отечества стала делом гораздо более трудным, чем в прежние, гомеровские, патриархальные времена. Во-вторых, складывавшаяся демократия тем скорее должна была обратиться к решительным дейст-

виям, что у нее с самого начала не было недостатка в политически развитых и энергичных лидерах. Ими становились выходцы из среды самой аристократии. В самом деле, разъедающее воздействие денежного хозяйства испытывала и верхушка греческого архаического общества, и члены захиревших аристократических родов или обойденные наследством младшие сыновья знатных семей также устремлялись в город, где задавали тон оппозиционным настроениям и выступлениям. Именно эти отпрыски младших аристократических фамилий, достаточно образованные и предприимчивые, близкие по своему положению и к старой родовой знати, и к новому сословию горожан, с общего ли согласия, по желанию ли демоса, или, наконец, по собственному побуждению, становились инициаторами проведения различных мер, имевших в виду преобразовать общественные отношения с позиций разума, в интересах новых прогрессивных групп.

Требованиями демоса в ту пору были сложение долгов и запрещение долговой кабалы, передел земли, установление политического равноправия и фиксация его гарантий в писаных законах. Обычно начинали с последнего — с записи законов — как дела более легкого для осуществления и вместе с тем очень важного для придания политической жизни правильного, упорядоченного характера. Архаическая эпоха выдвинула в Греции целый ряд замечательных социальных посредников, законодателей и реформаторов, стараниями которых были проведены первые важные преобразования, имевшие в виду превратить хаотически, стихийно возросшие села и посады в правильно организованные полисы. Полулегендарный Ликург в Спарте, деятельность которого древние относили еще к IX в. до н. э., позднейшие, от VII—VI вв., исторически вполне достоверные Залевк в Локрах Эпизефирских (Южная Италия), Харонд в Катане (Сицилия), Драконт и Солон в Афинах, Хилон в Спарте, Питтак в Митилене на Лесбосе — вот имена лишь наиболее значительных и известных из этих первых устроителей греческого мира.[9]

Замечательно, что фигуры этих древних законодателей и реформаторов являются в античной традиции окруженными ореолом мудрости. Для древних они всегда были живым воплощением опыта и знания, носителями народной *мудрости* (*sophia*), за которыми и закрепилось по преимуществу название

---

[9] В античной традиции систематический обзор деятельности древнейших законодателей дал Аристотель (Aristot. Pol., II, 9, p. 1273 b 27 sqq.). Из новейших исследований назовем: Adcock F. E. Literary tradition and Early Greek codemakers. — The Cambridge Historical Journal, 1927, vol. 2, p. 95 ff.; Mühl M. Untersuchungen zur altorientalischen und althellenischen Gesetzgebung. (Klio-Beiheft 29). Leipzig, 1933. О социальных посредниках-эсимнетах, в роли которых выступало большинство законодателей, см.: Toepffer J. Aisymnetes. — RE, Bd. I, 1893, Sp. 1088 ff.

мудрецов (sophoi). Позднее систематизирующий ум греков сложил даже канон семи мудрецов, состав которого весьма примечателен. Платон относил к числу древних мудрецов Фалеса Милетского, Бианта Приенского, Питтака Митиленского, Солона из Афин, Хилона из Спарты, Клеобула Линдского и Мисона Хенейского (Plat. Protagor, 343 a). Диоген Лаэртский указывает на те же в общем имена, только вместо Мисона называет коринфского тирана Периандра (Diog. L., praef., 13). Иногда же в канон семи мудрецов, согласно свидетельству того же Диогена, включали и другого тирана — афинянина Писистрата (Diog. L., l. c.). Во всяком случае, показательно присутствие в ряду важнейших представителей развивавшейся рациональной мысли тех, кто, подобно Питтаку и Солону, одновременно прославился и на поприще государственного строительства.[10]

Так или иначе, очевидно огромное значение сознательных усилий социальных посредников (греки называли их эсимнетами) и законодателей в установлении гражданского согласия и порядка, в выработке конституционных основ полиса. Наиболее ярким примером здесь может служить Солон, который не только многое сделал в этом плане в Афинах, но и провозгласил, обгоняя время, основной принцип социальной жизни в античном гражданском обществе — принцип социального компромисса, согласия (homonoia) граждан.[11]

Солон принадлежал к той части старинной знати, которая, обладая большей долею здравого смысла, обращалась к новым, более жизненным видам занятий, сближалась благодаря им с народом и, понимая его нужды, пыталась, со своей стороны, содействовать упорядочению социальных отношений. Отпрыск царского рода Кодридов Солон по необходимости, чтобы поправить пошатнувшееся состояние, обратился к занятиям торговлей и в силу этого сблизился с новой городской верхушкой. По своему социальному происхождению и положению он, таким образом, как нельзя лучше подходил к той роли всеобщего гражданского посредника, на которую выдвинула его воля граждан.

Важно, однако, подчеркнуть, что он подходил к этой роли

---

[10] Подробнее о формировании и составе канона семи мудрецов см.: Barkowski. Sieben Weise. — RE, 2. Reihe, Bd. II, Hbbd. 4, 1923, Sp. 2242 ff.

[11] Материалы, относящиеся к законодательству Солона, собраны в книге: Ruschenbusch E. Solonos Nomoi. Die Fragmente der Solonischen Gesetzeswerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte (Historia — Einzelschriften, H. 9). Wiesbaden, 1966. Для оценки деятельности Солона ср.: Колобова К. М. Революция Солона. — Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1939, № 39. Сер. ист. наук, вып. 4, с. 25—73; Лурье С. Я. К вопросу о роли Солона в революционном движении начала VI в. — Там же, с. 73—88; Oliva P Solon im Wandel der Jahrhunderte. — Eirene, vol. 11, 1972, S. 31—67; Bengtson H. GG[4], S. 121 ff.

не только, так сказать, объективно, в силу реальной близости своей к главным группам складывавшегося афинского полиса, но и субъективно. Обладая от природы живым умом и любознательностью, много повидав и узнав во время своих путешествий, он беспредельно расширил и углубил круг представлений, унаследованных от своих аристократических предков. Поэт и купец, человек глубокой культуры и вместе с тем энергичный практический деятель, Солон не только оказался восприимчив к новым идеям, но и обнаружил замечательную способность к их претворению в жизнь. Мало того, его поэтические произведения не оставляют никаких сомнений насчет того, что он вполне был в состоянии осмыслить и обосновать собственное дело. Будучи реальным политиком, он осуществил преобразования, продиктованные исторической необходимостью, но он осуществил их не в качестве слепого орудия закона, а в полном сознании своей миссии, как сознательный творец нового порядка.

Солон выступил в Афинах в момент острого социального кризиса, когда распри между народом и знатью достигли того предела, за которым должна была начаться открытая гражданская война. Назначенный в 594 г. до н. э., по общему согласию, первым архонтом и посредником в смуте, он осуществил принципиальное переустройство общественных отношений, чем, по выражению Ф. Энгельса, «открыл ряд так называемых политических революций».[12] С именем Солона связано проведение целого ряда коренных преобразований, определивших решительный поворот Афин на античный путь развития, положивших начало формированию афинского демократического полиса. В интересах широких слоев афинского народа Солон осуществил разовое сложение долгов и связанный с этим частичный передел земли, позаботился о выкупе проданных в рабство за долги и о запрете на будущее долговой кабалы, наконец, провел широкую демократизацию как частного (посредством закона о свободе завещания), так и общественного права (последнее — введением прогрессивного в ту пору имущественного ценза, возрождением народного собрания и созданием новых демократических органов — Совета Четырехсот и суда присяжных)

Реформы Солона были фундаментальны, но они не были радикальны в такой степени, в какой этого хотелось демократии: ни всеобщего передела земли, ни полного искоренения устоев аристократического порядка (в частности, системы родовых подразделений), ни тем более изничтожения самой знати Солон не произвел. В результате этот, может быть, самый замечательный из законодателей древности стал объектом нападок со всех сторон: радикально настроенная демократия пори-

[12] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 115.

цала его за видимую непоследовательность, между тем как родовая знать не могла ему простить сделанных за ее счет уступок народу. На эти упреки Солон отвечал указанием на очевидное: сделанное им имело в виду пользу всех сословий и всего общества в целом:

Да, я народу почет предоставил, какой ему нужен —
Не сократил его прав, не дал и лишних зато.
Также подумал о тех я, кто силу имел и богатством
Славился. — чтоб никаких им не чинилось обид.
Встал я, могучим щитом своим тех и других прикрывая,
И никому побеждать не дал неправо других.

(fr. 5 Diehl,[3] здесь и далее перевод С. И. Радцига).

Глубоко почитая и всячески утверждая основной устав полисной жизни — принцип золотой середины, принцип социального компромисса, поэт опору ему видел в разумном правопорядке, в благозаконии — эвномии, в честь которой сложил специальную элегию:

Сердце велит мне поведать афинянам эти заветы:
Что Беззаконье (Dysnomie) несет городу множество бед,
Но что Законность (Eunomie) во всем и порядок, и лад водворяет.
Да и преступным она на ноги путы кладет,
Гладит неровности, спесь прекращает, смиряет надменность;
Бедствий цветок роковой сушит, не давши расцвесть;
Правду в неправых судах она вводит, дела укрощает
Высокомерных людей, тушит великий раздор;
Злобу жестокой вражды прекращает она, и повсюду
Дружно и мудро при ней люди живут меж собой.

(fr. 3)

Из убеждения, что над всем должны царить право и закон, следовало и глубокое отвращение Солона к насилию и тирании. В позднейших своих стихах он не уставал подчеркивать, что сознательно пренебрег возможностью узурпировать единоличную власть:

..Мне равно не по душе —
Силой править тирании, как и в пажитях родных
Дать худым и благородным долю равную иметь.

(fr. 23)

Своею политикой Солон не только заложил основы афинского гражданского общества, но и указал путь, следуя которому это общество могло далее успешно развиваться, — путь гражданского компромисса. Призывом к гражданскому соглашению, равно как и предупреждением относительно опасности тирании (ср. fr. 10), Солон забегал вперед — общество еще должно было пройти через полосу смут и насилий, чтобы выкорчевать остатки старого режима, — но это мыслимое опережение не

умаляет реальной значимости опыта и наставлений афинского мудреца для античного полиса.

Другим важным руслом, по которому направлялись рационалистические усилия строителей полисной жизни, был вывод колоний. Известно, какую огромную роль сыграла Великая колонизация VIII—VI вв. до н. э. в развитии греческого народа.[13] Она разрядила социальную обстановку в Элладе, дав отток избыточному аграрному населению на неосвоенные (по крайней мере по представлению древних греков) периферийные земли. Она дала мощный импульс занятиям торговлей, ремеслами, товарными видами сельского хозяйства, связав цепью взаимовыгодных экономических сношений метрополии и колонии, греческие города и варварскую округу. Она дала выход накапливавшейся веками энергии, развязала инициативу, предоставила богатое поле деятельности для всех, в ком, подобно Одиссею или Архилоху, бродила закваска авантюризма, жила тяга к новому, неизведанному, сулившему успех, богатство, славу. И вот здесь также — в организации этого столь важного для формирования классической цивилизации процесса — видна выдающаяся роль сознательных и планомерных усилий тех, кто стоял тогда во главе греческих общин, или кому граждане специально доверяли руководство ответственным делом вывода колоний. Ярким примером может служить в данном случае ситуация, связанная с выводом колонии из Коринфа в Сицилию (в Сиракузы) в 735 г. до н. э.: инициатива правящего клана Бакхиадов сочетается здесь с корректирующей ролью оракула Аполлона в Дельфах и планомерной деятельностью ойкистов Архия и Херсикрата.[14]

Вывод коринфянами колонии в Сицилию и основание там нового города Сиракуз относятся к весьма еще раннему времени, согласно наиболее авторитетной хронологии, представленной у Фукидида, Пиндара (со схолиями) и Евсевия, а восходящей, по всей видимости, к раннему сиракузскому историку Антиоху — к 735 г. до н. э. (Thuc., VI, 3—5; Pind. Ol. II, 93 Boeckh cum schol.; Euseb. Chron., II, vers. arm. Karst, p. 182). Переселенцев из Коринфа возглавлял аристократ, близкий к правящей группировке Бакхиадов, Архий, сын Эвагета, из ро-

---

[13] Подробнее см.: Жебелев С. А. Греческая колонизация. — В кн.: История Древней Греции, ч. I. М., 1937, с. 146—170; Колобова К. М. Из истории раннегреческого общества (о. Родос IX—VII вв. до н. э.). Л., 1951, с. 143 слл. Boardman J. The Greek overseas. Harmondsworth, 1964; Mossé C. La colonisation dans l'antiquité. Paris, 1970.

[14] Для истории этого коринфского предприятия ср. также: Соколов Ф. Ф. Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии. СПб., 1865, с. 176 слл.; Holm Ad. Geschichte Siziliens im Altertum. Leipzig, 1870, Bd. I, S. 116 ff.; Wickert L. Syrakusai. — RE, 2. Reihe, Bd. IV, Hbbd. 8, 1932, Sp. 1478 ff.; Dunbabin T. J. The western Greeks. Oxford, 1948, p. 8 ff.

да Гераклидов (см.: Thuc., VI 3, 2; Marmor Parium, ep. 31, vs. 47).

По преданию, поводом к выводу колонии послужило преступление, совершенное Архием на любовной почве. Он домогался красивого мальчика Актеона, сына Мелисса. Не добившись своего уговорами, он попытался увести мальчика из его дома силою, но Мелисс с сородичами и друзьями воспротивился этому и в возникшей свалке Актеон погиб. К просьбам несчастного отца отомстить насильнику за смерть сына народ, очевидно, из страха перед правящей аристократией, к которой принадлежал и Архий, остался глух, и тогда Мелисс, дождавшись очередных Истмийских празднеств, взошел на крышу храма Посейдона, проклял коринфян и, призвав в свидетели богов, бросился вниз на камни. Вскоре Коринф постигли засуха и голод, а когда коринфяне вопросили Дельфийский оракул о причине несчастья, Пифия ответила, что они прогневали Посейдона и беды их не прекратятся до тех пор, пока они не отомстят за Актеона и Мелисса. Одним из феоров, членов священного посольства в Дельфы, был Архий, и вот он сразу же, даже не возвратившись в Коринф, отплыл в Сицилию, где и основал Сиракузы (Diod. fr. VIII, 8; Plut. Am. narr. 2, p. 772 c — 773 b).

Эта романтическая история не может претендовать на достоверность, хотя общий колорит ее выглядит убедительно: засилье знати — в Коринфе тогда правил знатный клан Бакхиадов, возводивших свой род к потомку Геракла Бакхиду, — самовластные выходки не чувствовавших над собой никакой узды аристократов, робость народной массы, не решавшейся прийти на помощь обиженным, — все это черты, которые на самом деле могли быть присущи социальной жизни архаического Коринфа. Однако сколь бы верно ни был передан в этой истории общий тон и сколь бы глубоко личными ни были мотивы, подвигнувшие Архия на отъезд в Сицилию, предприятие в целом носило не частный, а публичный характер: оно затронуло значительную часть народа и было организовано правящей аристократией.

Судя по масштабам вновь основанного поселения и быстроте освоения переселенцами окружающей территории, в колонию выселилось достаточно большое число коринфян. Согласно Страбону, бóльшая часть была выходцами из сельской местности Тенеи (Strab., VIII, 6, 22, p. 380), где, очевидно, рост населения и нехватка земли, помноженные на неблагоприятные климатические условия, создали особенно же неблагоприятную ситуацию.[15] То, что относительное перенаселение действитель-

[15] Относительно причин и характера колонизации в более общем контексте, но и с прямою ссылкою на случай с Коринфом ср.: Доманский Я. В. О характере ранних миграционных движений в античном мире. — В кн.: Археологический сборник. Л., 1972, вып. 14, с. 32—42. Из более

но было больной проблемой для архаического Коринфа, подтверждается древним законодательством Фидона (его обычно датируют первой половиной VII в. до н. э.), согласно которому количество земельных наделов, независимо от их первоначальных размеров, и соответственное количество граждан должно было оставаться неизменным (Aristot. Pol., II, 3, 7, p. 1265 b 12—16). Помимо коринфян предприятие увлекло и некоторых других дорийцев (ср.: Strab., VI, 2, 4, p. 270), возможно из Аргоса, судя по тому, что материальная культура архаических Сиракуз несет печать некоторого аргосского влияния (вазы аргосского происхождения, а может быть, и местные, выполненные в аргосском стиле), а легендарный сиракузский царь или тиран Поллид был родом из Аргоса (см.: Pollux, VI, 16; Athen. I, 56, p. 31 b).

Вывод колонии в Сицилию был для коринфян частью более широкой и целенаправленной программы освоения Запада. Это видно из того, что по пути в Сицилию часть колонистов во главе с Херсикратом высадилась на Керкире и, прогнав оттуда обосновавшихся там ранее эретрийцев, основала собственную колонию (Strab., VI, 2, 4, p. 269; об эретрийцах — Plut. Aet. Gr., 11, p. 293 a—b). Несколько позже те, кто уже стали сиракузянами, но, разумеется, не теряли связи и со своей метрополией Коринфом, принимали деятельное участие в основании переселенцами из Ахайи Кротона ,а колонистами из Локриды — Локров Эпизефирских (Strab., VI, 1, 12, p. 262, и 7, p. 259).

Нельзя, таким образом, недооценивать энергии и последовательности осуществлявшейся коринфянами колонизационной политики, и надо думать, что те, кто ее направлял, а это были коринфские Бакхиады, учитывали всю совокупность стоявших перед их городом проблем: необходимость дать отток избыточному аграрному населению и тем разрядить социальную обстановку в Коринфе; необходимость обеспечить условия для широкого развития коринфской торговли, в которой сами Бакхиады если и не принимали непосредственного участия, то все же были весьма заинтересованы как в одном из важнейших источников доходов (см.: Strab. VIII, 6, 20, p. 378); наконец, необходимость подкрепить и то и другое стратегически надежными опорами, создав, посредством цепи собственных и дружеских с ними колоний, своего рода мост между Балканской Грецией и Сицилией. То, что вывод колоний в Сицилию и на Керкиру носил вполне организованный характер, подтверждается, во-первых, официальным обращением к Дельфийскому оракулу, который был, так сказать, направляющим центром греческой колонизации (как бы ни мотивировалось это обраще-

---

старой литературы укажем полезную статью Обри Гвинна: Gwynn A. The charakter of Greek colonisation. — JHS, 1918, vol. 38, p. 88 ff.

ние в романтическом предании),[16] а во-вторых, высоким положением самих основателей-ойкистов: оба — и Архий, и Херсикрат — были Гераклидами, причем для Херсикрата прямо засвидетельствована его принадлежность к правящему роду Бакхиадов (Schol. Ap. Rhod., IV, 1212 и 1216), и это же с большой долей вероятности можно предполагать и для Архия. Во всяком случае, в последующей традиции прочно отложилось представление о том, что Сиракузы были основаны по инициативе коринфского рода Бакхиадов (ср: Ovid. Metamorph. V, 407—408)

Из намеченных выше категорий политиков архаической поры, чья деятельность подтверждает выдающуюся роль рационального момента в формировании греческого полиса, осталось сказать еще о тиранах. К сожалению, в данной статье мы не сможем сделать это так подробно, как хотелось бы. Отметим, однако, что и их тоже античная традиция изображает как людей, исполненных не только страсти и воли, но и выдающегося ума. Периандр и Писистрат по совокупности своей деятельности относились (по крайней мере некоторыми авторами) к числу семи мудрецов (ср. выше). Примечательны также исполненные расчета манипуляции Писистрата с религиозными святынями своего родного города. Мы имеем в виду историю с вторичным его приходом к власти при непосредственном будто бы участии богини Афины (см.: Her. I, 60; Aristot. Ath. pol., 14,4) [17]

Как бы то ни было, приведенных примеров достаточно, чтобы судить об огромном значении рационального момента в политическом творчестве ранних греков. Спрашивается теперь, в чем же причины этого особенного явления? Ответ надо искать в тех особенных обстоятельствах, при которых проходило формирование греческого полиса. Во-первых, необходимо иметь в виду те объективные факторы, которые определяли характер социально-политического развития греков в архаическое время. Индивидуализация и демократизация производственной деятельности и вообще экономической жизни, равно как и демократизация военного дела (и то и другое — в связи с распространением железа), растущая роль города как средоточия прогрессивных видов экономической деятельности, торговли и ремесла, активность переходящих в город, но и не

---

[16] Конечно, было бы прямолинейным, как это делал некогда Эрнст Курциус (Греческая история / Пер. с 4-го нем. изд. А. Веселовского. М., 1880, т. 1, с. 416 слл.), говорить о форменном руководстве греческой колонизацией со стороны Дельф, но и чрезмерное скептическое отношение, укоренившееся в новейшей литературе по примеру Р. Пёльмана (Пёльман Р. Очерк греческой истории и источниковедения, с. 62; Bengtson H. GG⁴, S. 88—89), едва ли до конца справедливо.

[17] Для оценки предания и самого факта ср.: Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. München, 1967, Bd. I—II (I, S. 49; II, S. 545).

утрачивающих связи с землевладельческой аристократией представителей «средней» знати — все это не только подводило к победе полисного строя, но и одновременно высвобождало и стимулировало творческую энергию личности. Во-вторых, не следует упускать из виду культурное наследие и опыт прошлых эпох самой греческой истории. Коль скоро возникновение города и государства в архаический период было для греков уже не первою, а по крайней мере второю попыткою построения цивилизации и «темный» период между микенским временем и архаическим вовсе не был до такой степени полосою одичания, как это представлялось ранее, то есть все основания говорить о известном культурном и, в частности, интеллектуальном преемстве, носителем которого была и оставалась аристократия. Лучшей иллюстрацией к сказанному может служить Гомер — воплощение не только и не просто народной мудрости, но и своеобразной, достаточно утонченной «философии жизни». Наконец, не следует сбрасывать со счетов и воздействие на греков соседних передневосточных цивилизаций с их более разработанною религией и мифологией, значительными уже начатками научных знаний, огромным политическим и законодательным опытом. Все вместе и развязало и стимулировало рациональное творчество греков в век архаики.

Всем сказанным, разумеется, не отрицается решающая роль объективных социально-экономических и политических факторов в становлении классической греческой цивилизации — успехов производительных сил (появление железа), развития ремесла и торговли и возникновения города в современном смысле слова, социальной борьбы и т. д. Однако значение этих моментов как основы не исключает большой роли субъективных творческих усилий, в силу которых социальные и политические установления греков, равно как и их политическая идеология, рано обрели такой четкий, исполненный рационального узора профиль, на какой, как кажется, не может претендовать ни один другой древний народ.

Ю. В. Корчагин

ФЕССАЛИЙСКИЙ СОЮЗ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ IV в. ДО Н. Э.

Политическая жизнь античной Греции характеризовалась крайней раздробленностью. Страна представляла собой конгломерат автономных городов-государств, полисов. Известный немецкий ученый К. Ю. Белох назвал партикуляризм наследственной болезнью греческого народа.[1] Однако в позднеклассический

[1] Beloch K. J. Griechische Geschichte, 2. Aufl. Berlin; Leipzig, 1922, Bd. III, Abt. 1, S. 515.

период началось преодоление полисного партикуляризма. Это нашло свое выражение в федеративном движении, которое особенно широко развернулось в первой половине IV в. до н. э. Федеративное движение охватило многие регионы греческого мира и прежде всего государства, считавшиеся отсталыми. Благодаря консолидации своих сил некоторые из этих государств смогли добиться выдающегося положения в Греции (Беотия, Фессалия, Аркадия). Возрожденные на новой основе древние племенные союзы и вновь созданные объединения достигли сравнительно высокой степени развития федерализма (прежде всего Беотийский союз). Одним из своеобразных примеров этого федеративного движения является Фессалийская лига.

По-видимому, до IV в. до н. э. вряд ли можно говорить о существовании постоянного и прочного Фессалийского союза. Несомненно, между фессалийскими полисами существовали определенные союзные отношения, которые были обусловлены прежде всего общим племенным родством и необходимостью совместных действий на внешней арене. Геродот рассказывает, что фессалийцы на основании общего решения послали на помощь Писистратидам тысячу всадников во главе с царем Кинеем (Herod., V, 63). Совместные действия фессалийцев наблюдаются и во время греко-персидских войн (Herod., VII, 130; 172—174) и в период Пелопоннесской войны (Thuc. I, 102, 4; II, 22, 3; IV, 78, 3). Подобные союзные отношения не носили характера прочного союза с постоянно действующими общефессалийскими органами управления. Так, отряды фессалийских городов, прибывшие на помощь Афинам в начале Пелопонесской войны, не обладали общим руководством, а находились под командованием своих собственных военачальников (Thuc, II, 22, 3). Фессалийские полисы выступают здесь совершенно самостоятельно. Прибытие фессалийцев было обусловлено их давним союзом с афинянами, но, по-видимому, они не были связаны общим решением по этому вопросу. Аморфность и слабость Фессалийского союза видна также из событий, связанных с походом Брасида через Фессалию (Thuc., IV, 78). При помощи фессалийцев, дружественно настроенных к Спарте, Брасиду удалось без особых хлопот пересечь страну. Правда, ему пытались помешать в этом другие фессалийцы, настроенные иначе, чем проводники Брасида. Они заявили, что спартанский полководец поступает несправедливо, совершая свой марш без согласия всех фессалийцев (ἄνευ τοῦ πάντων κοινοῦ). Если бы эти люди были должностными лицами Фессалийского союза, то Фукидид соответственно назвал бы их. Он же обозначает их просто как других фессалийцев, противников тех, которые сопровождали Брасида. По-видимому, те и другие фессалийцы действовали как частные граждане (проводники Брасида говорили, что они оказывают ему услугу, будучи связанными с ним узами госте-

принимства). Выражение Фукидида ἄνευ τοῦ πάντων κοινοῦ обычно понимают как ссылку на союзное собрание.[2] Если это даже и так, то данные события показывают его слабость и неавторитетность. Нет свидетельств, которые бы позволяли говорить о нем, как о постоянном органе власти. Неупоминание Фукидидом в этом рассказе союзных магистратов свидетельствует, очевидно, об их отсутствии в Фессалии.

Следует добавить, что самостоятельность фессалийских полисов проявляется и в том, что в V в. до н. э. они чеканят собственные монеты.[3]

Наконец, в пользу того, что союзные отношения в Фессалии не приняли форму постоянного союза, свидетельствует временный характер должности фессалийского тага.

Должность тага довольно древнего происхождения. Сам термин «таг» из античных писателей употребляет только Ксенофонт. Кроме того, он встречается в фессалийской надписи, относящейся к V в. до н. э. (SIG,[3] I, № 55). Большинство же древних авторов, говоря о правителях Фессалии, применяют термин «*басилевс*» (Pind., Pyth. X; Herod., V, 63,3; VII, 6; Thuc. I, 111, 1). Вероятно, вместо специфического фессалийского названия они употребляли обычное выражение, соответствующее их взгляду на характер этой должности.[4] Но фессалийский таг не был царем в полном смысле этого слова. На это обратил внимание еще Эд. Фримэн, который указывал, что должность тага не была наследственной и постоянной.[5] Тем не менее Эд. Фримэн считал, что по своей природе таг стоял ближе к царю или тирану, чем к федеральному президенту.[6]

Ряд исследователей рассматривает тага как экстраординарную магистратуру, как чрезвычайный орган власти.[7] По их мнению, назначение тага производилось в том случае, когда требовалось единое руководство, прежде всего для ведения военных

---

2 Meyer Ed. Theopomps Hellenika. Halle, 1909, S. 219; Larsen J. A. O. 1) Representative government in Greek and Roman history. Berkeley; Los Angeles, 1955, p. 41; 2) A new interpretation of the Thessalian confederacy. — Class. Philol., 1960, vol. 55, p. 243; Sordi M. La lega tessala fino ad Alessandro Magno. Roma, 1958, p. 330.

3 Head B. V. Historia Numorum. Oxford, 1911, p. 290 ff.

4 Vischer W. Kleine Schriften. Leipzig, 1877, Bd. I, S. 338, Anm. 1; Meyer Ed. Op. cit., S. 237; Larsen J. A. O. Greek federal states. Oxford, 1968, p. 14, n 6.

5 Freeman E. A. History of federal government. London; Cambridge, 1863, vol. 1, p. 152.

6 Ibid., p. 153.

7 Ibid., p. 152; Vischer W. Op. cit. S. 338, 340; Meyer Ed. Op. cit., S. 220 ff; Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde. München, 1926, Bd. 2, S. 1481 ff. — Э. Д. Фролов (Греческие тираны. Л., 1972, с. 102—103) считает, что Ясон превратил тагию из временной должности в постоянную.

действий. Срок должности тага заканчивался с окончанием войны.[8]

В противовес этому Дж. Ларсен отстаивает концепцию, согласно которой тагия была постоянным органом власти.[9] Он полагает, что таг избирался пожизненно и являлся постоянным магистратом, который стоял во главе единого фессалийского государства.

Период без тага — «атагия», по мнению Дж. Ларсена, составлял всего несколько дней между смертью одного тага и выборами другого. Время «атагии» Дж. Ларсен сравнивает с периодом междуцарствия в Риме, который обозначался термином *interregnum*.

Однако, по-видимому, тагия не являлась постоянной магистратурой. Сохранилась надпись V в. до н. э., представляющая собой декрет небольшого фессалийского города, в котором коринфянину Сотеру предоставляются различные привилегии (SIG,[3] I, № 55). Декрет гарантирует защиту этих привилегий, «когда таг есть и когда тага нет». Это выражение соответствует обычной формуле: «во время войны и во время мира».[10] Таким образом, очевидно, что имелись периоды существования без тага. И совершенно невероятно, чтобы эти периоды атагии были ограничены лишь небольшими промежутками между смертью одного тага и выборами другого. В противном случае декрет не содержал бы вышеприведенной формулы, которая показывает, что атагия могла охватывать довольно длительный период.[11]

Как правило, все ситуации, в которых появляются фессалийские таги, связаны с военными походами и внешнеполитическими действиями.[12] Надо полагать, что они назначались прежде всего для ведения войны и время исполнения ими должности ограничивалось ее сроками. Так, может быть, назначение тагом Даоха, который исполнял свою должность в течение 27 лет (SIG,[3] I, № 274), было вызвано Пелопоннесской войной, в ко-

[8] Г Бузольт и Г Свобода (Op. cit., S. 1482) полагают, что таг избирался на период войны. В. Фишер, рассматривая тагию как чрезвычайную магистратуру, тем не менее сомневался в том, что власть тага заканчивалась с окончанием войны (Op. cit., S. 338, Anm. 2). Он более склоняется к тому, что звание тага накладывалось на весьма длительный срок или даже пожизненно (Op. cit., S. 338). Эд. Мейер говорит о пожизненном сроке тагии (Op. cit., S. 221).

[9] Larsen J. A. O. 1) A new interpretation of the Thessalian confederacy, p. 239; 2) Greek federal states, p. 15.

[10] Meyer Ed. Op. cit., S. 232 ff.; Busolt G., Swoboda H. Op. cit. S. 1481.

[11] Дж. Ларсен (A new interpretation of the Thessalian confederacy, p. 239) считает, что появление этой формулы было обусловлено ослаблением Фессалии в V в. до н. э., когда, по его мнению, впервые наблюдаются долгие периоды без тага. Он полагает, что такое положение не характерно для более раннего фессалийского государства.

[12] Meyer Ed. Op. cit., S. 237 ff.; Beloch K. J. GG[2], Bd. , Abt. 2, S. 197 ff.

торой Фессалия принимала активное участие, а с завершением войны его полномочия закончились.[13]

В первой половине IV в. до н. э. характер связей между фессалийскими полисами принимает форму постоянного союза. Образование Фессалийской лиги относится к периоду, последовавшему за смертью тирана Ясона (370 г до н. э.). Фессалийский союз выступает в качестве одной из договаривающихся сторон в договоре между афинянами и фессалийцами, датируемом 361/60 г. до н. э. (JG,^{2} II/III, 1, № 116).[14]

Ряд исследователей полагает, что лига была создана вскоре после 364 г до н. э., когда с помощью беотийцев было сокрушено могущество тирана Александра из Фер — племянника Ясона.[15] Александр в отличие от своего дяди проводил жесткую политику в отношении фессалийских городов, что вызвало сильную оппозицию с их стороны. Они объединились в союз, в который вошли все фессалийские полисы, за исключением Фер, находившихся под властью Александра.

К. Ю. Белох относит образование Фессалийского союза к 367 г. до н. э.[16] Он указывает, что в противном случае фессалийцы не смогли бы оказать действенное сопротивление Александру и выставить сильное войско в битве при Киноскефалах в 364 г. до н. э.[17]

Однако, по всей вероятности, основание Фессалийского союза произошло в 369 г. до н. э.[18] К этому году относится экспедиция Пелопида в Фессалию, предпринятая им после обращения фессалийских полисов в Фивы с просьбой оказать помощь в борьбе против ферского тирана. Однако фиванскому полководцу не удалось добиться полной капитуляции Фер. В этих условиях, имея в виду необходимость дальнейшей борьбы с Александром и укрепление позиций беотийцев в Фессалии, Пелопид, по-видимому, предпринял действия, направленные на объеди-

---

[13] Нам кажется, что совершенно правы Г. Бузольт и Г. Свобода (Op. cit., S. 1482), которые относят время правления Даоха к 431—404 гг. до н. э. (ср.: Sordi M. Op. cit., p. 115). Отсутствие упоминаний о нем в источниках вызвано тем, что его власть была лишь номинальной.

[14] Koehler U. Attische Psephismen aus der ersten Hälfte des vierten Jahrhunderts. — Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts. Athenische Abteilung, 1877, Bd. II, S. 200; Tod M. N. A selection of Greek historical inscriptions. Oxford, 1948, vol. II, N 147. Эд. Мейер (Op. cit., S. 228) датирует надпись 362/1 г. до н. э.

[15] Busolt G., Swoboda H. Op. S. 1486; The Cambridge ancient history. Cambridge, 1927, vol. 6, p. 87.

[16] Beloch K. J. GG^2, 3, 1, S. 183.

[17] Ibid., S. 183, Anm. 1.

[18] К 369 г. до н. э. образование Фессалийской лиги относят: Koehler U. Op. cit., S. 202; Westlake H. D. Thessaly in the fourth century B. C. London, 1935, p. 134—135; Фролов Э. Д. Указ. соч. с. 110—111; Эд. Мейер (Op. cit., S. 231), считая, что Фессалийский союз был основан не позднее 364 г. до н. э., склоняется к тому, чтобы датировать это событие 368 г. до н. э.

нение фессалийцев в единый союз. Политика Пелопида нашла поддержку в большинстве фессалийских городов, поскольку они были заинтересованы в объединении, которое могло бы противостоять притязаниям Александра. Плутарх заключает свой рассказ о первом походе Пелопида в Фессалию сообщением, что Пелопид оставил фессалийцам «согласие в отношении друг друга» (Plut., Pelop., 26). Эти слова древнего автора можно рассматривать как указание на создание союза фессалийских полисов. Может быть, в этом же смысле следует понимать и Диодора, который говорит, что Пелопид устроил дела в Фессалии с выгодой для беотийцев (Diod., XV, 67).

Главным магистратом созданной Фессалийской лиги являлся архонт. Он выступает в качестве главы союза в договоре, который заключили фессалийцы с афинянами в 361/60 г. до н. э. (JG,^{2} II/III, 1, № 116). Прежнее название высшей должности в Фессалии «таг» упраздняется и заменяется титулом «архонт».[19] Это изменение было вызвано не только тиранической деятельностью тиранов из Фер, которые именовались тагами, но также образованием лиги, в которой органы власти в отличие от древнего племенного союза носили постоянный характер.

Глава Фессалийского союза—архонт наследовал многие черты, присущие прежнему тагу Несомненно, основной функцией архонта, как и тага, являлось предводительство на войне. Уже сама лига была организована в связи с необходимостью борьбы против тирана Александра, и поэтому военный вопрос должен был иметь в ней первостепенное значение. Кроме того, договоры о союзе между фессалийцами и афинянами показывают, что военные занимали важное место в структуре Фессалийского союза (JG,^{2} II/III, № 116, 175). Среди тех, кто приносит клятвы на верность договору, упоминаются полемархи, гиппархи, педархи (Ibid.). Архонт осуществлял руководство внешней политикой, заключал договоры с другими государствами (JG,^{2} II/III, 1, № 116). По-видимому, в сферу его компетенции входили также и вопросы внутреннего управления, подобно прежнему тагу. Так, Алев Рыжий разделил Фессалию на четыре части, которые назывались тетрадами (Harpocrat., s. v. τετραρχία). В качестве главы лиги архонт, как и таг, очевидно, имел право требовать от фессалийских городов поставки определенных контингентов войск, а также уплаты дани от подчиненных полисов (Xen. Hell. VI, 1, 8, 19).

Срок должности архонта неизвестен. Обычно считается, что он избирался пожизненно.[20] Однако нам кажется, что архонт

---

[19] Meyer Ed. Op. cit., S. 228; 231; Busolt G., Swoboda H. Op. cit., S. 1487; Westlake H. D. Op. cit., p. 136; Larsen J. A. O. Greek federal states, p. 24.

[20] Meyer Ed. Op. cit., S. 228; Beloch K. J. GG^2, I, 2, S. 201; III, 1, S. 184; Busolt G., Swoboda H. Op. cit., S. 1487; Westlake H. D. Op. cit., p. 136; Larsen J. A. O. Greek federal states, p. 24. У. Келер

избирался ежегодно. Отличие нового архонта от прежнего тага, по-видимому, состояло не только в названии. По нашему мнению, в Фессалийской лиге, учрежденной в 369 г. до н. э., должность архонта в отличие от тага была сделана постоянной магистратурой. Прежняя тагия как чрезвычайный орган власти племенного союза уже не соответствовала новым условиям, которые требовали более стройной и постоянной организации. Другое изменение состояло в том, что архонт стал магистратом, который сменялся каждый год. Ежегодная сменяемость высшего магистрата Фессалийского союза отвечала той ситуации, в которой образовался союз. При преемниках Ясона власть тага выродилась в тиранию. По словам Ксенофонта, Полифрон сделал тагию равной тирании (Хеп Hell., VI, 4, 34) При основании лиги фессалийцы должны были учесть это обстоятельство и принять меры к тому, чтобы не допустить подобного превращения с новым главой союза. В значительной степени этому способствовало ежегодное переизбрание архонта. Кроме того, в организации лиги принял участие Пелопид, и он мог оказать влияние на выработку ее институтов, основываясь на развитой федеративной системе Беотийского союза, в котором выборы высших магистратов производились каждый год. Причем согласно конституции Беотии, беотархи, не сложившие с себя полномочий по истечении срока их должности, подлежали смертной казни (Plut., Pelop., 34). Такая система отвечала интересам фессалийских полисов, опасавшихся установления тирании. В Беотийской федерации периода фиванской гегемонии тоже существовала должность общесоюзного архонта, но в отличие от фессалийского архонта он был лишь эпонимным магистратом и не обладал реальной властью.

Кроме архонта в качестве высших магистратов Фессалийского союза выступают четыре полемарха. Каждый из них представлял одну из четырех областей, на которые была разделена Фессалия (JG², II/III, 1, № 175). Они назывались тетрадами или тетрархиями.[21] Традиция относит разделение Фессалии на четыре части к древним временам (Harpocrat., s. v. τετραρχία). Во всяком случае, о тетрархии упоминает уже Еврипид в «Алкесте» (Euripid, Alcest., 1154). Тогда во главе их стояли тетрархи. В одной из посвятительных надписей в Дельфы времени

(Op. cit., S. 203) на основании употребленного в договоре фессалийцев и афинян (JG², II/III, 1, N 116) выражения делает вывод, что архонт избирался не ежегодно, а на более длительный срок. М. Тод (Op. cit., 146—147) оставляет вопрос открытым, была ли должность архонта пожизненной или ограничена каким-то периодом лет.

[21] Тетрады были не просто географическими понятиями, но так же, как и тетрархии, обозначали административные округа. См.: Gschnitzer F. Namen und Wesen der thessalischen Tetraden. — Hermes, 1954, LXXXII, S. 453 ff.

Филиппа Македонского называется тетрархом Акконий, живший в V в. до н. э. (SIG,[3] I, № 274).[22]

В новом Фессалийском союзе традиционное разделение страны на четыре района было сохранено. Но теперь их возглавляли полемархи.[23] Изменение названия главных магистратов четвертей, очевидно, было связано с какими-то изменениями в сфере их компетенции. Может быть прежние тетрархи, ввиду того, что не было постоянного центрального правительства, имели гораздо более обширные права. В отсутствие тага они обладали всей полнотой гражданской и военной власти в своей тетрархии и правили ею по своему усмотрению. Они стояли у власти весьма длительный срок, может быть, пожизненно.[24] При слабости центральных органов они были полными хозяевами в стране. Такое положение не могло соответствовать принципам построения новой Фессалийской лиги, организованной более или менее правильным образом. Поэтому полемархи, вставшие после 369 г. до н. э. во главе четвертей, подчинялись прежде всего постоянному главе исполнительной власти — архонту и являлись членами центрального правительства, а не самостоятельными и почти независимыми правителями. По-видимому, как и архонт, они избирались ежегодно. Косвенным подтверждением такого взгляда могут служить слова Демосфена, который утверждает, что Филипп Македонский установил в Фессалии тетрархии, чтобы граждане были рабами не только по полисам, но и по племенам (Demosth., IX, 26). Очевидно, здесь имеется в виду восстановление тетрархий во главе с тетрархами в их прежнем значении и виде. Показательно, что нет никаких данных, которые позволяли бы говорить, что в новой лиге четверти назывались тетрархиями. Они обозначаются просто поименно: Пелазгиотида, Фтиотида, Фессалиотида и Гестиотида (JG,[2] II/III, 1, № 175)

Очевидно, основной функцией полемархов было военное командование. На это указывает характер лиги, имеющей военную направленность, и само название этих магистратов. Будучи представителями одного из четырех районов страны, они

---

[22] Акконий называется τέτραρχος Θεσσαλῶν. Очевидно, это выражение следует понимать в том смысле, что тетрарх был представителем не только своей области, но и всего фессалийского государства. См.: Gschnitzer F. Op. cit., S. 454; ср. Meyer Ed. Op. cit., S. 231.

[23] Сравнительно недавно найдена надпись середины V в. до н. э., которая упоминает фессалийских полемархов. См.: Daux G. Dedicace thessalien d'un cheval à Delphes. — BCH, LXXXII, 1958, p. 229—234. Дж. Ларсен (A new interpretation of the Thessalian confederacy, p. 242; Greek federal states, p. 23) считает, что в то время полемархов было четыре и что они возглавляли четверти страны. Мнение Дж. Ларсена основывается только на том, что полемархи во главе четвертей известны нам после 369 г. до н. э. Сама надпись, где полемархи упоминаются лишь в качестве эпонимных магистратов, никаких оснований для такого вывода не дает.

[24] Beloch K. J. GG[2], 1, 2, S. 199; Larsen J. A. O. 1) A new interpretation of the Thessalian confederacy, p. 239; 2) Greek federal states, p. 23.

осуществляли руководство войсками своей четверти. Вместе с архонтом они составляли исполнительную власть в лиге. Полемархи принимали участие в руководстве внешней политикой Фессалийского союза (JG,² II/III, 1, № 116, № 175). По-видимому, основные права по внутреннему управлению страной принадлежали архонту.

В качестве военных командиров меньшего значения выступают гиппархи и педзархи (JG,² II/III, 1, № 116, № 175). Педзархов было не больше 20 и не меньше 16.[25] Они подписывали договоры, в которые вступал союз (Ibid.) Это обстоятельство еще больше подчеркивает военный характер лиги.

Законодательная власть воплощалась в союзном собрании Фессалийской лиги. На его существование указывает употребление глагола ψηφίζω Демосфеном и Эсхином применительно к решениям и постановлениям фессалийцев (Demosth., I, 22; II, 11; Aeschin., III, 161). Рассмотрению фессалийского союзного собрания подлежали все основные вопросы внутренней и внешней политики лиги. Так, по решению общего собрания фессалийцы послали войска на помощь Писистратидам (Herod. V, 63, 3). Спартанского полководца Брасида, который в 424 г. до н. э. пересекал Фессалию, обвинили в том, что он совершает свой марш без согласия союзного собрания (Thuc., V, 78, 3). На союзном собрании фессалийцы постановили потребовать у Филиппа Македонского возвратить им Пагасы и Магнесию (Demosth., I, 22; II, 11). В союзном собрании имели право участвовать все полноправные фессалийские граждане.[26] Союзное собрание избирало главных магистратов лиги — архонта и полемархов, ибо нет данных о наличии собраний граждан по четвертям.

Спорным является вопрос о существовании в Фессалийской лиге союзного совета. Эд. Фримэн утверждал, что никакого федеративного совета в Фессалии не было.[27] После опубликования надписи, представляющей собой договор фессалийцев и афинян 361/60 г. до н. э., исследователи попытались найти в ней указание на союзный совет. У Кёлер считал, что упоминаемые в надписи гиеромнемоны составляли совет лиги и посылались отдельными городами.[28] Однако текст договора не дает оснований для

---

[25] Meyer Ed. Op. cit., S. 229, Anm. 1; Busolt G. Swoboda H. Op. cit., S. 1487; Tod M. Op. cit., p 147.

[26] М. Сорди (Op. cit., p. 330) полагает, что союзное собрание носило представительный характер. Однако мы не располагаем данными, свидетельствующими о представительной системе в Фессалийском союзе. Естественно считать, что в союзном собрании принимали участие все свободные фессалийцы. Очевидно, именно в этом смысле следует понимать выражение Фукидида ἄνευ τοῦ πάντων κοινοῦ (Thuc., IV, 78, 3). См.: Meyer Ed. Op. cit., S. 219; Larsen J. A. O. 1) Representative government in Greek and Roman history. Berkley; Los Angeles, 1955, p. 41; 2) A new interpretation of the Thessalian confederacy, p. 243.

[27] Freeman E. A. Op. cit., p. 153.

[28] Koehler U. Op. cit., S. 203.

такого мнения, поскольку гиеромнемоны в ряду дающих клятву со стороны Фессалии располагаются на последнем месте, даже после гиппархов. Ясно, что в таком положении они не могут быть советом. Наиболее вероятно, что гиеромнемоны являлись представителями лиги в Дельфийской амфиктионии.[29] Дж. Ларсен ассоциирует с союзным советом упоминаемых в надписи «всадников» (ἱππεις).[30] Но вряд ли это правомерно. Такие же всадники приносят клятву со стороны Афин, и виден явный параллелизм по месту их расположения с фессалийскими всадниками. Кроме того, среди дающих клятву со стороны Афин упоминается буле, но со стороны фессалийцев ей ничего не соответствует. По всей видимости, все это говорит об отсутствии союзного совета в Фессалии. Может быть, что-то вроде коллегии при архонте составляли полемархи, которые, как и афинская буле, упоминаются на втором месте в ряду дающих клятву с обеих сторон.

Официальным названием Фессалийской лиги было τῶν Θετταλῶν и Θέτταλοι (JG,² II/III, 1, № 116).

Таким образом, Фессалийский союз является примером федеративного движения в Греции в первой половине IV в. до н. э. Он демонстрирует проявившуюся в этот период общую тенденцию к преодолению партикуляризма и образованию союзов и федераций. Вместе с тем Фессалийская лига обладала рядом особых черт. В ней наблюдается значительная неразвитость федеративных институтов. Это проявилось, в частности, в отсутствии союзного совета, что усиливало власть исполнительных органов и делало ее во многом бесконтрольной. Достаточно слабым было союзное собрание. Участие в нем всех фессалийцев придавало ему ненужную громоздкость и понижало эффективность его деятельности. Высшая исполнительная власть характеризовалась отсутствием коллегиальности. Архонт по существу являлся единоличным правителем Фессалии. Такое положение архонта было обусловлено в значительной степени традициями фессалийского государства, в котором таг — непосредственный предшественник архонта обладал обширными полномочиями. Но все-таки власть архонта была ограничена союзным собранием и его ежегодной сменяемостью. Одной из особенностей Фессалийской лиги является ее ярко выраженный военный характер. Он наложил отпечаток на политическое устройство лиги, в котором многие институты были подчинены целям войны, что ослабляло федеративные начала в Фессалийском союзе. Нет оснований говорить о начатках представительной системы в Фессалийской лиге. Ничего не известно о столице союза, которая была бы местом пребывания общефессалийских органов.

---

[29] Westlake H. D. Op. cit., p. 137; Tod M. N. Op. cit., p. 145.

[30] Larsen J. A. O. A new interpretation of the Thessalian confederacy, p. 240.

Н. С. Широкова

ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КЕЛЬТОВ (К ВОПРОСУ О РОЛИ МИГРАЦИЙ И ВОЙН В СТАНОВЛЕНИИ РАННЕКЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА)

Как известно, для периода разложения первобытнообщинного строя и становления классового общества характерны переселения варварских первобытных народов и связанные с ними вторжения и войны. Социально-экономические основания этих явлений были раскрыты К. Марксом и Ф. Энгельсом.

К. Маркс связывал эти ранние миграции варваров с характерным для них примитивным способом хозяйствования. Он отмечал, что эти племена занимались в основном скотоводством и охотой и поэтому испытывали острую нужду в обширных территориальных пространствах.[1]

Недостаточное развитие производительных сил сопровождалось относительным перенаселением варварских обществ, демографический взрыв в которых засвидетельствован целым рядом исследований. Так, например, в греческих общинах гомеровского периода складывалась настолько напряженная демографическая ситуация, что они должны были объединяться и создавать общие опорные пункты для борьбы с соседними племенами, наступавшими на их границы.[2]

Лучшим выходом из положения было выселение избыточного населения общины на новые места. Этнографические параллели, взятые из быта американских индейцев XIX в., подтверждают этот вывод. Так, по наблюдениям Л. Г Моргана, если у оседлых индейцев деревня оказывалась перенаселенной, то часть населения уходила вверх или вниз по течению той же реки и основывала новое селение.[3]

Рассматривая причины переселений варваров, К. Маркс писал: «Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные опасностей великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы».[4]

В период господства первобытнообщинного строя процесс переселения племен на новые необитаемые территории, обусловленный естественным ростом производительных сил, носил в основном мирный характер.[5] Однако развитие цивилизации —

---

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 567—568.

[2] Андреев Ю. В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976, с. 114.

[3] Морган Л. Г Древнее общество. Л., 1934, 62.

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 568.

[5] Авербух М. С. Войны и народонаселение в докапиталистических обществах. М., 1970, с. 27.

отделение ремесла от земледелия, развитие обмена, рост имущественной дифференциации, происходивший неравномерно в различных общинах, — приводит к возникновению межплеменных войн с целью грабежа. Непрерывные войны такого рода становятся типичной чертой исторического быта варваров в период распада первобытнообщинных отношений. «Они варвары, — писал Ф. Энгельс, — грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того.. чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом».[6]

Миграции эпохи распада первобытнообщинного строя, обусловленные военными столкновениями племен, сопровождались, в свою очередь, ожесточенными войнами. Если мигрировавшие племена вступали на территории, входившие в состав сильных рабовладельческих государств, то, как правило, происходили большие потери среди населения племен. Энгельс писал, что в продолжительный период переселений «часто исчезали бесследно целые племена».[7]

Однако переселения варварских народов древней Европы этого периода имели большое историческое значение, так как они обусловили интенсификацию разложения первобытных отношений и становление раннеклассового общества в древней Европе. Захват новых, зачастую плодородных и богатых полезными ископаемыми территорий, происходивший в процессе переселений, обусловил расцвет земледелия и ремесла, развитие городской жизни у недавних варваров. Следствием этого явилось ускоренное расслоение варварских общин, всевозрастающая роль знати, захватывавшей все ключевые посты в общине, разорение массы свободных общинников, т. е. все те процессы, которые свидетельствуют об ускоренном классообразовании у первобытных народов древней Европы в период миграций.

Интереснейшим примером варварских миграций являются переселения кельтов, происходившие во второй половине I тысячелетия до н. э. Миграции кельтов, носившие очень широкий и очень интенсивный характер, дают великолепный материал, позволяющий проследить историю и технику варварских переселений. Этот кельтский материал представляет большой интерес, так как о миграциях большинства народов древности имеются весьма туманные сведения. Так, о переселениях ахейцев и римско-италийских племен можно строить только гипотетические предположения, миграции дорийцев окутаны легендарной дымкой преданий, и даже восточно-славянские племена, когда они выступают из мрака истории, оказываются уже разместившими-

---

[6] Маркс К., Энгельс Ф., т. 21, с. 164.
[7] Там же, т. 19, с. 448.

ся на определенных территориях и ведущими оседлый образ жизни. Кельты же двинулись в ту пору и в том регионе, который был связан с античной историей, и свидетельства античных авторов дают нам возможность исследовать различные аспекты кельтских миграций.

Античные авторы употребляли для обозначения кельтских племен три различных имени. Греческие писатели со времени Геродота называли их Κελτοί. В III в. до н. э. появляется новое имя кельтов — Γαλάται. Так их называет, например, Полибий в своей «Всеобщей истории». Римляне же называли кельтов галлами (galli). Все три названия являются более или менее синонимами и имеют кельтское происхождение. По мнению большинства современных исследователей, древние кельты были народом индоевропейского происхождения. Предыстория кельтов окутана туманом. Чрезвычайно сложным и запутанным является вопрос об этногенезе кельтов и о месте их первоначального обоснования. Однако данные археологии и топонимики позволяют считать прародиной кельтов район между Дунаем и Рейном, охватывающий территории юга и запада Германии. Здесь на территории центральной Европы в конце бронзового века развивается культура полей погребальных урн, явившаяся наследницей длинного ряда первобытных культур, сменявших одна другую на территории Европы, начиная с девятого тысячелетия до н. э. Носители этой культуры сжигали своих покойников и урны с пеплом хоронили на плоских кладбищах, не имеющих насыпных холмов. Культура погребальных урн сыграла весьма важную роль в этногенезе кельтов. Она явилась тем фундаментом, на котором выросла собственно кельтская цивилизация.

С собственно кельтами связывают два последующие периода в развитии археологии первобытной Европы, представляющие европейский железный век: гальштатский период и латенский период. Гальштатская культура получила свое название по могильнику, расположенному возле небольшого городка Гальштата в юго-западной Австрии. Она занимала обширные пространства — от среднего Подунавья до Пиренейского полуострова и от Адриатического моря до бассейна Одера и Эльбы. Гальштатский период, датирующийся временем с VIII—V в. до н. э., представляет стадию перехода от бронзы к железу на территории Европы и носит название первого железного века. Носителей гальштатской культуры некоторые исследователи считают уже собственно кельтами,[8] другие, более осторожные, называют их еще протокельтами.[9]

[8] Dottin G. Manuel pour servir à l'étude de l'Antiquité Celtique. Paris, 1906, p. 34; Hubert H. Les celtes et l'expansion celtique jusqu'à l'époque de la Tene. Paris, 1950, p. 314; Grenier A. La Gaule celtique. Paris, 1945, p. 21.

[9] Монгайт А. Л. Археология западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974, с. 242.

Наконец, ни у кого не вызывает сомнений, что собственно кельтским является период второго железного века в истории первобытной Европы I тысячелетия до н. э. или латенский период. Он получил свое название от стоянки Латен на берегу швейцарского оз. Невшатель, где было найдено большое количество железного оружия и железных орудий труда, а также множество фибул. Латенский период продолжался с 500 г. до н. э. до I в. до н. э., когда кельтские территории были захвачены римлянами или германцами.

История кельтов, засвидетельствованная письменными античными источниками, начинается с конца гальштатского периода. По свидетельствам античных авторов (Liv., V, 34; Caes., B. G., VI, 24), в исторические времена центром кельтского мира была Галлия, хотя, как мы видели, данные лингвистики и археологии показывают, что не она была местом первоначального расселения кельтов.

Различные исследователи высказывают различные точки зрения по поводу того, когда кельты появились на территории Галлии. По мнению А. Юбера, медленное, вековое продвижение кельтов из южной Германии во Францию происходит в конце бронзового века.[10]

А. Гренье считает, что завоевание кельтами Галлии происходило в несколько этапов. Первая волна протокельтов появилась на территории Франции около 1500 г. до н. э., вторая — около 1000 г. до н. э. Одним из важнейших периодов заселения кельтами Франции является время между 800 и 500 гг. до н. э., т. е. эпоха гальштата. По мнению А. Гренье, это заселение было не нашествием огромных полчищ мигрирующих народов, а, скорее, медленным просачиванием небольших групп, следующих друг за другом, обгоняющих друг друга и продвигающихся все дальше.[11]

К. Жюллиан и Дарбуа де Жюбенвилль датируют прибытие кельтов в Галлию более поздним временем. К. Жюллиан полагает, что кельты появились на территории Галлии около 500 г. до н. э.[12] Дарбуа де Жюбенвилль помещает первое обоснование кельтов в Галлии между 700 и 500 гг. до н. э., приблизительно около 600 г. до н. э.[13]

С этим последним предположением согласуется сообщение Тита Ливия (V, 34), по которому во времена Тарквиния Древнего, т. е. около 600 г. до н. э., Галлия подчинялась царю кельтского племени битуригов Амбигату и была богатой и густонаселенной страной.

---

[10] Hubert H. Op. cit., p. 310.
[11] Grenier A. Op. cit., p. 18—21.
[12] Jullian C. Histoire de la Gaule. Paris, 1908, t. 1, p. 245.
[13] D'Arbois de Jubainville. Les Celtes depuis temps les plus anciens jusque'n l'an 100 avant notre ère. Paris, 1904, p. 80.

Внешняя история независимых кельтов была историей их миграций и завоеваний. Страбон (IV, 4, 2) говорил о кельтах, что они имеют привычку, когда на них нападают, собирать все, что у них есть, и отправляться на поиски более надежного местопребывания. Они являются в основном мигрирующим народом.

А. Гренье [14] связывает миграции кельтов с древним индоевропейским обычаем «священной весны» (ver sacrum). В тот момент, когда новое поколение достигало мужского возраста, оно должно было покидать племя и отправляться искать счастья в других местах под предводительством бога, которому оно было посвящено. Повторяемая в течение веков «священная весна» замечательным образом способствовала рассеянию индоевропейцев. Они заселяли обширные земли, которые примитивные земледельцы считали до тех пор неблагоприятными. Сначала они занимали их стадами. Затем, используя своих животных, они обрабатывали эти земли, изобретая плуги с колесами, механические жатки, о которых говорит (Плиний (H. N. XVIII, 48, 172; 296), унавоживание и известкование земель. Однако, как мы видели, причины переселений кельтов так же, как и других варварских народов, полнее всего были раскрыты К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Тит Ливий (V, 34) рассказывает о двух исторических примерах кельтских миграций, центром которых была Галлия. Это были два отряда, отправившиеся из Галлии под командованием Белловеза и Сеговеза, племянников царя Амбигата. Сеговез отправился на восток — к Геркинскому лесу и долине Дуная, а Белловез на юг — по направлению к Италии.

Более удачливым оказался отряд Белловеза. Правда, сначала галлам пришлось совершить тяжелый переход через Альпы. Однако, когда они спустились вниз, перед ними оказалась богатая и плодородная страна. Это была Циркумпаданская область, которой владели тогда этруски.[15] Кельты разрушили

---

[14] Grenier A. Op. cit., p. 23.

[15] Существует сомнение среди исследователей по поводу даты этого вторжения кельтов на территорию Италии (Grenier A. Op. cit., p. 64—65; Dottin G. Op. cit., p. 309—310). Тит Ливий говорит, что оно произошло во времена Тарквиния Древнего, т. е. около 600 г. до н. э. Однако засвидетельствованные исторической традицией события, которые, судя по данным того же Тита Ливия, случились вскоре после появления кельтов в северной Италии, такие, как битва при Аллии, взятие Рима, осада Капитолия, относятся, как известно, ко времени после 400 г. до н. э.

В связи с этим можно предположить, что текст Ливия содержит смутное воспоминание о каком-то более раннем вторжении кельтов, датирующемся еще гальштатским периодом. Однако оно никак не засвидетельствовано италийской археологией, в то время как кельтские завоевания в Италии от 400 до приблизительно 350 г. до н. э. хорошо прослеживаются археологически (Grenier A. Op. cit., p. 64). В связи с этим остается вариант, что упоминание царствования Тарквиния Древнего в этом фрагменте Тита Ливия является простым анахронизмом.

большой этрусский город Мельп около 396 г. до н. э. (Polyb. 17 и сл.; Plin., N. H., III, 125).

Другие кельтские племена во главе с другими вождями присоединились к Белловезу: пришли ценомаиы, предводительствуемые Элитовием (Liv., V, 35, 1), затем бойи и лингоны (Liv., V, 35, 2) и, наконец, сеноны (Liv., V, 35, 3). Переправившись на плотах через реку По (Pado ratibus trajecto — Liv., V., 35, 2), кельты оказались вновь на плодородных равнинных землях. Здесь под их натиском пал другой крупный город северной Этрурии — Фельсина, охранявшая переход через Апеннины и проход к Адриатике (Liv., XXXIII, 37, 3; XXXVII, 57, 8; Plin., III, 115). Затем отряды кельтов прошли вдоль Апеннин до Адриатического моря и двинулись далее на юг. После каждого этапа завоевания часть кельтов останавливалась и закреплялась на захваченных территориях, а другие шли дальше. Кельты основали Медиолан (Милан) и ряд других городов в северной Этрурии.

Продолжая успешные военные действия против этрусков, кельты напали на находившийся в средней Этрурии город Клузий (Liv., V, 133), самый древний, богатый и населенный этрусский город (Plin., N H., XIV, 38; XVIII, 66; Arrian, Celtica, 2: εὐδαίμονα γῆν). Этруски были так напуганы нашествием варваров, что обратились за помощью к римлянам, которые недавно (в 396 г. до н. э.) разрушили большой город Вейи в южной Этрурии. Отправленные римлянами послы вместо того, чтобы урегулировать конфликт, вмешались в битву на стороне клузян. Тогда Бренн, предводитель войска кельтов, стоявшего под Клузием, снял осаду города, и все военные силы кельтов в составе 30 тыс. человек (Diod., XIV, 113, 3) двинулись на Рим. Когда кельты были уже недалеко от Рима, римская армия перешла через Тибр и загородила им дорогу. И вот 18 июля 390 г. до н. э. в том месте, где в Тибр впадает речка Аллия, между римлянами и кельтами произошла знаменитая битва. Это была первая встреча римлян с варварским войском кельтов, и она закончилась для них полным и страшным поражением.

Причиной его явилась не сама атака кельтов, а тот панический, какой-то мистический ужас, который охватил римлян при их появлении. Античные историки рассказали о том устрашающем впечатлении, которое кельты произвели на римлян. Они внезапно увидели перед собой тысячи людей гигантского роста (Liv., V, 35, 4: Multitudinem. formas hominum invisitatas), с развевающимися волосами, танцующих и жестикулирующих, потрясающих в такт щитами и мечами (Appian, Celtica, 8; Dionys., XIV, 9, 15). К тому же эти варвары громко распевали песни на незнакомом языке (Liv. V, 37, 8; Truci cantu. horrendo cuncta compleverant sono), а музыкальные инструменты фантастического вида издавали завывания, напоминающие рев хищных зверей (Polub., II, 29).

Затем, перекрывая все шумы, внезапно раздался военный клич, изданный всеми воинами в сопровождении звуков труб и повторенный вдалеке эхом долин. Этот страшный крик окончательно изгнал из душ римских воинов мужество и надежду (Liv., V, 38, 6: Simul. clamor... auditus... fugerunt). Даже не попытавшись вступить в бой, римляне обратились в бегство. Тит Ливий (V, 38, 5, 9) рассказывает, что ужас их был так велик, что большая часть войска отправилась во враждебный город Вейи вместо того, чтобы прямой дорогой бежать в Рим к женам и детям. Остальные, оставшиеся в живых, добрались до города. Битва при Аллии (Alliensis clades) была паникой, вспоминая о которой, римляне краснели до конца империи.

Путь на Рим был открыт Город был взят и разграблен кельтами. Они начали осаду Капитолия. Но не будучи знакомы с осадным искусством, кельты простояли под скалой крепости семь месяцев. О дальнейшей судьбе Капитолия повествуют две традиции. По галльской традиции, Капитолий, кажется, был все-таки взят кельтами — Capitolia capta (Silius, IV). По римской традиции (Liv., V, 48; Plut., Camill., 28), кельты, среди которых начались повальные болезни, потому что они не были привычны к жаркому климату, и голод, потому что они разорили страну и не могли пополнять запасы продовольствия, согласились взять выкуп, предложенный римлянами, и оставили Капитолий.

Однако по поводу побед, одержанных кельтами в битве при Аллии и при взятии Рима, К. Жюллиан замечает, что это были победы, добытые без боя.[16] Это значит, что римские легионы понесли не слишком большие потери. После того, как прошло первое впечатление, произведенное наводящими ужас военными приемами кельтов, римская армия нанесла кельтам поражение (Liv., V, 45, 48, 49; Appian, Celtica, 7; Plut., Camill., 23 и 29). И войска кельтов поспешили вернуться в свои земли на побережье Адриатики в 389 г. до н. э. (Plut., Camill., 30).

Освобождение Рима не прекратило набеги кельтов. Они еще несколько раз возвращались в долину Тибра (в 367 г. до н. э. (Liv., VI, 42), в 361 г. до н. э. (Liv., VII, 9 и 10; Polyb., II, 18, 6), в 360 г. до н. э. (Liv., VII, 11), в 350—349 гг. до н. э. (Liv., VII, 23—26; Polyb., II, 18, 7—8), снова стояли лагерем под стенами Рима на Альбанской горе в 350—349 гг. (Liv., VII, 24, 8; 25, 3). Они спускались в Кампанию в 360 г (Liv., VII, 11, 1; 128) и в 349 г. (Liv., VII, 26, 9), доходили до Апулии в 367—366 гг. (Liv., VI, 42, 8; VII, 1, 3) и в 349 г. (Liv., VII, 26, 9) Однако значение этих рейдов было не особенно велико. От них осталось лишь одно археологическое свидетельство — небольшое кельтское кладбище в Каносса-ди-Пулья.[17] К югу от Апеннин эти

[16] Jullian C. Op. cit., t. I, p. 294.

[17] Hubert H. Les Celtes depuis l'époque de la Tene et la civilisation celtique. Paris, 1932, p. 15.

экспедиции кельтов были только спорадическими набегами и не принесли им успехов наподобие тех, которые они одерживали в долине По. Таким образом, хотя кельты доходили до южной оконечности Италии, их завоевание остановилось у Апеннин.

Восточная экспансия кельтов, начатая походом на восток Сеговеза, второго племянника царя Амбигата, была более длительной, чем их нашествие на Италию, и включала разнообразные этапы завоевания. Сеговез перешел через Рейн, пересек Геркинский лес и вышел к Дунаю. Далее он начал продвигаться по течению большой реки. В этих районах кельты находили повсюду богатые пастбища, плодородные равнины в обрамлении лесов (Strabo, VII, 1, 5), залежи железа в горах в Норике (Plin., N. H., XXXIV, 145), в Силезии (Tac., G., 43). В связи с этим от основного потока начали отделяться некоторые отряды и обосновываться на захваченных территориях. Так, бойи, например, расположились в четырехугольнике будущей Богемии, название которой Boihaemum произошло от бойев и известно со времен Страбона (Strabo, VII, 1, 3; Tac., G., 28). Вольки-тектосаги заняли легкие для обработки земли Бавьер и Верхнего Дуная. Тавриски выбрали себе место поселения в массиве Альп Австрийских и Штирийских, там, где начинаются реки, которые впадают в Дунай. Здесь было меньше равнинных, плодородных земель. Однако таврискам теперь принадлежали богатые источники соли, железа и золота, они контролировали самые низкие перевалы через Альпы и самые короткие дороги, связывающие Италию с центральной Европой. Все это обеспечило им длительное процветание.

На Дунае кельты встретились с Александром Македонским. Птолемей Лаг рассказал об этой знаменитой встрече, произошедшей в 335 г. до н. э., и том гордом ответе, который кельты дали Александру, когда он их спросил, чего они опасаются больше всего в мире. «Мы опасаемся только одного, — сказали они, — чтобы небо не упало на нас» (Strabo, VII, 38). Тем не менее кельты считались с Александром и не перешли через Дунай. Однако после его смерти (323 г.) вследствие царившей тогда в державе Александра анархии кельты ворвались в Грецию и опустошили ее.

С 298 по 278 г. до н. э. все районы Балкан были разграблены кельтами. Сначала они появились на горе Геме, где на них напал Кассандр в 298 г. до н. э. (Plin., N. H., XXXI. 53; Seneca, Quaest. nat. III, 11, 3), затем во Фракии в 281 г. до н. э. (Paus., X, 19, 546), затем в Македонии, где они одержали победу над Птолемеем Керавном (Paus., X, 19, 6 и 7; Justin. XXIV, 5 и 6; Diodor., XXII, 4; Plut., Pyrrus, 22; Memnon, 14).

Хотя кельты не стали осаждать укрепленные македонские города, однако они опустошили всю сельскую местность в Македонии. После этого, в 279 г. до н. э., их вождь Бренн повел в Грецию свое войско, состоявшее из 152 000 пехотинцев и 20 400

всадников (Paus., X, 19, 9). Их манили сокровища греческих храмов (Justin., XXIV, 6, 4—5). Они опустошили Фессалию (Paus., X, 19, 12), перешли Фермопилы (Paus., X, 20—22) и направились к Дельфийскому святилищу. Кельты разграбили святилище и захватили большую добычу (Strabo, IV, 1, 13; Liv., XXXVIII, 48; Valer — Maxim., 1, 1, 9 и сл., Athen., VI, 25) Однако при возвращении удача покинула их. У подступов к святилищу греческие войска атаковали кельтов, нагруженных золотом и отяжелевших от вина. К тому же они лишились поддержки своей кавалерии, которая была застигнута врасплох горным ураганом и заблудилась в незнакомой горной местности.

Кельты испугались. Бренн покончил с собой (Paus., X, 23, 12; Justin, XXIV, 8, 11; Diodor., XXII, 9, 2). Его люди ушли на север, унося большую добычу (Strabo, IV, 1, 13; Justin., XXXII, 3, 6—9).

Однако кельты пришли в Грецию не только для того, чтобы разграбить греческие храмы, но также, чтобы найти новые земли для расселения. В самой Греции не было ни клочка свободной земли. Но окружавшие ее с севера варварские области Иллирии, Фракии и Фригии еще обладали большими запасами прекрасных пустующих земель. Бывшие воины Бренна основали в междуречье Савы и Моравы государство скордисков (Σκοδίσκα или Σκορδίσται — Athen. VI, 25; Strabo, VII, 3, 2; 5, 12; Scordisci — Justin., XXXII, 3, 8) с центром в Сингидуне (Белград).

Другая часть отрядов Бренна проникла в Боснию и во Фракию и основала кельтское царство, центрами которого были Ратиария и Дуростор-Силистра на Дунае, Новиодун в Добрудже. Хотя многие народы, жившие рядом с кельтами в дунайской области, сохранили свои позиции (рэты — в Альпах, иллирийцы — на среднем Дунае и в Далмации, карпы — на верхней Тисе, даки — в Семиградье), но все они подверглись сильному кельтскому влиянию.[18]

Еще до похода на Дельфы от войска Бренна отделился отряд примерно в 20 тыс. человек (Liv. XXXVIII, 16, 1—2; Justin. XXV, 1, 2) Поблуждав по Фракии (Liv. XXXVIII, 16, 3; Justin., XXV, 1 и 2), он отправилоя в Азию (Liv., XXXVIII, 16, 4; Memnon, 19 и 23) Царь Вифинии, вечно воевавший со своими соседями, пригласил это кельтское войско, чтобы использовать его в своих целях (278 г. до н. э.) (Liv., XXXVIII, 16, 8). Кельты переправились через Геллеспонт и Боспор.

Оказавшись в Малой Азии, кельты начали грабеж. Перед ними дрогнули даже Милет и Эфес. Азиатская Греция, богатая, изнеженная и раздробленная, полагала, что настал последний час для ее городов, святилищ, сокровищ (Liv., XXXVIII, 16, 10; Memnon, 22 и 24; Justin. XXV, 2, 10; Paus., X, 30, 9 и 32, 4):

[18] Монгайт А. Л. Указ. соч., с. 246—247.

кельты стояли лагерем на развалинах Трои (Hegesianax ap. Strab. XIII, 1, 27).

В конце концов азиатские греки сумели избавиться от них, не столько одерживая победы, сколько уступая им земли. Около 270 г. до н. э. Антиох Сотер, нанесший кельтам поражение (Lucian, Zeuxis, 8—11; Appian. Syriaca, 65), поселил их на р. Галис и на соседних территориях в той области, где в настоящее время находится столица Турции Анкара. Эта область с тех пор стала называться Галатией, потому что галатами называли кельтов, совершавших набеги в Малой Азии. Мало-помалу малоазийские греческие города и цари воспрянули духом и блокировали галатов в занятой ими области. Наконец, в 244 г. до н. э. они были разбиты пергамским царем Атталом I и его союзником Селевком (Liv., XXXIII, 21, 3; XXXVIII, 16, 14; Strabo, XIII, 4, 2; Polyb., XVIII, 24, 7; Pausan. 1, 4, 5; 8, 1). После этого они оказались сначала под пергамской, а потом со времени Августа под римской властью.

Экспансия кельтов не ограничивалась только южным и восточным направлением. Она шла еще по двум: на запад — в Испанию и на северо-запад — к Британским островам. К. Жюллиан высказал предположение, что по двум последним направлениям кельты послали отряды своей молодежи примерно в то же время, что на юг и на восток.[19] К. Жюллиан ошибся. Как мы видели, южный и восточный походы кельтов начались около 400 г. до н. э. Письменные же источники засвидетельствовали пребывание кельтов на территории Испании, относящееся к более ранним временам.

Так, Геродот (II, 33; IV, 49) в двух отрывках, написанных между 445 и 432 гг. до н. э. при использовании источников еще более ранних, сообщает, что кельты живут за Геракловыми столбами по соседству с кинетами, которые являются самым западным народом Европы. Кинетов помещают на юге Португалии,[20] а кельтам остается Пиренейский полуостров. Немного времени спустя после Геродота автор перипла, который использовал Авиен в своем сочинении «Ora maritima», давая перечень племен, живущих «к северу от кинетов», упоминает ряд кельтских племен: цемпсов и сефов на западе и берибраков вблизи северо-восточного побережья (Avien., Ora maritima, 195 и сл.).

На Пиренейском полуострове имеется большое число кельтских топонимов. Это названия, оканчивающиеся на -briga: Segobriga (Сегорб), Laccobriga (Лагос) и т. д. [21] Область распространения кельтских топонимов в Испании совпадает с районами так называемой постгальштатской культуры и показывает,

---

[19] Jullian C. Op. cit., t. 1, p. 287

[20] Dottin G. Op. cit., p. 298.

[21] Hubert H. Les Celtes et l'expansion celtique... p. 361—366.

что в V веке до н. э. и позже кельты жили в Испании в Мазете и на атлантическом побережье.[22]

Некоторые исследователи полагают, что продвижение кельтов на территорию Испании началось гораздо раньше V в., еще в период культуры полей погребальных урн. Бош-Гимпера считает, что протокельты появились в Испании в 1000—900 гг. до н. э.[23] По мнению же В. Мегоу, это произошло около VIII в. до н. э.[24]

Миграция кельтов на Британские острова представляет еще более сложную проблему. Она проходила в несколько этапов. Лишь самый последний из них засвидетельствован античными авторами. Предшествующие этапы прослеживаются в основном археологически, а также с помощью данных лингвистики.

Археологи заметили, что на Британских островах в конце первого периода бронзового века, т. е. около 1500 г. до н. э., произошла радикальная трансформация цивилизации и особенно погребальных сооружений. Длинные курганы (long barrows), отмеченные на поверхности целыми аллеями ощетинившихся камней, были заменены круглыми (round barrows), которые аналогичны современным курганам прирейнской и дунайской Европы. Погребальный инвентарь британских round barrows тот же самый, что и континентальных курганов второго бронзового века. На этом основании некоторые исследователи относят к 1500 г. до н. э. первую волну протокельтского завоевания Британских островов.[25] Эту точку зрения не разделяют исследователи, отрицающие возможность кельтского нашествия в столь раннее время.[26]

Имеется предположение, что первая волна протокельтов появилась на Британских островах около X в до н. э., когда в районе устья Темзы появляются бронзовые мечи среднерейнского типа.[27] Эта первая миграция представляет экспансию культуры полей погребальных урн из северной Франции. Вторая волна кельтского вторжения в Англию относится к 750 г. до н. э.[28] Третья волна кельтов прокатилась по Англии в конце гальштатского периода — в середине VI в. до н. э. Это были носители железного века А в Британии.

В латенское время на островах поселяются многие племена кельтов: думноны в Корнуэлле, дебуны на верхней Темзе, ордо-

---

22 Монгайт А. Л. Указ. соч., с. 292.

23 Bosch-Gimpera P. Les mouvements celtiques, essae de reconstruction. — In: Etudes Celtiques. 5. 1950—1951, 6, p. 352—400, 1953—1954, p. 328—355.

24 Megaw J. V S. Art of the European Iron age. A study of the elusive image. Bath. Sormerset, 1970, p. 13.

25 Grenier A. Op. cit., p. 18.

26 Монгайт А. Л. Указ. соч., с. 244.

27 Powell T. G. C. The Celts. London, 1958, p. 53.

28 Hawkes C. F. C. The ABC of the British Iron age. — Antiquity, 1959, XXXIII, N 133, p. 170—182.

вики в Уэльсе и другие группы бриттов в Ирландии и Шотландии. Племена с латенской культурой вторгаются в Британию в середине III в. до н. э. Культура этих племен в Британии обозначается как железный век В. Носителей ее иногда называют «марнианцами», так как их первоначальным местом пребывания был район Марны во Франции.[29]

Последний этап кельтского завоевания Британских островов, относящийся к последнему веку до н. э., засвидетельствован и археологически и на страницах «Записок о Галльской войне» Цезаря (B. G., V, 12) Это были различные племена белгов. Кантии поселились юго-восточнее современного Лондона в Кенте, катувелавны — северо-западнее, на территории Кэмбриджа и Бедфордшира. Около 50 г. прибыли еще атребаты и дуробриги, которые высадились на остров Уайт и на южноанглийское побережье Дорсета и Гэмпшира.[30]

Таким образом, внешняя история кельтов периода независимости была историей их нашествий и завоеваний, в результате которых они расселились на огромных пространствах — от Британских островов на западе до Малой Азии на востоке. Уже в IV в. до н. э. кельты считались одним из крупнейших варварских народов тогдашнего мира наряду с персами и скифами. Они представляли весьма важный фактор в военной и политической жизни Европы второй половины второго тысячелетия до н. э. Следует отметить, что в процессе своих переселений кельты не достигли полного этнического единства и не создали политического объединения-государства, которое соединило бы их племена в одно устойчивое и организованное целое. Несмотря на это, их миграции явились чрезвычайно важным этапом как в формировании собственно кельтской цивилизации, так и в распространении экономического и культурного влияния кельтов по всей первобытной Европе.

Переселения кельтов способствовали тому, что социальная структура кельтского общества приняла четкий и определенный вид, они заострили ее аристократическую направленность. Уже в гальштатский период, во времена самых ранних передвижений кельтов, кельтская знать заявляет о себе строительством укрепленных усадеб, напоминающих средневековые замки, и роскошными «княжескими» захоронениями. В последующий латенский период руководящая политическая и военная роль кельтской знати возрастает. Из ее среды выделяются могущественные военные вожди, возглавившие отряды кельтов, отправившиеся на завоевание европейского мира. Это и Сеговез, взявший со своим отрядом направление на восток, и Белловез, двинувшийся к Италии — племянники могущественного царя битуригов Амбигата. Это и кельтский вождь Бренн — предводитель войска

[29] Powell T. G. E. Op. cit., p. 57; Монгайт А. Л. Указ. соч., с. 244—245.

[30] Филип Я. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961, с. 77.

кельтов, двинувшегося на Рим в 390 г. до н. э., и другой Бренн — военачальник, возглавивший вторжение кельтов в Грецию в 279 г. до н. э. Все они запечатлены в сочинениях античных авторов. Основную же массу знати составлял слой свободных вооруженных всадников, вынужденных находиться в состоянии постоянной боевой готовности в условиях переселений и вторжений. Вследствие этого всадники, по словам Цезаря (B. G., VI, 13), занимали в обществе кельтов самое почетное положение наряду с их жрецами — друидами.

Захват плодородных, богатых полезными ископаемыми земель, совершавшийся кельтами в процессе миграций, способствовал расцвету кельтской экономики, развитию их городской жизни. По всей Европе — на территории Галлии, Германии, в средней Европе — строятся кельтские оппидумы, представлявшие собой стратегические укрепления и производственные центры городского типа со значительной концентрацией населения. Названия некоторых из этих кельтских бургов, пережив времена римской оккупации, сохранились, хотя и в измененном виде, в названиях современных европейских городов. Таковы Алезия — нынешний Ализ-Сент-Рен во Франции, Локоритум — Лохр, Виродунум — Виртенберг в Германии и др. Кельтское же племя бойев создало настолько прочное образование на захваченных территориях, что дало название целой области — Богемии.

Военная экспансия кельтов сменилась экономической и культурной экспансией на завоеванные страны. Этот напор кельтской цивилизации оказал существенное влияние на формирование первобытной цивилизации, развивавшейся на европейских территориях к северу от Альп, насытив ее новыми, прогрессивными элементами. Исследователи кельтской истории отмечают, что кельты сыграли весьма важную роль в деле завершения процесса развития европейской первобытной культуры и сближения ее с южной античной средой.[31] А. Берр назвал их «факелоносцами» (porteurs du flambeau) Европы.[32]

[31] Hubert H. Les Celtes depuis l'époque de la Tene. p. 315; Филип Я. Указ. соч., с. 9.

[32] Berr H. Préface. — In: Hubert H. Op. cit., p. XIII.

Г Л. Курбатов, Г Е. Лебедева

ГОРОД И ГОСУДАРСТВО В ВИЗАНТИИ В ЭПОХУ ПЕРЕХОДА ОТ АНТИЧНОСТИ К ФЕОДАЛИЗМУ

Судьбы византийского города в эпоху перехода от античности к феодализму представляют большой интерес.[1] В Византии

[1] Удальцова Э. В. К вопросу о генезисе феодализма в Византии: постановка проблемы. — В кн.: Византийские очерки. М., 1978; Вернер Э.

город в большей степени сохранился и раннесредневековая Византия, по сравнению с Западом, выглядела более «городской» страной. В Византии сохранилось и государство. Византийский материал в какой-то степени ставит вопрос о том, а был ли «обязателен» упадок города при переходе от античности к феодализму.[2] Общеизвестна традиция приписывать упадок городов воздействию внешних сил, варварским разгромам городов.[3] Не меньший интерес представляет и проблема политики государства в отношении города. Ее изучение, на наш взгляд, позволяет уточнить некоторые характеристики византийской государственности, что является особенно важным, поскольку и теперь еще сохраняется немало исследователей, склонных к тому, чтобы рассматривать византийское общество и государство (с момента его возникновения и едва ли не до XI в.) как позднеантичные по своему характеру.[4] Немалую роль в этом играют существующие представления о византийской централизованной монархии, в основных своих формах сложившейся в V в.[5] Централизованная бюрократическая византийская монархия иногда прямо отождествляется с типом восточной деспотии.[6] Отсюда представления о едва ли не определяющей роли государства в развитии общества и города. Накопленный новый археологический материал заставляет сейчас большинство исследователей признать очень большую степень аграризации и дезурбанизации Византии в VII — середине IX вв.[7] Естественно, что в этих условиях совершенно закономерно встает вопрос: была ли политика византийского государства в отношении города в эту эпоху традиционной, такой же как в IV—VI вв., или она претерпела изменения, и в чем они тогда заключались? Ответ на этот вопрос в какой-то мере поможет и уяснению того, есть ли у нас основания объяснять упадок городской жизни в ранней Византии только последствиями варварских вторжений, или мы можем многое отнести и к естественным внутренним процессам развития ранневизантийского общества?

Византийский город в эпоху феодализма. Типология и специфика. — Византийский временник (далее — ВВ), 1975, 37, с. 8—11; Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. (Конец античного города в Византии). Л., 1971, и др.

[2] Сюзюмов М. Я. Византийский город (середина VII — середина IX вв.) — ВВ, 1967, 27, с. 38—70.

[3] Там же, с. 32; Foss Cl. The Persians in Asia Minor and the end of antiquity. — Econ. Hist. Review, 1975, N 90.

[4] Weiss G. Antike und Byzanz. Die Kontinuität der Gesellschaftsstruktur. — Historische Zeitschrift, 1977, Bd. 224, S. 520—560.

[5] Dagron G. Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451. Paris, 1974.

[6] Zakythinos D. Byzantinische Geschichte. Wien, Graz, Köln, 1979, S. 14; Patlagean E. Pauvreté économique et pauvreté social à Byzance. IV-e — VII-e siècles. Paris, 1977

[7] Курбатов Г. Л. Основные проблемы, с. 80—100.

Если мы обратимся к западноевропейскому материалу, то при всей неизученности проблемы отношения к городу в целом центральной власти варварских королевств, раннефеодального государства можно констатировать, что при известном внимании к нему и его нуждам на первом этапе, затем, с углублением процессов феодализации, оно заметно меняется, город как бы выпадает из внимания центральной власти, оказывается целиком предоставленным своей участи.[8] Для Западной Европы это тоже эпоха VII—IX вв. При всем византийском «традиционализме» не имеем ли подобного и в ее истории? Исследователи в последнее время все больше обращают внимание на то, что византийское государство VIII—IX вв. расстается с прежним явным «урбаноцентризмом» своей политики и все больше обращается «лицом к деревне», ее проблемам.[9] Город в его интересах как бы отступает на второй план. Одним из обоснований, если не неизменной, то во всяком случае большой и непрерывной заботы государства о городах является их экономическое, военное, административное значение. В Византии города были центрами государственного управления, церковными центрами, и поэтому государство было заинтересовано во всех этих их функциях в совокупности способных поддержать город, обеспечить его сохранение.[10] Логика, казалось бы, неотразимая. Для Запада упадок городов, по-видимому, отчасти можно объяснить новой варварской властью, государственностью, непредрасположенной к городу. Но картина на Западе и Византии оказывается во многом сходной. «Поворот» византийского правительства «к деревне», казалось бы, действительно еще не означает, что оно «отвернулось» от города. Однако археологический материал по большинству византийских городов, суммированный недавно Х. Бурасом, рисует несколько иную картину. Во-первых, он достаточно убедительно показывает, что города как таковые, как экономические центры были в принципе предоставлены своей участи. Но самое поразительное то, что государство на первом этапе с середины IX и едва ли не до конца X вв. оказалось практически не причастно к их возрождению и становлению. В течение почти полутора столетий будущий византийский город рождался совершенно стихийно. Отсутствовало организующее государственное начало, которое казалось бы должно было проявиться в связи с сохранением сильной централизованной государственности и старыми городскими традициями. Бурас

---

[8] Корсунский А. Р. 1) Города Испании в период становления феодальных отношений (V—VII вв.). — В кн.: Социально-экономические проблемы истории Испании. М., 1965, с. 3—63; 2) Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963, и др.

[9] Ahrweiller H. L'idéologie politique de l'Empire Byzantin. Paris, 1975, p. 29—37.

[10] Сюзюмов М. Я. О функциях раннесредневекового города. — В кн.: Античная древность и средние века, вып. 14. Свердловск, 1977, с. 44.

объясняет поразительный на первый взгляд, но тем не менее им убедительно доказанный полный разрыв византийского средневекового города с античными градостроительными традициями.[11]

Апелляция к идеально умозрительной «множественности» функций, которые должны были бы сохранить город, не «срабатывает». Военные функции в VIII—IX вв. очень сильно обособляются от города. Крепость существует самостоятельно и во многом независимо от него. Работы по византийскому пограничью показывают определенную незаинтересованность привязывать оборону к старым крупным городским центрам. Даже при их наличии некоторые столицы фем возникли и долгое время существовали как крепости.[12] В известной мере мы здесь наблюдаем аналогии с Западом.[13] Военные проблемы и задачи явно доминируют над экономическими, а соответственно и интересом к городу. Все это, на наш взгляд, позволяет говорить о весьма существенном новом в отношении к нему со стороны, по-видимому, не только государства, но и общества в целом. Тезис о роли города как центра управления, абсолютно справедливый для ранневизантийской эпохи, оказывается не столь обязательным для времени становления фемного строя. Управление столь же успешно осуществляется и из фемной столицы-крепости.[14] Если же мы вспомним, что в ранней Византии с ее более чем тысячей городов-полисов, из которых каждый был в той или иной степени сопричастен к управлению округой (с ее более чем полусотней столиц провинций), управленческие функции действительно могли поддерживать огромную массу городов, то при новом фемном устройстве (полутора десятках фем) для огромной массы бывших городов они уже не могли иметь какого-либо значения.

Равным образом для Византии встает и проблема епископального, епископского центра как города. Известно ранневизантийское постановление — «каждому городу иметь своего епископа». Известна и не нуждается в обосновании та большая, всевозраставшая в IV—VII вв. роль, которую церковь играла не просто в жизни, но и в экономике ранневизантийского города, реально в поддержании его городского бытия.[15] Логично допу-

---

[11] Bouras Ch. City and village: urban design and architecture. — In: Jahrbuch des Österr. Byzantinistik 31/2. Wien, 1981.

[12] Haldon J. F., Kennedy H. Arab — Byzantine frontier in the eighth and ninth centuries: military organisation and society in the borderlands. XIX. 3 РВИ. 1980, p. 87.

[13] Стам С. М. Некоторые актуальные вопросы изучения истории средневекового города. — В кн.: Средневековый город, вып. 6. Саратов, 1981, с. 4—8; Ястребицкая А. Л. Основные проблемы ранней истории средневекового города в освещении современной западной медиевистики. — Средние века, 1980. Ч. 3, с. 247 слл.

[14] Haldon J. F., Kennedy H. Op. cit.

[15] Сюзюмов М. Я. О функциях. , с. 44; Левченко М. В. Церковные имущества V—VII вв. в Восточно-Римской империи. — ВВ, 1949, № 2 (17), с. 11—59.

стить, что церковь, заинтересованная в городе как центре епархии, и далее должна была сыграть свою роль в его сохранении, поддержании.[16] Собственно говоря, до накопления достаточного археологического материала государство и церковь рассматривались как два основных столпа поддержания непрерывного, если не процветания, то безусловного городского существования византийского города. Русские историки, которые уделили значительное внимание проблемам славянской колонизации, «перевороту» в аграрных отношениях, не рассматривали специально вопрос о воздействии этих факторов на город. Под эгидой государства и церкви он неизменно продолжал процветать.[17]

Применительно к западному городу исследователи сейчас уже не склонны чрезмерно идеализировать роль церкви как «спасительницы» города.[18] До определенного момента, в том числе и после падения античного общества, она еще продолжала ее играть. Но во многих случаях можно наблюдать постепенное обособление епархиального центра от самого города, его замыкание, отрыв, который иногда приводил и к прямому перемещению его из города даже в селения.[19] В процессе феодализации церкви, как мы видим, ее отношение к городу менялось. В Византии мы также можем наблюдать нечто подобное. В VIII—IX вв. в Сардах, даже не центре епархии, а митрополии, город фактически распался на крепость, саму митрополию и окружающие ее деревни, расположенные на территории бывшего города, для которых митрополия даже не была центром местного обмена.[20] Религиозный центр, как видно на материале раскопок Сард, существует самостоятельно. Как мы видим, в конечном счете церковь не предотвратила угасания города. Материал других византийских областей также показывает сначала процесс консолидации в городе религиозного центра, а затем отмирание, аграризацию города.[21]

Все это уже побуждает ставить вопрос о том, что не только политика государства в отношении города могла измениться, но и политика церкви менялась, как мы видим, в весьма сходном направлении. Именно поэтому следует обратиться к ранневизантийской эпохе и постараться выявить характерную для нее спе-

---

[16] Сюзюмов М. Я. О функциях. с. 53. — «В „темные века" роль города как церковного центра получила еще большее значение». Ср.: Ostrogorsky G. The Byzantine cities in the Early Middle ages. — DOP, 13, 1959, p. 51—52.

[17] Васильев А. А. Лекции по истории Византии, т. 1. Пг., 1917, с. 320.

[18] Ястребицкая А. Л. Западноевропейский город в средние века. — Вопросы истории, 1978, № 4, с. 98. — «Не приходится думать, будто епископат в раннее средневековье поддерживал городскую жизнь».

[19] Там же, с. 98.

[20] Foss Cl. Archaeological exploration of Sardis: Byzantine and Turkish Sardis. Harvard Univ. Press, 1976, p. 76.

[21] Guillou A. La Sicilie byzantine, état de récherches. — Byzantinische Forschungen, 1977, Bd. V.

цифику отношений город — государство. Собственно говоря речь идет о выявлении системы позднеантичных отношений город — государство. Для многих исследователей она однозначна — это просто процесс отмирания остатков старого античного самоуправления, вытеснения его централизованным бюрократическим государственным управлением.[22] Проблема позднеантичного города как такового возникла сравнительно недавно.[23] Его рассматривают как некий «переходный» город. Отчасти это так. Но вряд ли в нем стоит видеть только элементы разложения старого и рождающегося нового. Так, в епископской власти и роли церкви в городе иногда видят проявления его едва ли не прямой феодализации.[24] Вероятно, это не совсем верно. Ведь речь идет о нескольких, во всяком случае более чем трех столетиях развития общества и города. За этими чертами «переходности» исчезает специфика самой позднеантичной фазы. В. И. Кузищин совершенно справедливо считает необходимым ее изучение в целостности, органичности ее стадиальной специфики, в том числе и положения города.[25]

Обычно как характерное для поздней античности явление отмечают упадок и аграризацию массы мелких античных полисов, строительство крепостей и превращение некоторых из них в крепости, рост значения городов — центров управления, военно-административных центров, резиденций-столиц.[26] Отмечают и возросшее значение крупных торгово-ремесленных центров. Но необходимо отметить, что в последнее время представления о поздней античности как эпохе непрерывного упадка городов несколько изменились. Обнаружилось, что и она знала периоды известного оживления, если не прямого подъема, то по крайней мере стабилизации городской жизни. Обычно «относительное» процветание городов относят только к Византии. Но оно как достаточно массовое явление зафиксировано и для ряда областей Запада.[27] Причем речь идет не о каких-то особых городах, а в том числе и рядовых аграрных полисах.[28] Создается впечатление, что с переходом общества после кризиса III в. на новую стадию, к колонату, ему удалось временно смягчить кризис античного общества, стабилизировать положение. Все это застав-

---

[22] Васильев А. А. Лекции по истории, с. 320; Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. Пг., 1917.

[23] Кузищин В. И. Понятие общественно-экономической формации и периодизация истории рабовладельческого общества. — Вопросы древней истории (далее ВДИ), 1974, № 3, с. 81.

[24] Сюзюмов М. Я. О функциях... с. 44.

[25] Кузищин В. И. Понятие. с. 81.

[26] Ястребицкая А. Л. Основные проблемы... с. 241.

[27] Kolendo J., Kotula T. Quelques problèmes du développement des villes en Afrique romaine. — Klio, 1977, 59, 1, S. 175—184.

[28] Kotula T. Snobisme municipale ou prospérité relative? Recherches sur le statut municipal des villes nord-africaines sous le Bas-Empire romain.— Antiquités Africaines, 8, 1974, p. 111—134.

ляет усомниться в том, что и городская гражданская община находилась в столь жалком состоянии, как это иногда изображают. Рождение средневекового города иногда едва ли не прямо относят к III в.[29] Думается, что это поспешно. Упадок античных городов и городского самоуправления иногда прямо идентифицируют с упадком курий. По мнению Виттингхофа, специально занимавшегося проблемой позднеантичного города, городское самоуправление фактически отмерло, оно было «инородным телом» в системе бюрократического управления империей, и вся политика позднеантичного государства заключалась в том, чтобы привлечь, подключить к управлению городскими делами позднеантичную знать.[30] Картина удивительно похожая на ту, которую рисовал Дж. Б. Бьюри, рассматривавший городские курии как простой придаток чиновно-бюрократического аппарата. Однако новые исследования рисуют нам несколько иную картину. Так, В. Шуберт убедительно показал, что упадок сословия куриалов IV—V вв. был несколько преувеличен.[31] Богатая куриальная верхушка до конца V в. активно пополняла сенаторское сословие. А. Р Корсунский совершенно обоснованно выступил против попыток чрезмерно противопоставлять интересы куриалов как старой античной муниципальной аристократии интересам позднеримского магнатства, якобы полярно противостоявшего античному полису и его интересам.[32] Корсунский пришел к выводу, что господствующий класс позднеантичного общества состоял из крупных землевладельцев-сенаторов и верхушки муниципальной аристократии, сословия куриалов. В других работах он показал, что позднеримское магнатство не столь решительно, как это иногда представлялось, «отрывалось» от города.[33] Значительная его часть продолжала жить в нем и оставаться связанной с его интересами.[34] Все это заставляет несколько иначе взглянуть как на положение позднеримского города, так и на его отношения с государством и политику последнего в отношении города. Прежде всего, вероятно, речь должна идти не просто о том, что государство стремилось привлечь городскую знать к соучастию в управлении городскими делами, а о том, что последняя была заинтересована в таком участии. Картина оказывается еще более интересной для Византии, поскольку до ее возникновения была достаточно немногочисленна крупная сенаторская аристократия и достаточно

---

[29] См.: Ястребицкая А. Л. Основные проблемы. . с. 260.

[30] In-, Vor- und Frühformen der europaischen Stadt. Wiesbaden, 1965, Bd. I, S. 92—101.

[31] Bury J. B. History of the Later Roman empire. London, 1893, p. 13; Лебедева Г. Е. Социальная структура ранневизантийского общества. Л., 1980, с. 130—164.

[32] Корсунский А. Р. Проблемы аграрного строя и аграрной политики Западной Римской империи (IV—V вв.). — ВДИ, 1981, № 2, с. 65.

[33] Там же.

[34] Там же.

мощной богатая муниципальная верхушка, которая в значительной степени пополнила сенаторское сословие.[35] Возникает вопрос о том, что прочность византийской государственности, ранневизантийской монархии могла быть связана и с этим обстоятельством.

Характерно, что при более внимательном ознакомлении с позднеантичным полисом, так сказать, изнутри, в его реальном социальном функционировании, исследователи пришли к выводу о том, что до самого конца античности он оставался основой социальной и политической жизни.[36] Если раньше в позднеантичном режиме домината видели только подавление городов, элементов самоуправления всевластием бюрократии, то теперь картина отношений предстает значительно более сложной. Вероятно, трудно оспаривать тезис о том, что сама бюрократическая система домината была во многом порождением упадка городов, своего рода необходимой надстройкой в новых условиях, которая отнюдь не ликвидировала фундаментального значения городских общин. Каким могло быть реальное всевластие правителя провинции с его сотней чиновников при нескольких десятках городов в ней? Города неизбежно продолжали оставаться реальными центрами власти и управления.

Мы не случайно отметили выше возможную специфику положения города в ранневизантийском обществе и государстве, связанную со своеобразием состава ее правящей верхушки. Сейчас одно из отличий в положении города в ранней Византии, по сравнению с Западной Римской империей, в частности, видят и в том, что здесь городской верхушке удалось «в большей степени возложить на государство» заботу о городах.[37] Как мы увидим ниже, известная доля истины в этом есть.

Сравнивая византийский город с мусульманским, восточным, многое в его своеобразии возводят к устойчивым античным, эллинистическим традициям.[38] Не имевший их восточноэллинистический полис в силу этого был слаб и соответственно целиком зависел от поддержки царской власти, т. е. был в значительной степени «царским городом».[39] В Византии дело обстояло несколько иначе. Действительно, для позднеантичного общества были характерны определенные тенденции городского развития. Это в целом и усиливающийся упадок массы мелких полисов, временное оживление и подъем приморских центров со свертыванием сухопутной торговли, подъем крупных военно-администра-

---

[35] Dagron G. Naissance d'une capitale... p. 135—188.

[36] Hammond M. The city in the Ancient world. Cambridge, Mass., 1972, p. 361.

[37] Jones A. H. M. The decline of the Roman empire. London, 1976, p. 217.

[38] The medieval city. New Haven and London, 1975.

[39] Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья (опыт сравнительно-исторического исследования). М., 1980, с. 46.

тивных центров, которым государство уделяло преимущественное внимание. Вероятно, можно говорить об особых принципах государственной политики в отношении города в позднеантичную эпоху, в какой-то мере, хотя, может быть, и вынужденно, более избирательной. Но самое главное в отличие от последующей эпохи то, что ее принципы оставались прежде всего социальными. И Диоклетиан и Константин видели одну из своих главных задач в том, чтобы «умножать число городов», способствовать их процветанию и благополучию.[40] В какой-то мере эта цель проходит через всю ранневизантийскую эпоху. В юстиниановском законодательстве также говорится о ней. Все они отодвигаются перед единственным «Городом» — Константинополем, и «сливаются» с провинцией лишь в VIII в.[41] Исследователи уже подчеркивали неоправданность попыток стереть для поздней античности грань между сельским и городским плебсом.[42] Последний, во всяком случае в ранней Византии, до самого конца позднеантичной эпохи, до VII в., безусловно оставался социально привилегированным: право на раздачи, выдачи продовольствия, регулирование в пользу горожан цен и многое другое — все это существовало в Византии до VII в. Можно говорить о постепенном вытеснении полисной «благотворительности» христианской «милостыней», но, как показала Е. Патлажан, полную победу последней также можно отнести лишь к VII столетию.[43] Юстиниан в своем законодательстве, в духе старых античных традиций признает гражданское право городского плебса на разного рода подачки и благодеяния.

Одна из обязанностей императоров IV—V вв. — быть «филополисами». Само понятие «филантропия» также носило известный «городской» оттенок — преимущественного внимания прежде всего к городскому населению.[44] Причем оно выступает в известной мере как прямая обязанность государственной власти. То большое государственное строительство общественных сооружений, которое велось в городах, было не просто прихотью императоров, а определенной системой отношений, возлагавших на них ответственность за благополучие городов. Соответственно эта обязанность распространялась на правителей провинций.

Суждение об их деятельности, право аккламаций было предоставлено в 334 г. Константином городскому плебсу и на Востоке, в ранней Византии, было весьма реальным. Практически тем самым только горожане признавались обладающими прямыми политическими правами, правами на участие в обществен-

---

[40] Jones A. H. M. The Later Roman empire. London, 1968, p. 759; Zakythinos D. Byzantinische Geschichte, S. 14.

[41] Patlagean E. Pauvreté; Constantelos D. Byzantine philanthropy and social welfare. New Brunswik; New Jersey, 1968.

[42] Корсунский А. Р Проблемы аграрного строя. с. 65.

[43] Patlagean E. Pauvreté, p. 181—196.

[44] Constantelos D. Byzantine philanthropy, p. 4—60.

ной жизни. Мы уже не говорим о том, что они все-таки продолжали признаваться как самостоятельные политические организмы, части общества и государства. Через посольства, другие формы представительства они были непосредственно связаны с императорской властью. Не случайно Ж. Дагрон пришел к выводу, что политически империя по крайней мере до конца V в. продолжала во многом оставаться системой, объединением полисов.[45] То, что представителем ее перед императорской властью стал епископ, в принципе не меняло дела, ибо он выступал и рассматривался как представитель городской общины. Исходя из своей концепции отношений с городами, их положения в системе империи, императорская власть в IV—VI вв. вряд ли стремилась ликвидировать остатки античного самоуправления.

Курии в Византии были не так уж придавлены в IV—V вв.[46] Многочисленные законы Юстиниана о них и о сословии куриалов свидетельствуют о том, что он пытался поддержать и сохранить их.[47] З. В. Удальцова, в том числе и на материале юстиниановского законодательства, показала его стремление опереться в борьбе с растущим самовластием крупных магнатов на местах на мелкое и среднее свободное население империи.[48] Мы не знаем, в какой мере это можно приписывать только стремлению Юстиниана укрепить, таким образом, собственную автократию. Картина, вероятно, была сложнее. Юстиниан, с другой стороны, не мог не считаться и с растущим недовольством, социальной напряженностью в империи. Как бы то ни было, он выступал под лозунгом «восстановления свободы», «возрождения старых политических традиций». Характерно, что упреки Прокопия в том, что он «совершенно погубил» города, отобрав у них их «городские средства» не подтверждаются другим материалом. Их, скорее всего, следует считать вымыслом.[49] Следовательно, Юстиниан не нанес этот последний удар по известной финансовой самостоятельности городов. Нельзя преувеличивать и его стремления полностью бюрократизировать управление империей. Это правда, что с переходом к империи создался мощный чиновно-бюрократический аппарат, в какой-то мере и «отчужденный от общества». Однако процесс превращения этой чиновной бюрократии в сервильную безликую массу простых исполнителей воли правителя нет оснований ускорять, как это, например, делает

---

[45] Dagron G. Naissance, p. 509—517.

[46] Chrysos E. Die angebliche Abschaffung der Städtischen Kurien durch Kaiser Anastasios. — Byzantina, 1971, 3, S. 93—102.

[47] Schubert W. Die rechtliche Sonderstellung der Decurionen in der Kaisergesetzgebung des 4—6 Jahrhunderts. — Zeitschr. der Savigny Stiftung für Rechtsgesch. Rom. Abt., 1969, Bd. 86, S. 287—333.

[48] Удальцова З. В. История Византии, т. 1. М., 1967, с. 242—253.

[49] L'imperatore Giustiniano: storia e mito. Milano, 1978, p. 90.

С. С. Аверинцев.[50] По мнению специально занимавшихся этим вопросом исследователей, такие черты византийская бюрократия обретает только с VII в.[51] Не без оснований пишут не только об «ориентализации» Поздней Римской империи, но и о «романизации» ее государственного строя.[52] Это нашло свое выражение, в частности, и в «десакрализации» императорской власти в течение IV в.[53] Римские и византийские императоры не «утвердились», подобно восточным деспотам, в качестве прямых божеств. Наоборот, из императоров-богов они стали просто императорами «милостью божьей». Равным образом нельзя упрощать и процесс бюрократизации империи. Если в эпоху принципата в императорской администрации было действительно много выходцев из низов, бывших рабов и вольноотпущенников и чиновники во многом просто рассматривались как своего рода зависимые, несвободные, личные слуги императора, то эта линия с переходом к Поздней империи не получила столь прямого и прямолинейного развития и закрепления, как это иногда представляется. С привлечением к управлению, участию в государственной службе знати складывается определенная двойственность отношения к ней. С одной стороны, ранневизантийское чиновничество вроде бы и просто «слуги императора», но с другой — они и продолжатели и наследники власти римских магистратов. Они не просто и только исполнители воли правителя, его слуги, но и представители римского общества, государства, исполнители гражданских, общественных функций.[54] То, что византийские императоры не превратились в подобие восточных деспотов, а стали во многом просто персонификацией безличной византийской «государственности», в немалой степени заслуга этой эпохи и мощных традиций римской государственности. В этой двойственности, «двуликости» ранневизантийского государственного управления, чиновно-бюрократической организации империи была и ее сила и ее слабость. Но в любом случае она несла в себе мощные пережитки старых традиций. Именно они и создавали тот «двойной» подход, который существовал по отношению к ранневизантийской государственной должности, с одной стороны, понимания ее как прямого служения императору, с другой — как выполнение своего рода общественной обязанности, функции. Отсюда вытекал тот момент от-

---

[50] Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977, с. 11—15; Wittfogel K. A. Oriental despotism. Yale Univ. Press, 1963.

[51] Carney T. M. Bureucracy in traditional society: Romano-Byzantine bureucracies viewed from within. Coronado Press, 1971, p. 139.

[52] Dagron G. Naissance.., p. 171—188.
D' Elia. La civiltà del basso impero nella storia delle civiltà antiche. Koinonia, N 1. Napoli, 1977, p. 23.

[53] Dagron G. Naissance.., p. 188.

[54] Dagron G. Empire Romain d'Orient au IV siècle et les traditions politiques de l'Hellenisme. — Travaux et Mémoires, 1968, 3.

ветственности перед управляемыми, который достаточно ясно зафиксирован в законодательстве. Но нам важно, что все это в определенной степени «обрекало» государственную администрацию на заботу о городах, что, возможно, и отличало ее от последующей византийской бюрократии.

Собственно говоря, ранневизантийской, позднеантичной государственности вряд ли стоит приписывать последовательное стремление к изживанию всех остатков античного самоуправления и замене его прямым государственным управлением. Можно привести в качестве примера не только меры Юстиниана по поддержанию курий. Скорее можно говорить не о том, что он стремился максимально бюрократизировать империю, как это иногда может показаться по Прокопию, а упорядочить и сделать более эффективным это управление. В противном случае Юстиниану было незачем категорически запрещать правителям посылать даже для управления группами городов своих постоянных представителей.[55] Забота о городах была прямым делом правителей, и они должны были быть прямо связаны с ними.

Конфликтность ситуации эпохи Юстиниана и заключалась в том, что, с одной стороны, бюрократический аппарат обретал вызывавшую недовольство силу и самостоятельность на местах, а с другой — крупная знать, которая в одних случаях не считалась с ним, в других — подчиняла его своим интересам. И то и другое было опасно для империи.

Мы уже говорили о том, что позднеантичной государственности не был присущ тот резкий антимуниципальный настрой, который ей иногда приписывают. Конечно, можно изучать роль церкви в городе только с точки зрения исследования укрепления ее позиций в нем. Можно также считать, что государство только стремилось укрепить ее позиции в нем, роль и авторитет в противовес остаткам античного самоуправления. Но, очевидно, был прав А. Хольвег, который, например, не только под этим углом зрения предложил оценивать право суда епископа.[56] В таком случае городская община в лице своего представителя епископа сохранила свои судебные права. Не приходится ли для этого времени эти права рассматривать как несомненную дань старым муниципальным. Хольвег также обратил внимание на сохранение и даже укрепление принципов выборности муниципальных должностных лиц — дефенсоров и т. д.[57] Он справедливо опроверг точку зрения, что ранневизантийские епископы стали едва ли не формальными главами городского самоуправления. Это неверно. В силу этого становится понятной та огромная роль, которую государство отводило епископам как «за-

---

[55] Nov. Just. XV.

[56] Hohlweg A. Bishof und Stadtherr im frühen Byzanz. — JÖBG, 1971, XX, 19, S. 51—62.

[57] Ibid.

щитникам» города, городской общины. В какой-то мере оно активно привлекало их к этой функции, как часть городской знати В действительности соучастие последней вместе с епископом в руководстве городскими делами представляло собой не замену остатков старого самоуправления, а своего рода подпорку им, надстройку над ними. Как в этом плане понимать активно проводившееся при Юстиниане усиление контрольно-надзорных прав и функций епископов по отношению к деятельности правителей?[58] Фактически это были попытки поддержать, оживить элементы самоуправления перед лицом усиливавшейся бюрократизации империи. Таким образом, мы имеем известные рецедивы возврата к старому.

Вероятно, и так уже слишком большой акцент делался на всякого года принудительный характер муниципальной деятельности. Но мы не можем сбрасывать со счетов и остатки реального полисного патриотизма как отдельных горожан, в том числе и представителей знати, так и хотя бы служебного — государственных чиновников. Достаточно обратиться к трактату Прокопия «О постройках», чтобы убедиться, что императорская власть подавала им в этом отношении весьма впечатляющий пример. Следы этого частного полисного патриотизма прослеживаются до VII в. Правда, он постепенно трансформировался. Возрастала доля пожертвований на строительство церковных, благотворительных сооружений. Но тем не менее важно, что это все равно было городское строительство для украшения и прославления города из христианского, но все же полисного патриотизма. Действенным в VI в. был и «служебный», административный, если не патриотизм, то «градолюбие», градоцентризм представителей администрации.

Резкий спад строительной активности в городе VIII—IX вв. объясняется не только упадком, более тяжелым их экономическим положением, но и переменой отношения к городу, падением полисного патриотизма. Большая приватизация интересов, отрыв богатых горожан от города проявляются уже в городском строительстве конца V в. — строительстве в нем роскошных усадеб со своими системами водоснабжения.[59] Параллельно с этим в крупных городах растут кварталы бедноты, лачуг, устройству которых, как видно по археологическим данным, уделялось мало внимания.

Вряд ли правы те исследователи, которые пытаются резко противопоставить роль церкви в городе остаткам античного муниципального самоуправления, усматривать в ней своего рода элемент феодализации города. Именно на основе этого выросли представления о континуитете, сохранении византийского города. Возражая против этих тенденций, С. С. Аверинцев, на наш

---

[58] Ibid.

[59] Patlagean E. Pauvreté. , p. 203—231.

взгляд, совершенно справедливо подчеркивал именно античный по своему происхождению «полисный» принцип организации церкви. В этом смысле она не противостояла городу.[60] Казалось бы, противостоящая полисным традициям идея всеобщего равенства христиан должна была существенно подрывать представления о традиционной полисной исключительности. Однако, как мы увидим ниже, эта идея достаточно плохо «работала» в позднеантичную, ранневизантийскую эпоху.

Вопрос о роли церкви в ранневизантийском городе нельзя рассматривать в отрыве от социальных условий его существования. Исследователи уже отмечали некоторые особенности положения ранневизантийской церкви и клира по сравнению с западными.[61] К их числу относится меньшая обеспеченность византийского клира за счет прямых собственно церковных доходов, большая его зависимость от добровольных приношений верующих. В Византии достаточно поздно и не очень полно утвердилась прямая неограниченная собственность церкви на имущество, предназначенное для религиозных целей. В ранней Византии были частные церкви, частный клир и фактически право собственности владельца на выделенные им на богоугодные цели его частные имущества. В Византии вообще клир, монашество сравнительно поздно (только при Юстиниане) оформились как некое замкнутое конституированное сословие.[62] Все это в какой-то мере нельзя не связать со спецификой развития византийского города, его более демократическими социальными традициями. В связи с этим церковь в ранневизантийском городе не стала столь самостоятельной и независимой силой, как на Западе. Она оказалась более тесно связанной с ним интересами городской общины. Речь идет не только о большем влиянии массы населения на избрание епископов, а следовательно, и значительной их зависимости от городской общины.

По-видимому, в ранней Византии смотрели на епископов как на своего рода вариант городского магистрата, общинную общественную должность. Соответственно на них и возлагалась своего рода обязанность заботиться о благе горожан, нуждах города. Феодорит Киррский на церковные доходы построил в Киррах мост, провел водопровод и т. д.[63] Его пример для ранней Византии не единичен. Можно говорить либо об элементах его полисного патриотизма, либо о христианском милосердии,

---

[60] Аверинцев С. С. Поэтика. с. 13; Frend W. H. C. The rise of the monophysite movement. Cambridge, 1972, p. 219—220.

[61] Jones A. H. M. Church finance in the fifth and sixth centuries. — JTS, XI, I. 1960, p. 84—94.

[62] Beck H.-G. Kirche und Klerus im staatlichen Leben von Byzanz. — Revue des études byzantines, 24, 1966.

[63] Левченко М. В. Церковные имущества, с. 26—27; Bayless W. N. Synesius of Cyrene: A study of the role of the bishop in temporal affairs. — Byz. Studies, P. 2, 1977, p. 147—156.

но в любом случае факт остается фактом — церковь в какой-то мере продолжала деятельность гражданских магистратов города. Достаточно вспомнить традиционный, но поныне еще изучаемый пример Синезия Киренского,[64] чтобы уяснить, насколько вся его деятельность на посту епископа была связана с интересами и традициями полиса, городской общины. Поэтому эта связь и зависимость от нее старой муниципальной организации не могут быть недооценены. В конечном счете как и епископы, так и верхушка городского клира рекрутировались не просто из муниципальной, но в значительной степени из куриальной среды, оставались с нею теснейшим образом связанными.

Позднеантичную церковь все чаще называют «городской»,[65] для этого есть достаточно много оснований. Зависимость ее развития в эту эпоху от города, городской общины исключительно многообразна. То, что перед нами иногда предстает просто как церковное строительство, не является прямым результатом деятельности самой церкви, а оказывается порождением более сложных процессов. Мы уже отмечали, что в ранней Византии была широко распространена практика частного церковного и благотворительного строительства. Церковь не полностью подчиняла себе и контролировала этот процесс. Во многом он шел стихийно, как показывает законодательство Юстиниана, и, возможно, не всегда в интересах самой церкви. Прежде всего обращает на себя внимание массовое развитие городских монастырей в ранней Византии.[66] Они, как правило, были мелкими, основывались отдельными лицами или группами лиц. Скачок в их развитии происходит к концу V в., в VI—VII вв. число их увеличивается, достигая даже в незначительных городах десятков. В VII в. их подъем прерывается, большинство их исчезает навсегда. Эту уникальную эпоху массового развития городских монастырей никак нельзя не связывать с теми социальными процессами, которые происходили в городе, процессами обеднения населения, которое пыталось путем создания таких объединений обеспечить свое существование. Глубоко городское, оно просто не желало покидать город. То, что в массе своей они были именно стихийными образованиями, свидетельствуют решения Халкидонского собора, стремившегося поставить их под контроль епископов. Если этот расцвет городских монастырей был, с одной стороны, достаточно византийским явлением, поскольку обусловливался многочисленностью городского ее населения, то с другой — был в достаточной степени позднеантичным, городским. Монастырь не столько противостоял городу,

---

[64] Beck H.-G. Kirche und Klerus.

[65] Frend H. M. City and country in early Christian centuries. London, 1980; Brown P. The making of late antiquity. London, 1973.

[66] Kaplan M. Les propriétés de la couronne et de l'église dans l'Empire Byzantin (V—VI siècles). Paris, 1976.

обособлялся от него, сколько оказался подчиненным его социальным нуждам и интересам.

Заслуживает внимания и то, что Византия стала страной уникальной по количеству разного рода благотворительных учреждений, их многопрофильной специализацией.[67] Византийский город буквально кишел ими. Но характерно, что лишь сравнительно немногие из них были созданы и основаны самой церковью. Они были порождением преимущественно частной инициативы и, таким образом, представляли своего рода трансформированный вид полисной благотворительности, а это является еще одним подтверждением живучести остатков полисного патриотизма. Причем характерно, что их благотворительная деятельность была достаточно широкого свойства. Она не распространялась только на полностью неспособных к труду. Характерно, что многие вкладывали средства именно в эти учреждения, а не просто жертвовали их церкви, а последняя иногда имела тенденцию присвоить их.[68] Таким образом, и расцвет в ранней Византии, в ранневизантийском городе системы христианских благотворительных учреждений был во многом связан с античной полисной традицией. По сложившимся формам все они сохранились и в последующую эпоху, но размеры их существования в ранневизантийскую эпоху несопоставимы с последующим временем.[69] Их расцвет, как и городских монастырей, очевидно был также порождением позднеантичной эпохи, трудностей позднеантичного города и старых полисных традиций.

Уже эта частная инициатива показывает своего рода «градоцентризм» христианской деятельности и активности. Можно подумать, что только на первых порах церковь должна была особенно активизировать церковное строительство в городе, укрепляя его положение и позиции нового христианского центра. Однако, даже если отбросить влияние частной инициативы, нетрудно заметить, что сама церковь была чрезвычайно патриотично настроена по отношению к городу. На протяжении всего ранневизантийского периода идет бурное церковное строительство в городах, все более пышное и величественное, сверх необходимости умножается число городских церквей (в некоторых — до 200).[70] Ранневизантийская церковь так и не повернулась «лицом к деревне». Она до конца ранневизантийской эпохи продолжала оставаться городской. Юстиниану даже пришлось принимать меры по ограничению численности городского клира. В этом смысле ранневизантийская церковь не противостояла полису, его традициям. Она сливалась с ним, всей своей деятельностью утверждая идею господства города над округой, его при-

---

[67] Constantelos D. The byzantine philanthropy.
[68] Kaplan M. Les propriétés, p. 17—19.
[69] Bouras Ch. City and village, p. 618.
[70] Левченко М. В. Церковные имущества, с. 19.

ритета. Ранневизантийское христианство и церковь не просто подкрепляли старую традицию, но и новым значением города как христианского духовного центра освящали его власть над округой.

Можно говорить о связанности церкви с городом не только в силу ее известной зависимости от общины, массы горожан, верхушки. Церковь и экономически была теснейшим образом связана с городом. Именно в нем, его окрестностях, пригородах прежде всего и умножались ее имущества (причем не без влияния политики государства). Вряд ли стоит считать, что политика последнего в отношении церкви была просто направлена на укрепление ее положения в противовес светской знати. Равным образом Юстиниан не стремился и к тому, чтобы превратить епископов в своего рода второй эшелон государственной власти, распорядителей, предназначенных на особые цели государственных имуществ.[71] Однако определенная направленность государственной политики в отношении церкви в городе была. Заслуживает внимания, что в соответствии с уже намеченной общей тенденцией государство поощряло не только церковное, но и монастырское строительство преимущественно в городах, тем самым способствуя умножению именно городских монастырей. Но как отметил Каплан, из законодательства Юстиниана, касающегося церковных имуществ, вытекает даже не столько его озабоченность умножением монастырей, сколько задачами расширения общей благотворительной ее деятельности в городе.[72] Таким образом, государство сознательно уделяло огромное внимание развитию благотворительной деятельности церкви в городе, трансформированному продолжению полисных традиций. Церковь, не только по своим внутренним отношениям и связям, но и по государственной линии оказалась пристегнутой к государственной политике поддержания города. В дальнейшем, VIII—IX вв., эта линия также не нашла развития и заглохла. Она осталась чрезвычайно характерной именно для позднеантичной (ранневизантийской) эпохи.

Исследователи уже обращали внимание на расцвет экономического могущества и влияния церкви в городе в VI—VII вв.[73] В них иногда видят чуть ли не прямых формальных «глав» городского самоуправления, иногда даже находят в этом и отражение передоверенной им власти государства. Хольвег видит основу их реального общественного влияния, которое использовалось и государством, прежде всего в их моральном авторитете.[74] Думается, что в этом соображении есть немалая доля истины, если не понимать под ним только чисто христианский

[71] Guillou A. Régionalisme et indépendance dans l'Empire Byzantin à VII siècle. L'example de l'Exarchat du Ravenne. Rome, 1969, p. 164.
[72] Kaplan M. Les propriétés, p. 17—19.
[73] Guillou A. Régionalisme, p. 164.
[74] Holweg A. Bischof und Stadtherr, S. 51—62.

духовный авторитет. Он и заключался прежде всего в том авторитете и поддержке, какими пользовался епископ у городской общины. В какой-то мере его влияние и власть были отражением не только собственного могущества и авторитета церкви, но и интересов и устремлений самой городской общины. Как многие из своих имуществ, так и духовный авторитет церковь сохранила. Но вот ее положение в городе изменилось. Было бы ошибочно его приписывать только политике государства. Ранневизантийская церковь выросла в позднеантичном городе, была неразрывно связана с ним, его экономикой, муниципальным землевладением, массой городских собственников.[75] Центральная власть, ранневизантийское государство не просто упрочивало роль церкви в обществе и городе, оно стремилось превратить ее в подпорку, защитника античной муниципальной организации, своего рода гаранта ее дальнейшего поддержания и сохранения, т. е. политика его в отношении города, античной городской организации была, может быть, и новой по форме, но старой по существу — сохранить господство города над деревней, сохранить роль городской общины как центра организации аграрных отношений. Политику Юстиниана в этом смысле можно считать безусловно консервативной. Он стремился в большей степени поставить епископскую власть на защиту старой муниципальной организации в целом, больше противопоставить ее крупным собственникам. Для этого были основания и возможности. Не случайно в законодательстве его делается сильный акцент на задаче охраны собственности и имуществ церкви.[76] Апогей взлета прямой, реальной, общественной, гражданской, государственно-политической власти церкви в византийском обществе приходится на VI—VII столетия. Он во многом обусловливался той реально посреднической общественно-политической ролью, которую церковь играла в отношениях между городской общиной, крупными собственниками и государством. Если первоначально она росла на известном противостоянии, то в дальнейшем и в VII в. на все более прямом союзе с ними, а также противоречиях между ними и государством. Казалось бы, как и предполагали сторонники континуитета, город мог сохраниться под эгидой тех и других, при заинтересованности государства. Однако современные исследования рисуют картину все более глубоких перемен, происходивших в жизни византийского общества и города в VII—VIII вв. По мнению некоторых, даже крупная частная земельная собственность, столь стремительно росшая в VI—VII в., сохранилась в Византии в весьма незначительных

---

[75] Wipszycka E. Les réssources économiques de l'Eglise dans l'Egypte byzantin. Paris, 1968.

[76] Knecht E. System des justinianischen Kirchenvermögensrecht. Ber- 1905.

размерах.[77] Старые городские крупные земельные собственники, так сказать, позднеантичного типа сошли с исторической сцены.

Судьбы византийского города в переходную эпоху заставляют видеть в ранневизантийском городе не столько город как центр ремесла и торговли, в какой-то мере уже приближавшийся к средневековому, сколько доживавший свои последние дни античный полис, основную структурную ячейку античного общества, являвшуюся прежде важнейшим организатором общественных и социально-экономических отношений.

Античность умирала не одновременно с куриями. Это было лишь начало, первый этап ее конца. Главные перемены происходили в аграрных отношениях в деревне. Только теперь стали вырисовываться их подлинные размеры и этапы.[78] Первый — это упадок старых и консолидированных средних вилл и поместий, так сказать, рабовладельческого типа, тесно связанных с городом, и рост крупного землевладения с несколько специфическими в ранней Византии чертами — укреплением не поместья и поместного хозяйства, а деревни на ее землях. Благодаря этому не была порвана или предельно ослаблена, как на Западе, связь деревни с городом, и поэтому продолжалось его относительное процветание. Укрепление зависимости крестьян (адскриптиции) к V—VI вв. ослабляло их связи с городом. Зафиксирован приходящийся на это время и углубляющийся упадок массового ремесла, обеднение низших прослоек горожан.[79] Параллельно с этим мы видим процессы внутренней консолидации деревни, как социальной, так и хозяйственной, укрепления мелкого хозяйства, развития деревенского ремесла еще более снижавшего значение города.[80] Последний постепенно переставал быть необходимым и главным экономическим центром округи и все более четко вырисовывался одновременно с государством как центр ее социального угнетения. Иногда противопоставляют в их отношениям с округой старую муниципальную аристократию античного типа и крупных независимых собственников, так сказать, «феодализирующуюся». Это не совсем верно. Для ранней Византии правильнее было бы говорить о позднеантичной по своему характеру «городской знати», независимо от того, была ли она непосредственно связана с остатками античного самоуправления, или с государственной службой. В своем стремлении укрепить свою властью над городом, а за счет античного полиса и свое землевладение она опиралась на

---

[77] Svoronos N. In. — La civiltà byzantina dal IV al IX secolo. Aspetti e problemi. Bari, 1977.

[78] Meyendorff J. Justinian, the empire and the church. — Dumbarton Oaks Papers, 22, 1968, p. 43—60.

[79] Курбатов Г. Л. Основные проблемы. Patlagean E. Pauvreté.., p. 284.

[80] Курбатов Г. Л. Разложение античной городской собственности в Византии IV—VII вв. — ВВ, 1973, с. 19—32.

ту же муниципальную организацию, город, поддерживала остатки его самоуправления, традиции городской жизни. Мы не можем сказать, чем бы мог завершиться этот процесс в его «плавном течении», поскольку оно не имело места.

Сейчас все большее внимание обращают на ту социально-конфликтную ситуацию, которая сложилась в отношениях между деревней, округой и городом в ранней Византии с конца VI в.[81] Данные, в частности житийной литературы, подтверждают, что, независимо от всех модификаций, форм, город и городская организация оставались в системе ранневизантийского государства основным звеном эксплуатации деревни. К ее реализации, контролю над ней была привлечена и церковь. Таким образом, городской епископ и клир в этом смысле для деревни не выпадали из общего круга ее «городских» угнетателей. Усилившаяся внутренне деревня, в равной степени давала им отпор и наращивала сопротивление.[82] По своим симпатиям и привязанностям к городу, его поддержке за счет деревни епископ и городской клир также были для последней «на одно лицо».

Конечно, можно по-разному оценивать роль варварских вторжений и их влияние на судьбы города, но мы не можем сбросить со счетов и роль той социальной битвы за свое освобождение, которую ранневизантийская деревня провела против доживающего свой век античного городского строя. Не этим ли, а не только варварскими погромами городов следует объяснять вырисовывающийся теперь и в какой-то степени даже синхронный упадок и старого крупного городского землевладения, набиравшего силу в VI—VII вв., и экономического могущества «городской» церкви как в самом городе, так и его округе. Если с обособлением и укреплением самостоятельности деревни город утрачивал свое значение экономического центра, то с упадком старой городской знати,[83] на наш взгляд, все вышеизложенное достаточно убедительно показывает, что нет оснований противопоставлять светскую знать духовной. Вся она была социально едина и позднеантична по своему характеру, последний же утрачивает важнейшую опору поддержания своего существования.

Все это показывает, что ранневизантийское правительство в принципе до конца поддерживало и модифицировало остатки античного полисного строя как основную и органичную опору своей власти, основу господства в обществе. В дальнейшем ему

---

[81] Cook J. M. The Troad. An archaeological and topographical study. Oxford, 1973; Dagron G. Entre village et cité: la bourdage rurale des IV—VII siècles en Orient. — Koinonia, 1979, 3; Loos M. Quelques rémarques sur les communautés rurales et la grande propriété terienne à Byzance (VIIe — XIe siècles). — BSL, 1978, 39/1; Guillou A. La Sicilie Byzantine.

[82] Guillou A. Transformations des structures socio-économiques dans le monde byzantin du VI au VIII siècle. — ЗРВИ, XIX, 1980, p. 71—80.

[83] Сюзюмов М. Я. Византийский город, с. 65.

пришлось коренным образом порвать с этой практикой. Эксплуатация деревни осуществлялась не через город, старую городскую организацию, а непосредственно через государственный аппарат.[84] Город окончательно утратил свое значение важнейшей основы социально-политической организации общества. Этим было предопределено падение его общественно-политического значения в раннефеодальной Византии.

Заслуживают внимания еще малоисследованные аспекты подхода и политики ранневизантийского правительства и общества в отношении города, в частности военный.[85] По-видимому, здесь также можно выделить некоторые типично позднеантичные черты, противоречивые, но целостные. Иногда начало средневекового города прямо ведут от кризиса III в., обнесения городов стенами, якобы принципиально уже отделившими его от деревни, округи. В таком делении много чисто формального, так же как и начало «специального» крепостного строительства, которое не представляло собой постепенную трансформацию позднеантичных городов в раннесредневековые крепости.[86] Самое предварительное изучение материала показывает, что в военной мысли поздней античности во многом еще превалировала идея защиты города как самостоятельной целостности, т. е. военно-политический градоцентризм, идея обороны с опорой на города. Военное строительство укреплений вокруг них осуществлялось во всех городах и даже в ущерб военным соображениям велось с целью защитить укреплениями весь город, всю его территорию. Поэтому многие их оборонительные сооружения пришлось в V—VI вв. перестраивать. По «Истории войн» Прокопия отчетливо видно, что вся система обороны строилась с опорой на города, в том числе и на поддержку их населения.[87] Во время праноарабских завоеваний эта система полностью себя не оправдала, подтвердив античные традиции военно-политической мысли Византии, которые препятствовали прогрессивной и эффективной в военном отношении перестройке обороны. Крепостное строительство, активизировавшееся в V—VI вв., тем не менее на протяжении всей ранневизантийской эпохи имело дополнительный, вспомогательный характер. Оно было во многом «привязано» к обороне существующих крапнейших центров. Только происшедший в последующую эпоху и уже действительно глубокий отрыв «крепости» от города и задач его непосредственной защиты позволил византийцам создать более гибкую и эффективную систему обороны уже не городов, а границ и целых районов, а потому и сохранить стававшиеся за ней терри-

---

[84] Yannopoulos P. A. La société, p. 14—19, 181—182, 287.

[85] Кучма В. В. Античные традиции в развитии политической мысли ранней Византии: Автореф. док. дис. М., 1981.

[86] Ястребицкая А. Л. Основные проблемы, с. 261.

[87] Пигулевская Н. В. Оборона городов Месопотамии.— Учен. зап. ЛГУ, сер. истор., вып. 12, 1941.

тории.[88] В то же время этот отрыв крепости от города обусловливал и начало ее самостоятельного существования как военного центра, также независимого от города.[89] Это был удар, который раннее средневековье нанесло позднеантичному городу, рассматривавшемуся одновременно и как безусловный военный центр концентрации и пребывания армии, и как база его снабжения и обеспечения. Военные функции ушли из города или отделились от него в эпоху фемного строя, стали независимыми от города и городской жизни. В этом смысле именно как характерную черту ранневизантийской эпохи поздней античности можно выделить несомненную «милитаризацию» города, рост его значения как оборонительного центра, но все это было не просто этапом укрепления его военного значения, которое поддержало бы его городское существование в дальнейшем. «Милитаризация» поддержала позднеантичный город, его экономику, значение, но одновременно она подготавливала разрыв с ним военной организации, обособление которой также создало благоприятные условия для упадка раннефеодального византийского города. Его усиливавшееся в ранневизантийскую эпоху военное значение не спасло его в дальнейшем.

[88] Trojanos S. Kastroktisia. — Byzantina, 1968, 1; Kaegi W. E. Military dillemas. — In: The 3rd Ann. Byz. Stud. Conference, Columbia, 1977, p. 1—3; Kaegy W. E. Byzantine military unrest 471—843. London, 1981: «Мир последующих авторов стратегиконов глубоко отличался от почти классического урбанизма юстиниановских дней». Teall J. Byzantine urbanism in the military handbooks. — In: The medieval city. New Haven and London, 1975, p. 22.

[89] Haldon J. F Kennedy H. Op. p. 91—96.

Л. Н. Заливалова

ГОРОД И ГОСУДАРСТВО В ВИЗАНТИИ В ЭПОХУ ПЕРЕХОДА ОТ АНТИЧНОСТИ К ФЕОДАЛИЗМУ В ОСВЕЩЕНИИ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX в.

В русской историографии сложилась своя, во многом отличная от западноевропейской концепция развития византийского города, положения его в системе византийского государства. В силу своих традиций она в общем избежала модернизаторского подхода к византийскому городу, влияния теорий византийского «капитализма», широко распространившихся в западной историографии начала 20—30-х годов XX в.[1]

[1] Курбатов Г. Л. История Византии (историография). Л., 1975, с. 119; см. также: Сюзюмов М. Я. 1) Византийская книга эпарха. М., 1962; 2) Основные направления истории Византии иконоборческого периода. — ВВ, 1963, № 22, с. 206—210.

Изучение концепций византийского города в русском дореволюционном византиноведении представляет особый интерес, с одной стороны, в связи с тем, что ряд его положений прочно вошел в фонд мировой науки и до настоящего времени оказывает определенное влияние на дальнейшее изучение византийского города, с другой — некоторые его положения были восприняты и переработаны в процессе становления и советским византиноведением, впервые разработавшим марксистскую концепцию истории византийского города и занимающим ныне одно из ведущих мест в исследовании основных проблем его внутреннего развития.[2]

Исследование этой проблемы представляется тем более актуальной задачей, что практически система взглядов дореволюционных византинистов, их концепции развития византийского города как таковые до сих пор систематически не изучены. Они рассматривались преимущественно в связи с их взглядами на отдельные проблемы истории византийского города — проблему византийских корпораций: «цехов», партий и ряд других.[3] Между тем представляют интерес их целостные концепции развития византийского города в связи с их общими представлениями о развитии Византии.

Аграрной истории Византии в этом смысле повезло больше. Русская византинистика внесла огромный вклад в изучение всей системы аграрных отношений и оформлявших их институтов.[4] Русская историография впервые последовательно заговорила о византийском феодализме, хотя и в буржуазном его понимании.[5]

С городом дело обстоит несколько сложнее, так как позитивистской историографии, какой была преимущественно русская дореволюционная, был присущ известный «параллелизм» в подходе к проблемам развития аграрных отношений и города, отсутствие последовательных представлений об органичной, неразрывной связи их эволюции. Может быть, именно поэтому русская историография, придавая огромное значение перевороту в аграрных отношениях в результате славянской колонизации, почти совершенно не коснулась вопроса о ее реальном влиянии на развитие города. Наоборот, эволюция последнего ей представлялась чрезвычайно плавной и постепенной.[6]

[2] Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, с. 195.

[3] См., напр.: Сюзюмов М. Я. Указ. соч.; Левченко М. В. Венеты и прасины в Византии в V—VII вв. — ВВ, 1947, № 1, с. 164—183.

[4] Исакова Л. В., Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. 100 лет византиноведения в ЛГУ. — В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета, вып. 3, 1976, с. 33—34.

[5] Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960, т. II, с. 513; Гутнова Е. В. Историография истории средних веков (середина XIX в.— 1917 г.). М., 1974, с. 266.

[6] Для многих ученых были характерны представления, что «славяне и арабы ничего не изменили в судьбах города».

Можно говорить об известном развитии и влиянии в русской историографии социально-экономического направления, к которому принадлежал, например, М. М. Хвостов, автор двух капитальных монографий «Текстильная промышленность в греко-римском Египте» (1914) и «История восточной торговли греко-римского Египта» (1907).[7]

Однако не эти работы по экономической истории, оставшиеся в общем-то частными, определяли развитие представлений о византийском городе в русской историографии. В целом для нее было характерно в большей степени неприятие ойкосной (рабовладельческой) теории К. Бюхера и концепции М. Вебера (отсюда и малое внимание к проблеме рабства, его влияния на развитие города и его строя). Византийский город представлялся им в большей мере наследником восточноэллинистического полиса. А. П. Рудаков писал: «Подобно эллинистическим государствам Передней Азии Византия может рассматриваться как аггрегат извечных городских общин-полисов. И если греческая культура характеризуется как культура замкнутого полиса, то культуру эллинизма и его последней преемницы — Византии — мы с полным правом можем характеризовать как культуру комплекса полисов, объединенных принудительной политической связью. .».[8]

Не будет преувеличением сказать, что для большинства русских исследователей судьбы византийского города были неразрывно связаны с судьбами государства. Отсюда оправданность первоочередности рассмотрения ими именно проблемы город и государство, когда речь идет о русской византинистике конца XIX — начала XX в. Если для аграрных отношений ими допускались элементы спонтанного, независимого развития, с которыми были вынуждены считаться общество и государство, то город выступал неразрывно слитным, неотделимым от последнего. В работах русских византинистов совершенно не затронута тема влияния города на развитие общества и государства.

Речь более всего идет об обратном — влиянии государства на развитие города. Как справедливо отмечали последующие историки, что «единственное, в чем эти исследователи искали объяснение специфики византийской истории, — это характер государственной власти».[9] «Византинисты прошлого столетия сходились на том, что именно самодержавие, неограниченность императорской власти, составляло характернейшую черту полити-

---

[7] Оценку его работ см.: Историография античной истории. М., 1980, с. 174.

[8] Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917, с. 71—72.

[9] Каждан А. П., Литаврин Г. Г., Удальцова З. В. Византия и Запад в современной буржуазной историографии. — В сб.: Против фальсификации истории. М., 1959, с. 384.

ческого устройства Византии, определявшую все особенности ее истории».[10]

Таким образом, византийский город рассматривался ими преимущественно в аспекте социально-политическом, в плане эволюции его муниципального строя. Представление о византинизме как известном возрождении восточноэллинистических традиций в определенной степени окрашивало и их представление о характере и судьбах города в переходную эпоху от античности к феодализму.[11]

Проблемы упадка города, вызванного кризисом и разложением античного полисного строя для большинства из них не существовало, как и его глубокой перестройки в переходную эпоху. Упадок муниципального самоуправления связывался ими не столько с упадком самого античного ранневизантийского города, сколько с перестройкой управления им, которая большинством исследователей рассматривалась как явление прогрессивное, как процесс рождения «византинизма», византийского устройства.[12] Характерно, что возникновение последнего было не столько результатом внутреннего угасания античного самоуправления, а его вытеснения, подавления централизованными формами византийского управления.[13]

Отмирание старого античного самоуправления в IV—V вв. рассматривалось, таким образом, в неразрывной связи со становлением «византинизма», которое завершается при Юстиниане, когда «в основном» завершилась «переработка греко-римских учреждений в византийские».[14] К. Н. Успенский пишет о несовместимости античного самоуправления с «эллинистически-централизованной и бюрократизированной монархией».[15] Отсюда

---

[10] Там же, с. 430.

[11] Кареев Н. И. Монархии Древнего Востока и греко-римского мира. СПб., 1904; Успенский Ф. И. История Византийской империи. СПб., 1913, т. I.

[12] По мнению Ф. И. Успенского, в Византии установилось органичное единство государства и общества, когда с изживанием остатков самоуправления было утверждено «одинаковое состояние», «городские и сельские „классы" были равно связаны с государством» (см.: Успенский Ф. И. История византийских учреждений. — В кн.: История Византийской империи. М.; Л., 1948, т. III, с. 807).

[13] «Византийские цари V и VI вв. наложили руку на городские привилегии». — Там же, с. 807. — Характерно, что Ф. И. Успенский рассматривал остроту политической борьбы в городах V—VI вв. как «последние взрывы борьбы городов за политические права» (Успенский Ф. И. История Византийской... т. I, с. 258). В то же время он (как далее и Н. Скабаланович) считал, что государство разрушало муниципальное самоуправление, выступая не против муниципального строя, городских землевладельцев, а в связи с несовместимостью его с централизованной государственностью. А. А. Васильев также считает, что «муниципальный строй разлагался под давлением центральной власти» (см.: Васильев А. А. Лекции по истории Византии. Пг., 1917, т. 1, с. 320).

[14] Успенский Ф. И. История византийских учреждений. . с. 801.

[15] Успенский К. Н. Очерки по истории Византии. М., 1917, т. 1, с. 125.

и положение о едином характере и сущности городских институтов VI—XI вв. Если для Ф. И. Успенского это было в большей степени связано с победой «византинизма», утверждением типичной византийской централизованной монархии, то в концепции К. Н. Успенского переход к новым византийским формам был в определенной степени связан и с «победой» феодализма, который К. Н. Успенский считал более характерным и традиционным для восточноэллинистического общества. К. Н. Успенский признает его победу в VI в.[16]

Для Ф. И. Успенского акцент в сохранении городов переносится с VI в. на государство, его заинтересованность в сохранении их как центров государственного управления. По его мнению, оно еще лучше осуществляло эти задачи, чем прежнее слабое муниципальное самоуправление.[17] Государство целиком взяло на себя заботу о гражданах. Все шло от худшего к лучшему. Исходя из концепции Ф. И. Успенского о византийской самодержавной монархии как «народной», естественно трудно предположить, что государство на всем протяжении VI—XI вв. не заботилось также об интересах городского населения.[18]

Подобный вывод подтверждается еще одной особенностью видения городских проблем и городской эволюции русскими учеными. По сути дела для большинства из них, во всяком случае для эпохи VI—X вв., не существовало проблемы провинциального города в прямом социально-политическом смысле. Исключительное внимание их к Константинополю было не случайным. Дело не в том, что Константинополь не заслуживал столь пристального внимания. Оно совершенно оправдано. И большой заслугой русских византинистов, в первую очередь Ф. И. Успенского с его статьей о константинопольском эпархе,[19] является то, что ими были отчетливо показаны специфичные, отличные от традиционно римских черты константинопольского городского устройства с его особой ролью «градоначальника»— эпарха города.

В этой централизованности городского управления русские исследователи и видели черты «византинизма». Однако ошибка их заключалась в том, что они не всегда должным образом оценивали некоторую специфику не только положения константинопольского населения, но и отношений между ним и императорской властью, особых привилегий Константинополя как столицы. Поэтому в их представлениях преобладало не столько противопоставление Константинополя провинции, сколько про-

---

[16] Там же, с. 66, 98, 128. — По мнению К. Н. Успенского (с. 66), «едва ли возможным оказывается говорить и о каком-то общем упадке империи».

[17] Успенский Ф. И. История византийских учреждений.. с. 807.

[18] См., напр.: Успенский Ф. И. История Византийской... т. I, с. 508; т. III, с. 619: «Родной двор, деливший с народом радости и горе».

[19] Успенский Ф. И. Константинопольский эпарх. — ИРАИК, IV, вып. 2, 1899, с. 79—104.

ецирование его идеализированной системы отношений на остальные города империи. Малые и средние города под этим углом зрения не рассматривались. Константинополь и Фессалоника, второй город империи, служили убедительнейшими примерами всеобщего благополучия городов империи. Поэтому для русских ученых не были характерны ныне подтвержденные большим археологическим материалом представления о каком-либо упадке городов и городской жизни в VII—IX вв.

К этому следует добавить роль церкви, значение которой в поддержании городской жизни особенно акцентировалось клерикальной историографией. Подчеркивалась не только особая роль церкви и ее отношение к городу как церковному центру, но и особое «единство» церкви и государства в Византии, а следовательно, взаимность их усилий, направленных на поддержание города.[20] Оформление концепции экономической мощи и влияния церкви получило в теории «монастырского феодализма» К. Н. Успенского.

В русской историографии сложилась развернутая концепция того, что город был обязан своим процветанием государству. В существовании централизованной монархии видел Ф. И. Успенский залог стабильного благополучия города, его развития.[21] Отсюда и «благодетельность» для Византии смены прежних греко-римских порядков византийскими. Среди русских ученых этот тезис нашел подкрепление в акценте на смене принудительных позднеримских корпораций добровольными с переходом к централизованной византийской государственности. Проводя линию последовательной прогрессивной эволюции торгово-ремесленных корпораций от VI до X в., Ф. И. Успенский идеализировал отношения государства и корпораций, подчеркивая значение поддержания, защиты и покровительства их государством.[22] Для него X в. — вершина византийского городского процветания и благополучия, а упадок городов собственно начинается с ослаблением централизованной государственности, «византинизма», а следовательно, с процессами углубления феодали-

---

[20] См., напр.: Остроумов А. Синезий епископ Птолемаидский. М., 1879; Курганов Ф. А. Отношения между церковною и гражданскою властью Византийской империи в эпоху образования и окончательного установления характера этих взаимоотношений (325—565 гг.). Казань, 1880; Яковенко П. А. История византийской церкви. Юрьев, 1909/10 г.; Черняевский Н. Ф. Император Феодосий Великий и его царствование в церковно-историческом отношении. Сергиев Посад, 1913.

[21] В развитии городов Ф. И. Успенский прежде всего видит «государственную тенденцию» (Успенский Ф. И. История Византийской. т. I, с. 218, 235, 347, 565 и др.).

[22] В известной мере эти взгляды также восходили к представлениям о прямой преемственности византийских, особенно государственных, корпораций от восточно-эллинистических, «царских», находившихся под особым покровительством центральной власти. Эта заинтересованность и покровительство в какой-то мере переносились ими на все городское ремесло.

зации империи.[23] Он исходил из представления о том, что византийскому обществу была противопоказана феодализация западного типа. Поэтому укрепление самостоятельности, самоуправления городов, движение их по западному пути не представлялось ему прогрессивным явлением.

Правда, для представителей русской либерально-буржуазной византинистики положение византийского ремесла и города в X в. представлялось иным. Они считали, что государственная регламентация сдерживала свободное развитие ремесла и обмена, а грабеж многочисленного чиновничества влиял отрицательно на положение торгово-ремесленного населения. Таким было, например, мнение П. В. Безобразова, в известной мере в зародыше содержавшем исходные представления об интенсивной эксплуатации городского ремесла и торговли феодальным государством, которое все более сдерживало и тормозило развитие города.[24]

Положительной стороной дореволюционной византинистики было то, что она не преувеличивала уровня развития товарно-денежных отношений в городе.[25] Исходя из представлений о городе как античном, восточноэллинистическом полисе, преимущественно аграрном, основной социально-политической ячейке общества (отсюда положение об извечном господстве города в Византии), русские ученые решительно выступали против попыток «капиталистической» модернизации уровня развития византийского города, с критикой концепций Э. Майера, а затем Л. Брентано.[26] Наоборот, недооценка роли рабства в ранневизантийский период тем более побуждала их рассматривать византийское ремесло как преимущественно мелкое, индивидуальное, «средневековое», основанное на «скромном ремесленном труде».[27]

Именно поэтому первые концепции византийского «капитализма» подверглись наиболее глубокой и решительной критике в русской историографии.[28] В их работах обосновывался свое-

[23] Успенский Ф. И. История Византийской... т. III, с. 383: «Для обеспечения себе дальнейшего политического бытия империя должна была искать средства не в усвоении феодализма».

[24] Безобразов П. Ремесленные и торговые корпорации. — В кн.: Герцбег Ф. История Византии. М. 1896, с. 602—607; Курбатов Г. Л. История Византии. . с. 120.

[25] Успенский К. Н. Очерки по истории. с. 39: «. .города нельзя представлять себе нарочито торгово-промышленными центрами».

[26] Brentano L. Die byzantinische Volkswirtschaft. — Schmollers Jahrbuch, 1917, Jg. 41, H. 2. — По Л. Брентано, в византийских городах изначально существовала капиталистическая система хозяйства, которая и отличала византийскую экономику от хозяйственной жизни западного средневековья.

[27] Как писал А. П. Рудаков (Очерки византийской... с. 139), «в Византии не существовало ни фабрик, ни мануфактур... Византия знала только ремесло».

[28] См. указ. работы К. Н. Успенского, П. В. Безобразова, А. П. Рудакова и др.

образный, но в принципе средневековый характер торгово-ремесленных корпораций, проводилась большая их принципиальная аналогия со средневековыми цехами Западной Европы. В работах советских исследователей, изучавших характер византийских корпораций, широко использовались и выводы Е. Черноусова,[29] отсюда и положение о постепенной трансформации позднеримских корпораций в византийские. Мы можем говорить о двойственном значении изучения положения византийского города в системе византийского государства, взаимоотношений между ними. С одной стороны, идеализация византийского самодержавия помешала русским ученым увидеть негативные черты характера отношения византийского государства к городу, бесспорное пренебрежение к его интересам и состоянию ремесла и торговли в VII—IX вв., как и сам факт глубокого упадка городов и городской жизни в VII—IX вв.

С другой стороны, гипертрофированная концепция «народности» византийского самодержавия сыграла известную роль в борьбе с усиливавшимися в западной историографии тенденциями полностью уподоблять византийскую государственность ориентальной деспотии, рассматривать ее как один из вариантов последней.[30]

В русской историографии не без признания значительной роли самостоятельного торгово-ремесленного населения и не при столь резких представлениях о «пролетаризации» и люмпенпролетаризации основной его массы, как на Западе, более прочно утвердилось положение об известных элементах «конституционного» характера византийской монархии. Отсюда и то большое внимание, которое уделялось проблеме византийских городских цирковых партий — димов. Ученые видели в них известные пережитки античной демократии,[31] но в принципе новый и византийский по своему характеру институт. В специальной работе, посвященной партиям цирка,[32] второй после знаменитого исследования А. Рамбо и оказавшей существенное влияние на мировую историографию,[33] Ф. И. Успенский достаточно четко и убе-

---

[29] Черноусов Е. А. Римские и византийские цехи. — ЖМНП, 1914, сентябрь; Сюзюмов М. Я. Византийская книга эпарха.

[30] Более объективно, чем Ф. И. Успенским, известная ограниченность византийского «абсолютизма» была показана Н. А. Скабалановичем (Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884).

[31] Сохраненные государством «в силу уважения к традиции» см.: Успенский Ф. И. Партии цирка и димы в Константинополе. — ВВ, 1894, № 1, с. 1—16.

[32] Там же.

[33] До появления этой работы «все византинисты отрицали связь партий цирка с политическими движениями и доказывали, что борьба венетов и прасинов не имела социально-политических оснований» (Левченко М. В. Венеты и прасины в Византии в V—VII вв. — ВВ, 1947, № 1, с. 164; Очерки истории... т. II, с. 508).

дительно показал гражданские и военные функции димов, «следы представительства общественных классов».[34] Хотя он и преувеличивал в их деятельности элементы «народоправства», тем не менее достаточно убедительно показал, что народ города оказывал известное влияние на политическую жизнь.[35]

Русской историографии, может быть, именно в силу большей идеализации «народного» характера византийской монархии[36] было присуще восприятие городского населения как известной самостоятельной социальной силы, массы ремесленников и горговцев, а не просто «черни». И хотя русским ученым, особенно монархически настроенным, было свойственно отрицательное отношение к движениям народных масс, тем не менее они более объективно показали роль политических партий в событиях переходного периода от античности к феодализму.[37] Именно это марксистская историография смогла использовать при уяснении сущности и характера византийских партий.[38] Эти работы не утратили значения и ныне в связи с тенденциями части современной историографии представить византийские димы как «миф».

Для русской дореволюционной историографии особенно характерной была тенденция к подчеркиванию стабильности и незыблемости византийских порядков, эволюционного характера их развития, в том числе и в городе. В этом смысле особенно характерно исследование А. П. Рудакова «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии» (1917 г.), в которой автор впервые в русской византинистике попытался дать общую картину состояния византийского провинциального города, в то же время утверждая извечный характер городских институтов Византии.[39] Эти тенденции фактически стирали едва заметную

---

[34] Успенский Ф. И. История Византийской. т. I, с. 506, 503.

[35] Там же, т. III, с. 619 и ср.: Народ «нередко своим участием решал многие политические затруднения и ставил правительство в необходимость считаться» со своими требованиями.

[36] Доминирующее у Ф. И. Успенского положение о византийском государстве как определяющей силе развития города привело его к выводу, что элементы «народного» характера византийского самодержавия были просто сохранены самой монархией. К тому же он необоснованно «продлил» важность роли византийских партий в общественно-политической жизни до X в. (см., напр.: История Византийской. т. I, с. 506).

[37] Ф. И. Успенский писал, что партии цирка не должны заслонять историю народа (Успенский Ф. И. Партии цирка... с. 11).

[38] См.: Левченко М. В. Венеты и прасины. — ВВ, 1947, № 1, с. 164—183; Дьяконов А. П. Византийские димы и факции (τὰ μέρη) в V—VII вв. — Византийский сборник. М.; Л., 1947, с. 144—227; Курбатов Г. Л. 1) Еще раз о византийских димах. — В кн.: Средневековый город, вып. 3. Саратов, 1975, с. 3—21; 2) Δημοκρατία в политической жизни византийского общества и города. — В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории, вып. 3. Л., 1976, с. 173—178.

[39] А. П. Рудаков отрицал для Византии наличие «какой-нибудь эволюции, создававшей новые жизненные формы городского быта» (Рудаков А. П. Очерки византийской... с. 109—110).

грань, которая отделяла средневековую Византию от античного общества.

Таким образом, для русской дореволюционной византинистики при целом ряде очень важных ее наблюдений, сближавших византийский город, его развитие со средневековым, в целом характерно господство идеалистической концепции о ведущей роли государства в организации и развитии городской жизни, о городе как преимущественно важнейшем составном элементе византийской централизованной государственности — государственном и церковном центре, центре имперской идеологии и культуры. Это помешало русским ученым взглянуть на собственное развитие византийского города, его роль в сложении самих форм византийской государственности. Проблема собственного внутреннего развития города оказалась снятой, и фактически не существовало проблемы внутреннего упадка городов в VII—IX вв. Город, по их мнению, развивался эволюционно, как инструмент политической власти монархии с V по X в. Проблема города слилась с проблемой государства, административно-религиозной и государственного управления.

Именно поэтому для Ф. И. Успенского и многих других его современников фактически не существовало проблемы внутреннего упадка городов в VII—IX вв. Представление о центральной власти как главной силе поддержания городов в рамках концепции восточноэллинистической монархии было унаследовано и К. Н. Успенским.

Е. П. Глушанин

ГОРОД И АРМИЯ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ЭПОХИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Армия является одним из важнейших элементов государственной организации позднеантичного общества. Влияние ее организации и эволюции на развитие позднеантичного города, городского строя и его институтов — также одна из составных частей проблемы город и государство.

В отечественной литературе уже высказывалось справедливое мнение о том, что «история византийского фемного строя в полном объеме, прежде всего с точки зрения его социально-экономической сущности, равно как и политической, и правовой, еще ждет своего изучения».[1] Мы могли бы добавить, что не менее, если не более «темной» остается эпоха V в. Несколько большая изученность этих сюжетов для IV и VI вв. может

[1] Кучма В. В. К вопросу о социальной сущности «революции» Фоки (602—610). — В кн.: Византийские очерки. М., 1977, с. 191, прилож. 34.

содействовать выявлению направлений изучения взаимосвязи процессов эволюции города и армии в V в.

Следует отметить, что проблема «город — армия» для ранней империи в советской литературе достаточно изучена, чему способствовала, в частности, разработка конкретной истории провинции в I—III вв. Были выявлены общие и специфические ее черты, закономерности. К первым, например, относится вывод о тесной, генетической связи социально-классового характера армии принципата и муниципальной организации по характеру ветеранского землевладения, отождествляемого с античной формой собственности, что, в свою очередь, в социальном аспекте связано с сословием декурионов, пополнявшим средний командный состав в армии.[2] Отмечено также, что основные части армии принципата — легионы — «набирались из граждан, имевших римское гражданство», из городских землевладельцев и рабовладельцев, бывших «прочной социальной базой империи».[3] Военная тематика как таковая и в связи с городской гораздо лучше исследована для западных, латинских провинций. Интересующие нас сюжеты для восточных провинций разрабатывались в основном О. В. Кудрявцевым на материалах Эпира и Македонии[4] и И. Ш. Шифманом — на материале Сирии.[5]

Лучше других они разработаны для дунайских провинций, ибо их материалы ее наиболее полно иллюстрируют. Само развитие муниципального землевладения там было связано с поселением ветеранов;[6] именно там с наибольшей отчетливостью проявилась роль армии как авангарда и орудия римской колонизации, способствовавшей «разложению примитивных (первобытнообщинных, раннерабовладельческих) общественных отношений».[7] Это поселение ветеранов, при котором «всякий раз образовывалась римская гражданская и землевладельческая община», по своему характеру и значению «было сходным с колонизацией Римом италийского полуострова».[8]

Известную устойчивость римского города в Паннонии Ю. К. Колосовская усматривает в продолжающейся еще в III в. урбанизации и включении местных жителей, переселенцев и

---

[2] Штаерман Е. М. Кризис III века в Римской империи. — ВИ, 1977, № 5, с. 143.

[3] Там же.

[4] Кудрявцев О. В. Эллинские провинции Балканского полуострова во II веке нашей эры. М. 1954, с. 333—337.

[5] Шифман И. Ш. Сирийское общество эпохи принципата (I—III вв. э.). М., 1977, с. 153—183.

[6] Колосовская Ю. К. Паннония в I—III веках. М., 1973, с. 75.

[7] Кудрявцев О. В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской Империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957, с. 313—314.

[8] Колосовская Ю. К. Паннония... с. 84.

пограничных племен в состав гражданских общин.[9] Но уже к III в. наряду с тягой солдат к земле создается впечатление, что ветераны оказались как бы вне городской организации и почти не участвовали в ее жизни.[10] Ветераны конституируются в отдельную сословно-корпоративную группу, организуют свои коллегии, что указывает на слабые связи их с городом в III в.[11] Этому же способствовала и политика императоров, освобождавшая их от некоторых налогов и повинностей в пользу города.[12] Все эти кризисные для античной формы собственности моменты связываются с изменившимися условиями военной жизни при Северах.[13]

Уже традиция определенно связывала намерение правительства посадить ауксилиариев на землю с Северами. Е. М. Штаерман объясняет это сенатской ориентацией социально-экономической программы Александра Севера, подчеркивая, однако, общую для Северов линию на военную колонизацию пограничных окраин.[14] Думается, что в этом аспекте, т. е. развитии пограничного землевладения, не связанного с городом, реформы Северов были логическим завершением процессов, наметившихся вследствие введения Адрианом местной системы набора. Видимо, этому содействовало введение наследственной службы, которое Ю. К. Колосовская справедливо относит ко времени Марка Аврелия.[15] Во всяком случае, следует считать, что именно реформы Северов заложили тот фундамент, на котором позже выросли limitanei, образовавшие «землевладельческую общину, стоявшую вне городской организации, так как земля находилась в распоряжении военного начальства».[16] Реформы Северов подвели итоги предшествующих процессов и наметили перспективы развития новых, уже позднеантичных по своей сути. Эти процессы представляли собой весьма противоречивое явление, отразившее специфику переходного периода, что нашло отражение и в нашей литературе. Е. М. Штаерман считает, что они должны были сделать армию более сплоченной, создать из нее орудие социальной борьбы, а потому, проводя военную колонизацию, «предвосхищавшую расселение на провинциальных землях федератов», Северы основной упор делали на укрепление регулярной армии.[17] А. Л. Смышляев, касаясь вопроса о так называемых «демократических» аспектах реформ

---

9 Там же, с. 116.

10 Там же.

11 Колосовская Ю. К. К вопросу о социальной структуре римского общества I—III вв. (collegia veteranorum). — ВДИ, 1969, № 4, с. 122—128.

12 Колосовская Ю. К. Паннония. с. 204.

13 Там же, с. 120—121; Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, с. 358.

14 Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого. с. 370.

15 Колосовская Ю. К. Паннония. с. 124.

16 Там же.

17 Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого... . 354, 350.

Септимия Севера, приходит к выводу, что в действительности они способствовали бюрократизации армии.[18] А это безусловно вело к ослаблению связей с городом, к социальной неоднородности и «многопартийности» армии. Следовательно, реформы первых Северов привели прямо к противоположным результатам.

В период военной анархии углубление социальных противоречий в армии приводит к постепенному размежеванию войск по «партийному» признаку, к попыткам опереться на внеимперских наемников, представлявших собой силу, социально и политически не связанную ни с одной из враждующих группировок. Именно так поступил Галлиен, пытаясь ослабить влияние римской кавалерии, тяготевшей к компромиссу с крупной земельной аристократией.[19] Однако исторический парадокс заключался в том, что самый деятельный проводник реставраторской политики своими военными реформами не только углубил расслоение армии, не только дал своим противникам мощное оружие в лице выделенной из легионов и сведенной воедино конницы, но и был создателем той линии структурного отношения к армии, которую активно продолжали императоры Домината. Галлиен также способствовал не только окончательному размежеванию войск, но и искал предпосылки для нового социального компромисса, чем занимались и его преемники.

Именно компромиссной ориентацией политики Проба, считает Е. М. Штаерман, объясняется широкое расселение ветеранов на окраинах.[20] Таким образом, напрашивается вывод о том, что правительство стремилось разорвать связь армии с городской организацией или в значительной мере ее ослабить. Однако было высказано мнение, что внутреннее развитие ветеранского землевладения вело к тому, что оно «все менее оказывалось связанным с городом».[21]

Совокупность этих факторов довольно безболезненно позволила Диоклетиану реорганизовать войско. Limitanei уже «созрели» для новых социально-экономических условий службы, а императорская власть приступила к более полному подчинению себе городов, к превращению органов городского самоуправления в составную часть имперского бюрократического аппарата.[22]

Начало позднеантичной стадии все-таки не характеризуется полным разрывом между городской и военной организациями. Хотя мелкое землевладение limitanei на лимесах[23] и утра-

---

[18] Смышляев А. Л. Септимий Север principales. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, 1976, № 6, с. 91.

[19] Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого. с. 480—481.

[20] Там же.

[21] Колосовская Ю. К. Паннония. с. 126.

[22] Шифман И. Ш. Сирийское общество.. с. 297.

[23] См., напр.: Дилигенский Г. Г. Северная Африка в IV—V веках. М., 1961, с. 95—99; Головачев И. Ф. Мелкое и среднее землевладение в римской Африке первых трех веков Империи. — ВДИ, 1963, № 3, с. 144.

тило, видимо, связи с городом, несколько иная картина предстает в отношении города с comitatenses.

После столетия гражданских войн, варварских нашествий запустение земель приняло довольно значительные размеры, и правительство изыскивало способы их заселения. Лучшего материала, чем ветераны, трудно было найти, и потому, как показала Г. Е. Лебедева, императоры IV в. предоставляют им ряд привилегий и дарений, подталкивая к занятию сельским хозяйством.[24] Раздавая земли и привилегии, правительство, по мнению Г. Е. Лебедевой, «рассчитывало поддержать таким путем свободное землевладение для военных нужд, поддержать слой ветеранов как важный источник пополнения армии».[25] В то же самое время ветераны являлись группой, по размерам землевладения наиболее близкой к куриалам, и фактически в IV в. были «едва ли не важнейшим источником пополнения курий „снизу"».[26] Насколько прочен и распространен был слой ветеранов, связанный с городом, можно увидеть на примере восстания Прокопия.[27]

В свете этого вряд ли можно согласиться с тем положением, что ветераны IV в. селились «главным образом вблизи своих воинских частей».[28] Более того, как считает Г. Е. Лебедева, государственные льготы настолько стимулировали интенсивное занятие земледелием, а следовательно, и определенные связи ветеранов с городом, что им было более выгодно его продолжать, чем нести службу в армии.[29] Правительственные привилегии позволяли ветеранам также заниматься торговлей, а их дети привлекались в курии.[30]

И все-таки происходил медленный, неуклонный упадок рядового провинциального позднеантичного полиса. Не последнюю роль в этом процессе, видимо, сыграли постоянно возраставшие налоги по линии военной анноны, постой войск, подчиненных отделенному от гражданского военному командованию. Дукам, ответственным только за оборону вверенной территории, законодательство запрещало вмешательство в гражданские дела и, вполне возможно, что на базе этого складывалось определенное, чисто потребительское, отношение к проблемам городской жизни. Это искусственное, в противовес античной традиции, разделение властей, может быть, и способствовало более действенной обороне областей, но оно же вызвало к жизни именно в IV в. внутри городов повышение роли органов самозащиты.

---

[24] Лебедева Г. Е. Ранневизантийское законодательство о ветеранах (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). — ВО. М., 1977, с. 150.

[25] Там же, с. 152.

[26] Там же, с. 153.

[27] Курбатов Г. Л. К вопросу о территориальном распространении восстания Прокопия. — ВО. М., 1961.

[28] Колосовская Ю. К. Паинония... с. 127.

[29] Лебедева Г. Е. Раиневизантийское законодательство... с. 155.

[30] Там же.

В городе IV в. имелись различные категории населения, которые под своего рода военным командованием «составляли официальный контингент государственных сил, мобилизуемых по государственной надобности».[31] По-видимому, эта система является яркой иллюстрацией нехватки армейских сил из разряда pseudocomitatenses и большой неопределенности их статуса. Кроме того, вряд ли стоит доказывать, что эта самая оборона не дешево обходилась городской организации. Эта тенденция к укреплению обороноспособности городов своими силами, видимо, усиливается после адианопольской катастрофы, особенно в V в. Ей способствовало оформление партий, превращение верхушки димотов в своеобразную городскую милицию.[32]

Все сказанное характеризует проблему, с одной стороны, как связанную разлагающуюся античную форму собственности, а с другой стороны, мы видели, что самый ход интересующих нас процессов еще в значительной мере ею обусловливается.

В литературе отмечается также роль крупной земельной собственности в развитии города IV в. и считается, что она способствовала подъему более крупных центров, провинциальных столиц, по целому ряду причин, но уже не столько экономического, сколько социально-политического характера.[33]

Перестройка социальной системы принципата создала сложный административный аппарат с характерной двойной централизацией общегосударственного и внутриобластного порядка.[34] В качестве опорных пунктов на местах этот аппарат имел провинциальные столицы, которые, в свою очередь, утверждали свое господство над окружающими мелкими позднеантичными полисами, ускоряя тем самым их исчезновение.

В этих центрах региональной обороны концентрировалась военная администрация и гарнизоны. Размещение гарнизонов в городах стимулировало развитие ремесла и торговли,[35] и, таким образом, армия поддерживала городскую экономику и рынок. Задержки жалования солдатам и неуклонный процесс упадка наемной армии отрицательно сказывались на состоянии городского хозяйства. Этому же способствовало и государство, взяв на себя заботу снабжения и обеспечения армии, имевшее множество своих мастерских, видимо не связанных с городским рынком. Во всем этом видна именно поздиеантичная специфика

---

[31] Курбатов Г. Л. К проблеме типологии городских движений в Византии. — В кн.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового города, вып. 1. Л., 1974, с. 48.

[32] Дьяконов А. П. Византийские димы и факции (τα μέρη) в V—VII вв. Византийский сборник. М.; Л., 1945, с. 155—163.

[33] Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1972, с. 82.

[34] Там же, с. 116, прим. 9.

[35] Там же, с. 83.

провинциального города, ибо в эпоху принципата не могло быть и речи о квартировании войск в городах. Гарнизоны городов становились почти независимыми от муниципальной организации, т. е. происходит внутренняя подготовка перехода от города к крепости. Эта тенденция к возрастанию военно-оборонной функции крупного провинциального города прослеживается более отчетливо в V—VII вв. Однако социально-экономические процессы этого периода внесли заметные изменения в саму структуру организации обороны города. В литературе отмечается, что V—VI вв. — время роста крупных укрепленных деревень и поместий, возрастание роли обнесенных стенами монастырей, что связывается с прогрессирующим упадком мелких полисов,[36] которые все больше напоминают собой крепости.

Таким образом, для периода V—VI вв. сама структура обороны представляла собой, вероятно, следующую картину: на определенной территории крупный по позднеантичным масштабам, разумеется, город окружен рядом крепостей-спутников (кастеллов, фрурий). На Балканах, по-видимому, множество подобных кастеллов выросло из канаб.[37] В этом безусловно сказывается особенность балканской системы обороны, ибо канабе с большей прослойкой военных при постоянном контакте с варварским миром требовалось меньше времени на трансформацию в крепость. На Балканах эта система, видимо, сложилась уже в первой половине V в. Правительство до конца V в. не могло развернуть здесь широкого оборонного строительства из-за почти непрерывных варварских вторжений.

Несколько иная картина, вероятно, была на Востоке в V в. где наряду с эволюцией мелких полисов в сторону их трансформации в крепости правительство возводило оборонительные сооружения. Во всяком случае, в VI в. крупные города востока были окружены фруриями еще до восстановительной деятельности Юстиниана.[38]

Кроме того, указанная система обороны на Балканах уже к концу V в., видимо, не давала ощутимого результата.[39] На основании всего этого можно сказать, что к концу V в. для балканских провинций и, вероятно, несколько позже для восточных сама проблема «город — армия» для мелких полисов уже не существует.

Мы указываем для Балкан конец V в. потому, что временная реанимация указанной системы при Юстиниане носила, быть может, сугубо военный характер, не имевший даже остатков тех отношений солдат с городом, которые еще, вероятно,

---

[36] Там же, с. 41.

[37] Колосовская Ю. К. Commemoratorium Евгиппия как истории позднеантичного города. — ВДИ, 1977, № 1, с. 149.

[38] Пигулевская Н. В. Оборона городов Месопотамии в VI—VIII вв. — Вестн. Ленингр. ун-та, сер. ист. наук, вып. XII. Л., 1941.

[39] Колосовская Ю. К. Commemoratorium... с. 152—155.

геплились на протяжении V в. Об этом, например, свидетельствует резкое сокращение законов о ветеранах в VI в.[40] Напротив, с VI в. крепость отделяется от города даже в центрах концентрации военной администрации, воины имеют земли, никоим образом не связанные с городами.[41] По-видимому, эти процессы затухания городской жизни и падения роли гражданской администрации вели к повышению удельного веса военных властей, что в дальнейшем сказалось в образовании экзархатов. Этому же способствовало отмирание ополчения димотов, которое, как считает Г. Л. Курбатов, с другой стороны, ускоряло складывание фемной организации.[42]

Подводя итог обзору взаимоотношений позднеантичной городской и военной организации, можно сказать, что каждому из этапов разрыва связей между ними соответствовал определенный уровень разложения армии, возникновения более или менее устойчивых войсковых форм и институтов. Прежде всего это относится к системе набора, которая эволюционировала на ее низшем уровне в сторону почти абсолютной варваризации, для чего достаточно сравнить, например, состав экспедиционных корпусов Велизария в Северной Африке и Нарсеса в Италии. Меняется сама структура армии: Юстиниан уничтожил limitanei как лишнюю обузу для государства в новых социально-экономических условиях; роль пехоты свелась к гарнизонной службе. Рост крупных укрепленных поместий вызвал к жизни институт букелляриев, который отразил в своем характере ту же позднеантичную специфику, что и административный аппарат империи. Сопоставление византийских букеллариев, например, с вестготскими только оттеняет эту особенность. Варварские дружины и доставшиеся в наследство от западной империи вестготским королям букелларии уже в VI в. оседают на землях, причем это испомещение предписывается законодательством.[43] Византийские же букелларии и солдаты сходного с ним статуса, как известно, потянулись к земле под предводительством доруфора Стотзы и в значительной мере под влиянием порядков, существовавших в разгромленном ими королевстве Гелимера. Известно также и то, что им пришлось с оружием в руках отстаивать новый принцип организации армии. Однако подобное войско, не связанное с государством ни социально, ни экономически, не могло долго существовать. История поражений византийской армии во второй половине VI в. была следствием такого состояния военной организации.

Сходные процессы, связанные с упадком городов, их трансформацией в крепости, с возрастанием роли военной админи-

---

[40] Лебедева Г. Е. Указ. соч., с. 156—157

[41] Курбатов Г. Л. Основные проблемы... с. 71—72.

[42] Курбатов Г. Л. К проблеме типологии городских движений... с. 60.

[43] Корсунский А. Р. Готская Испания. М., 1969, с. 188.

страции, — процессы, которые составляли сущность и определяли лицо позднеантичной эпохи в ранней Византии, происходили примерно в то же время на территории бывшей западной империи, в средиземноморских варварских королевствах. Оценка этих политических образований как раннефеодальных, данная в советской исторической литературе, не противоречит мнению о том, что они сформировались в условиях романо-германского синтеза. В работах советских ученых механизм этого синтеза был показан в той или иной мере на материалах истории западных позднеантичных городов V—VII вв. Существует тенденция к новому подходу в изучении эволюции позднеантичного города на Западе, авторы которой справедливо призывают различать позднеантичный и феодальный город как явления качественно разнородные даже при наличии преемственности в их развитии.[44] Авторы этой концепции утверждают, что «если города раннего средневековья не обладали всеми основными признаками феодального города, то это не значит, что все они являлись лишь деревнями, обнесенными стенами, военно-административными центрами».[45]

Однако возникает вопрос, нужно ли рассматривать западный город в свете нашей постановки проблемы «город — армия», ведь с падением западноримской государственности не существует и западная римская армия. Место одной военной организации заняла другая, которая вступила в определенные отношения с городом. Несмотря на различие характеров византийской и варварской армий в V—VII вв., их взаимоотношения с позднеантичным городом развивались в одном направлении, в чем убеждают результаты работ советских историков. На примерах готской Испании и Италии, вандальской Северной Африки показано, что западный позднеантичный город уцелел в ряде своих черт. Варвары нуждались в городе как в звене фискальной системы, они «доросли» до понимания его значения как центра ремесла и торговли; они создали свои государственные системы, опираясь в значительной мере на римские городские общины.[46] Одновременно усиливаются тенденции, ведущие к замиранию городской жизни, и ярким показателем этого и является широкое распространение и укрепление бургов — замков. Возникают новые города без курий, сходные с бургами римского типа.[47] В таких бургах и кастеллах, расположенных, как правило, в провинциях, растет удельный вес военной администрации. Особенно ярко это показано Э. В. Удальцовой на примере

---

[44] Корсунский А. Р. Города Испании в период становления феодальных отношений (V—VII вв.). — В кн.: Социально-экономические проблемы истории Испании. М., 1965, с. 10.

[45] Там же.

[46] Там же, с. 12—13; Удальцова Э. В. Италия и Византия в VI в. М., 1959, с. 130.

[47] Корсунский А. Р. Города Испании... с. 27.

остготской Италии, где автор отмечает нарастание оппозиции правительству, пытавшемуся проводить политику своеобразной реставрации,[48] в среде военной знати. Незавершенность этих процессов в Северной Африке и Италии вследствие византийского военного вмешательства заставляет обратить внимание на Испанию, где их развитие получило более полное завершение. В VII в., резюмирует А. Р Корсунский, окончательно исчезает городская автономия, курия теряет самую важную свою функцию — сбор анноны и трибута с округи, которая переходит к готской администрации: продолжается распространение новых городов с военными целями, не связанных с римской муниципальной системой.[49]

[48] Удальцова Э. В. Италия и Византия, 27, 155—159.
[49] Корсунский А. Р. Указ. соч., с. 59—60.

С. М. Стам

К ПРОБЛЕМЕ ГОРОДА И ГОСУДАРСТВА В РАННЕКЛАССОВОМ И ФЕОДАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Известно, что город сыграл очень большую роль в развитии государства, в частности на ранних этапах становления последнего. Но какова здесь историческая последовательность, причинно-следственная зависимость, каков механизм взаимосвязи этих двух явлений? То, что называлось городом, всегда было следствием отделения от сельского хозяйства каких-то иных общественных функций: сакральных, оборонительных, административных. Не подлежит сомнению: это уже были элементы общественного разделения труда, но элементы, очень ограниченные по масштабам отрываемой от земледелия доли населения, зачастую непостоянные и неустойчивые. Лишь много позднее начиналось отделение от земледелия промышленности — в форме ремесла. Это было уже действительно качественно новое разделение общественного труда в самой сфере общественного производства, захватывавшее значительную и все более возраставшую долю населения. Недаром именно отделение ремесла от земледелия Маркс и Энгельс называли первым крупным общественным разделением труда.[1] Именно тогда город получает прочную основу своего обособленного существования, становится городом в полном смысле этого слова. Только с этого времени начинается его экономическая противоположность деревенскому окружению.

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 20; т. 4, с. 148; т. 20, с. 301, 303; т. 23, с. 365.

Однако отсюда не следует, что город как центр промышленного труда и обмена возник в результате дальнейшего развития культовых, оборонительных или административных очагов. Не всегда здесь имела место преемственность, а тем более прямая. Зачастую торгово-ремесленные поселения возникали в новых местах. Но даже в тех случаях, когда они действительно складывались вокруг или около старых культовых, военных или административных центров, то и тогда причины были иными: развитие производительных сил земледелия, усложнение социальных противоречий в деревне, дифференциация в среде земледельцев. Старые «города»-крепости и храмовые «города» могли только в известной степени способствовать кристаллизации торгово-ремесленных центров. Непосредственная эволюция здесь только кажущаяся. Эта иллюзия возникает еще и потому, что старые культовые, оборонительные и административные центры сами, как правило, возникали вблизи водных источников, в местах, защищенных от внешней опасности, на наиболее посещаемых дорогах. Новый торгово-ремесленный центр воспользуется этими удобствами. Но до тех пор это еще не города, а догородские очаги. Город как средоточие ремесла и торговли возникал чаще всего не из них, не из того или иного предшествующего поселения. Вопреки этимологии город — не огороженное место, хотя слова urbs, burg, dunum, town происходят, как известно, от слов: укрепление; место, защищенное валом; частокол, тын.[2] Действительные города, как правило, не знали никаких стен, и значительное число их возникало именно как неогороженные, незащищенные поселки и слободы.

Не следует смешивать различные явления только потому, что они одинаково назывались. Известно, что Допш пытался представить племенные укрепления древних германцев как ранние города. Но примечательно, что уже Тацит не допускал такого смешения: констатируя существование у германцев укрепленных пунктов (oppida), он вместе с тем отметил, что городской жизни германцы не знают.

Что касается государства, то это — важнейшее орудие политической власти класса, господствующего в данной системе производственных отношений; оно порождалось расколом общества на противостоящие классы.[3] Вся история человеческого обще-

---

[2] Позволим себе напомнить, что даже слово огород, при всей очевидности его этимологии, означает (и уже с весьма давних времен) не огороженное место, а место, где выращивают овощи; места же эти очень часто вовсе не огораживались.

[3] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 170—173, 310—312. — Отмечая относительную самостоятельность государства, Ф. Энгельс раскрыл идеологические истоки иллюзии его надклассовости. Действительно, оказавшись перед реальностью внутреннего расщепления на классы с противоположными экономическими интересами, общество нуждалось в органе, который не допускал бы, чтобы «эти противоположности.. пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе». Но этот стоящий над обществом орган

ства подтверждает справедливость этих социологических обобщений марксизма. При этом марксизму совершенно чуждо представлять этот раскол как некое одноактное событие. История свидетельствует, что процесс классообразования был необычайно сложным и долгим.

Прежде. чем общество раскололось на противоположные классы, на протяжении многих столетий зарождались, снова «растворялись» в стихии доклассового общества, затем с новой силой возникали и долго накапливались зачатки классового деления. Потребовался длительный период, чтобы эти зачатки закрепились, обрели более или менее четкие формы, упрочились настолько, чтобы возникли классы как большие и устойчивые группы людей, более или менее прочно занимающих определенное положение в данной системе общественного производства. Когда же социальные различия выросли, наконец, до степени устойчивых антагонизмов, только тогда смог свершиться огромный исторический скачок — раскол общества на противоборствующие классы.

Очевидно, и вопрос об историческом взаимоотношении города и государства может быть правильно решен только в том случае, если будет полностью учтен длительный процесс становления как того, так и другого. Позволим себе в этой связи коснуться некоторых вопросов истории древнего общества. То, что античное государство на ранних стадиях имело полисный характер, общеизвестно. Но какой это был полис? Несомненно, в классической Греции и даже в преддверии классического периода это был уже весьма развитой город — город в собственном смысле этого слова. Видимо, он начал становиться таковым уже к концу древнейшего периода. А период этот был очень длительным, и для него в целом характерен полис не как город, а как крепость, дворец-цитадель; этим же формам предшествовали уходившие в глубь столетий племенные укрепления и священные места, культовые центры. В целом центры, еще свободные от сколько-нибудь выраженных качеств собственно города.

На эти глубоко догородские племенные укрепленные пункты (подлинные oppida) и опиралась рождавшаяся сила зачаточной государственной власти обособлявшейся родовой знати и органически связанных с еще доклассовым, родо-племенным строем

мог стать в условиях классового деления и действительно стал только концентрированным выражением «экономических потребностей класса, господствующего в производстве». И чем более государство было органом экономически командующего класса, тем более оно должно было стремиться представить себя надклассовой силой. На определенной стадии развития общества возникновение государства было исторической необходимостью. В известные моменты роль государства особенно возрастала, и его относительная прогрессивность становилась особенно очевидной. Но в эксплуататорском обществе государство никогда не представало быть орудием господства класса собственников средств производства.

базилевсов. Вероятно, подобным путем шло зарождение государственности в «городах» Древнего Востока. В историческую эпоху эти города представляют собой уже довольно развитые центры ремесла и торговли. Любопытно, что в «Книге премудрости Иисуса, сына Сирахова», прямо говорится, что без ремесленников не может существовать никакой город. Но ведь это уже эллинистическая эпоха. А в древнейшую пору и здесь археология обнаруживает на месте будущих городов, как правило, те же племенные или храмовые oppida. Правда, весьма рано около дворцов и крепостей появляются поселки ремесленников, а вещевой материал начинает изобиловать остатками искусного труда строителей, оружейников, ювелиров, гончаров, художников. Но, как свидетельствуют затем и ранние письменные памятники, это прежде всего и главным образом плоды труда ремесленников, собранных в царских мастерских и в мастерских знати. Иными словами, некоторая концентрация ремесла была здесь обусловлена не спонтанным процессом разделения общественного труда, а потребностью и властью племенной знати, которая здесь не только выделилась, но в какой-то степени уже опиралась на труд рабов и несомненно уже противопоставила себя массе соплеменников. Таким образом, эти начала социального расщепления общества были не следствием городского развития, напротив, они предшествовали ему.

Иными словами, рождение первых зачатков государственности и в древнем мире следует связывать не с городами, а с рождением социального неравенства, перерастающего в классовые противоречия, с зарождением в родо-племенном обществе социально-командующих элементов, выраставших главным образом из родовой знати и опиравшихся на племенные oppida, которые волею этих элементов постепенно (и очень длительно) превращались в дворцы-цитадели базилевсов и формирующейся аристократии — «города»-крепости, предназначенные защищать племя и господствовать над ним. В города в собственном, научном, т. е. экономически обоснованном, смысле, они превратятся много позже, да и, собственно говоря, не сами превратятся: в результате сложного развития раннеклассового общества от земледелия начнут отрываться крупицы ремесленного труда, а значит и обмена, и около, под стенами этих укреплений, начнут возникать торгово-ремесленные очаги.

Вот почему еще бытующие представления о синхронности процессов рождения государства и города или о городе как опоре и источнике становления государственности (даже если они ограничиваются только древним миром) необоснованы.

Древневосточные доклассовые общества были земледельческими и скотоводческими, земледельческими по преимуществу были и древнейшие родо-племенные общества античности. Закономерным развитием производительных сил их земледелия и скотоводства обусловливалось начало процесса классообразо-

вания в этих обществах, а на этой почве взрастали первые, элементарные формы политической организации и классового господства. Начавшиеся впоследствии отделение от земледелия ремесленного труда и его концентрация вокруг крепостей и дворцов царей и знати, естественно, были использованы этими новыми политическими силами для обогащения и усиления своей власти над рядовыми соплеменниками, для упрочения становившегося на ноги их раннеклассового, преимущественно рабовладельческого, государства. Но прямой, генетической связи здесь не было, да и не могло быть: государство было старше города.

Превращение старого племенного укрепления в город — торгово-ремесленный центр, конечно же, знаменовало качественный скачок. Но далеко не всегда он означал полный разрыв с прошлым. Даже сделавшись городами в собственном смысле слова (насколько это было возможно в условиях рабовладельческого общества), они остались прежде всего средоточиями землевладельческого населения, которое зачастую умело сохранить в них свое господствующее положение. Древнеримские муниципии, с их куриями и правящим слоем землевладельцев-куриалов, может быть, особенно показательны в этом отношении. В поздней Римской империи упадок ремесла и торговли, вызванный общим кризисом рабовладельческой системы, еще ярче обозначил эту глубокую землевладельческую подоснову античного полиса.

История становления феодального общества и государства во многом отличается от тех же процессов рабовладельческой эпохи, но в интересующем нас вопросе внимательное рассмотрение, как нам кажется, обнаруживает не только различия, но и некоторые существенные черты сходства. Различия бросаются в глаза: раннее средневековье носит резко выраженный деревенский характер; хотя в племенных oppida и здесь не было недостатка, они не знали и подобия того блестящего развития, каким очаровывает древность, они не играли ведущей роли ни в становлении государственности, ни даже в последующем городском развитии. Почему? Во-первых, рождавшееся на заре средневековья общество не было рабовладельческим и, во-вторых, складывалось оно не в отдельных уголках Средиземноморья, а на просторах Европейского континента. Рабство к этому времени изжило себя и не могло стать опорой экономического могущества зарождавшегося господствующего класса; влить в него новые силы путем широких завоеваний и захвата рабов было невозможно: кругом была не прежняя примитивная периферия, а масса племен, стоявших на приблизительно сходных ступенях перехода к классовому обществу и раннефеодальному государству.

Земледелие массы соплеменников, рядовых общинников, потом мелких аллодистов (они же и воины) было единственной

экономической основой жизни варварского общества. Только опираясь на него, только целиком ориентируясь на деревню, на тот прибавочный продукт, который (отнюдь не изобильно) создавался в хозяйствах земледельцев-соплеменников, мог рассчитывать упрочить свои позиции зарождавшийся господствующий класс раннефеодального общества. Не удивительно, что в раннефеодальном государстве так рельефно проступает его аграрная основа и все оно, так сказать, дышит деревней. Именно поэтому очевидно, что оно предшествует городскому развитию.

В нашей медиевистике сделано немало для изучения процесса становления государства в раннесредневековой Европе.[4] Убедительно показана *феодальная* направленность этого процесса, довольно четко выявлено своеобразие его раннефеодальной стадии. Широко прослежено взаимодействие варварских и римских компонентов в этом процессе. Но ведь взаимодействие это не было ни плавным, ни мирным: достаточно вспомнить историю Остготского королевства в Италии. Противоречивость, конфликтность этого взаимодействия, как и всего процесса романо-германского синтеза, пока, к сожалению, остается гораздо менее освещенной. Речь идет не только о внешнем конфликте исторически сближавшихся, но вместе с тем глубоко противоположных миров — римского и варварского. Именно в этой внутренней конфликтности позднерабовладельческого и поздневарварского обществ, в глубокой противоречивости следует, как нам кажется, искать объяснение той неровности, импульсивности, того «волнообразного» характера, которым отличается процесс становления раннефеодального государства.

Власть Хлодвига — это еще по преимуществу власть племенного вождя. В опоре на массу свободных соплеменников-воинов — ее сила. Государственности в ней — только зачаток. И не удивительно: ведь черты будущего господствующего класса крупных землевладельцев только начинают прорисовываться в облике окружающей короля военно-служилой знати. Но и кодификация права, твердо вставшего на страже нарождавшейся частной собственности на землю, и покровительство богатой поместьями церкви, и раздача королем и его ближайшими преемниками земельных пожалований той же церкви, приближенным — все это свидетельствует о реальности и нарастании политического, государственного, все более классового характера этой власти. Концентрация силы племени, очевидно, выгодная всем свободным, должна была, видимо, и далее укреплять эту власть — и преемники Хлодвига расширяют, «округляют» его завоевания. Опора на возникающий слой крупных землевладельцев (а за ними, как известно, тогда было будущее), каза-

[4] Отметим наиболее значительное — богатое материалом и отличающееся тщательностью и глубиной анализа исследование А. Р. Корсунского «Образование раннефеодального государства в Западной Европе» (М., 1963).

лось бы, должна была действовать в том же направлении — подкрепить эту королевскую власть новыми, социально перспективными силами. На деле же после Хлодвига королевство начинает расползаться по всем швам. Наивно искать объяснения в «недальновидном» разделе отцом наследия между сыновьями: такого политика, как Хлодвиг, к этому могли *вынудить* только какие-то очень ощутимые силы. Да ведь, как известно, подобная «оплошность» случилась в средневековой истории отнюдь не только с ним.

Очевидно, ориентация на формирующийся класс крупных землевладельцев (а она была единственно реальной в то время), несомненно упрочивая королевскую власть, в то же время подтачивала ее. История последующих «ленивых» королей продемонстрировала это достаточно рельефно. Но ведь и яркое правление Дагоберта едва ли было случайностью. И все-таки это был лишь короткий подъем прежней государственности. Какая тенденция была ведущей в эту пору, ясно показала плачевная история последних Меровингов. Парадоксально, но факт: чем больше варварское государство становилось государством крупных землевладельцев (чем только оно и могло стать исторически), тем более оно приходило в упадок.

Но в нем еще были живые силы, и этот упадок оно смогло преодолеть. С Карлом Мартеллом центростремительные силы, поднимаясь с самой низкой точки падения, снова начинают побеждать, и кривая раннефеодальной государственности у франков снова идет вверх. И как круто! — вплоть до вершины Западной Империи Карла Великого. Казалось бы, эта тенденция неодолима, но очень скоро прилив сменяется отливом, и она обрывается глубочайшим распадом — распадом, по сути дела, не на те или иные официальные политические подразделения, а на неисчислимое множество государств-поместий.

Конечно же, поразительная противоречивость, толчкообразность процесса складывания раннефеодального государства отражает, с одной стороны, сложность, неровность процесса становления феодальной вотчины и вызревания самого класса крупных землевладельцев, а с другой — живопись, реальность и активность тех доклассовых начал, которые были еще очень сильны и в самом обществе и в государстве. Противоборствующие тенденции, исходившие из обеих этих сфер, лежавших в подоснове всей тогдашней социальной действительности, сталкивались и переплетались в жизни становившегося на ноги раннефеодального государства.

Уяснение этой зависимости позволяет понять глубокую закономерность внешне парадоксального итога всего длительного и напряженного процесса становления и упрочения раннефеодального государства — торжества крайней политической раздробленности. Это государство взорвала изнутри феодальная вотчина, сложившаяся под его же покровом: сделавшись *феодала-*

ми, крупные землевладельцы нуждались в повседневном применении к их зависимым крестьянам внеэкономического принуждения и, естественно, присвоили себе всевозможные иммунитетные (судебные, фискальные, полицейские, военные, политические) средства принуждения, а потому не нуждались более в сколько-нибудь сильной центральной власти. Когда империя Карла рухнула, из-за ее развалин открылось море мелких, политически почти независимых феодальных вотчин. На первый взгляд это был катастрофический упадок государственности, в действительности же, как показала история, это было возникновение первой собственно феодальной формы государства. Именно эта форма полнее всего соответствовала уровню и потребностям достигнутого этапа развития. Именно она заложила наиболее прочные основы последующего интенсивного развития феодального общества и государства. Такова живая диалектика истории.

Но какую бы стадию процесса становления раннефеодального государства мы ни взяли, какую бы из противоборствующих тенденций, формировавших этот процесс, ни стали рассматривать, мы нигде не обнаружим сколько-нибудь заметной роли города. Дело не только в том, что варварское общество вообще еще не знало городов, а в римском они еще в IV в. пришли в глубокий упадок. И дело не в том, что в ходе варварских завоеваний некоторые города вообще были стерты с лица земли, а многие сожжены и разрушены. Завоевания не оборвали совсем нить античного городского развития. Источники и V и VI вв. дают основание утверждать, что и в Лангобардском, и в Вестготском, и во Франкском королевствах некоторые города, хотя и сильно захиревшие, еще сохраняли слабые очаги ремесла, колонии восточных купцов. В отдельных случаях подобные сведения доходят еще из VII столетия. Теперь убедительно доказано, что полное «умолкание» городов во Франкском королевстве, например, произошло *до* вторжений арабов и норманнов.[5] Примитивное земледелие, а с ним и натуральное хозяйство, не способные к производству товарного продукта, не могли обеспечить город элементарными питательными соками, и он должен был угаснуть как экономическое и общественное явление.

Но почему го́лоса города не слышно в процессе складывания раннефеодального государства в V—VI вв., когда отдельные очаги торгово-ремесленной деятельности еще теплились кое-где в городах? Очевидно, прежде всего потому, что это были только дотлевавшие реликты уже ушедшей в прошлое эпохи, не спо-

---

[5] См.: Vercauteren F. La vie urbaine entre Meuse et Loire du VI-e au IX-e siècle. Spoleto, 1959, p. 478, 484; Higounet Ch. Bordeaux pendant le haut Moyen Âge. Bordeax, 1963, p. 203—204, 225, 229—230, 233; Février P. A. Le développement urbain en Provence de l'époque romaine à la fin du XIV-e siècle. Paris, 1964, p. 212.

собные оказать сколько-нибудь заметного воздействия на ход общественного развития, оказавшиеся на его обочине. Главное русло этого развития шло мимо, вело не в город, а в деревню — к становлению феодализма, опиравшегося на земледелие. Его экономической ячейкой была натурально-хозяйственная вотчина, эксплуатировавшая труд зависимых крестьян и, как правило, располагавшая собственным зависимым ремеслом.

Если в старых (вернее, бывших) городах еще проживало какое-то число землевладельцев античного корня (главным образом мелких и средних), они тоже в известной мере соучаствовали в этом процессе, но не как горожане, а именно и только как землевладельцы, т. е. в меру ассимиляции города окружавшей его аграрной средой. Города могли стать резиденциями духовных или светских феодальных магнатов, но почти исключительно как крепости. Естественно, даже не очень многочисленный двор магната, а тем более гарнизон и кафедральный храм не могли вовсе обойтись без труда нескольких ремесленников, порою и без посредничества торговцев. Но на такой основе это могли быть лишь робкие зачатки ремесла (зачастую несвободного) и обмена — породить города они сами по себе не могли, не могли и обеспечить сколько-нибудь значительного и устойчивого населения в таком «городе». Когда, к примеру, в VII в. епископы покинули Карпентрас (Прованс) и перебрались в недальний Венаск, первый город запустел. Когда, в конце X в., опасаясь арабов, епископы вернулись в Карпентрас, запустел Венаск.[6]

Насколько даже самая развитая раннефеодальная государственность была проникнута деревенским духом, свидетельствует история правления Каролингов. Как известно, даже двор Карла Великого не имел постоянной резиденции. Как он передвигался от одной государевой вотчины к другой, по мере исчерпания собранных там запасов, достаточно ясно видно из Капитулярия о поместьях. Может быть, еще рельефнее органическая чуждость раннефеодальной государственности городу выступает из законодательной деятельности Каролингских монархов. Своими капитуляриями они, как правило, увековечили имена ничтожных местечек и деревенских вотчин, но отнюдь не городов. Правда, Карл Великий мечтал превратить полюбившийся ему Ахен в величественную столицу — Новый Рим, но дальше постройки нескольких зданий и капеллы дело не пошло. Еще меньше через полстолетия преуспел Карл Лысый, вознамерившийся превратить Компьен в великий Карлополис.[7] В реальной жизни еще не было места для городского развития. Как

---

[6] См.: Février P. A. Op. cit., p. 84—85, 93; Duby G. Les villes du Sud-Quest de la Gaule du VIII-e au IX-e siècle. Spoleto, 1959, p. 242.

[7] См.: Lot F. L'histoire urbaine du Nord de la France. — Journal des savants, 1935, p. 67.

показывают факты, тогдашняя деревня еще не была в состоянии прокормить сколько-нибудь значительное и устойчивое городское население.[8] Но удивительно, что в складывании феодальной государственности город, как самостоятельная общественная сила, никакой роли не играл.[9]

Город реально появляется только тогда, когда в условиях утвердившегося феодализма был достигнут значительный прогресс в развитии производительных сил, что обусловило и демографический подъем, и первое резкое обострение внутренних противоречий в сложившейся феодальной вотчине, по сути дела — первый ее глубокий внутренний кризис. Кризис этот излился и массовым участием крестьянской бедноты в крестовых походах, и широкой внутренней колонизацией, и бегством крестьян (особенно сервов) из поместий, в результате которого и возникали торгово-ремесленные поселки, слободы, города, т. е. началось действительное отделение промышленного труда от земледельческого, города от деревни.

Возникнув как качественно новое экономическое явление, город быстро сделался активнейшим фактором всего дальнейшего развития феодального общества: экономического, социального, политического, идейного, культурного. Городское ремесло рождалось как мелкое производство, с самого начала отличное от хозяйства феодально зависимого крестьянина: оно было промышленным и потому непременно товарным; оно было самостоятельным, поскольку в процессе производства не зависело от крупного землевладения, было свободно от феодального наделения и основывалось на собственности самого работника на средства производства. Новый, в сущности нефеодальный экономический уклад порождал и новые политические тенденции. Режим сеньориального обирательства сковывал свободу развития самостоятельного мелкотоварного ремесла и купеческого капитала, опиравшегося также на независимое от землевладения товарное и денежное богатство. Естественно, что горожане стремились к свободе от режима сеньориальной эксплуатации торгово-ремесленного накопления, к политической независимости или, по крайней мере, к автономии в составе феодального государства. Социально-экономическая структура средневекового города не отрицала всей феодальной системы, но она стоя-

---

[8] Подробнее по этим вопросам см.: Стам С. М. Экономическое и социальное развитие раннего города. Саратов, 1969, с. 46—47, 36—51.

[9] Нужно ли подробнее доказывать, что с наступлением феодальной раздробленности в море примитивных, замкнутых государств-поместий для города не было места. Когда, приблизительно через два столетия, города начали возникать, они оказывались сами на территории этих вотчин, под властью их мелких государей. Другое дело, что обстановка раздробленности феодальной политической власти облегчила городам возможность подняться против гнета их локальных владык и во многих случаях более или менее полно сбросить этот гнет.

яла в противоречии, в решительной оппозиции к ней.[10] Вот почему средневековый город стал рассадником мятежных ересей и очагом оппозиционной феодализму городской культуры. Но прежде всего здесь скрывалась пружина, вызвавшая могучее коммунальное движение.

В этой вековой освободительной борьбе городов не всем им удалось добиться равных успехов. Только самые развитые в тогдашней Европе — северо-итальянские города смогли отвоевать себе полную независимость, конституироваться как самостоятельные государства. По другую сторону Альп лишь отдельным городам удалось отдаленно приблизиться к итальянскому типу: так, тулузская коммуна в самом начале XIII в. с помощью серии вооруженных экспедиций и осад замков вынудила феодалов обширной округи капитулировать и принять политические требования города. Большинство экономически сильных городов сумело отвоевать только более или менее широкий круг вольностей в общих рамках феодальной государственности.

Не следует ли из всего этого, что средневековый город порождал те же тенденции политической независимости, государственной самостоятельности или автономии, что и античный полис — civitas? Тем более, что и здесь налицо стремление к подчинению округи — контадо. В действительности — сходство внешнее, а не сущностное. В античности (до возникновения рабовладельческих империй) полис был средоточием основных сил господствующего класса; из него, так сказать, проистекала могучая радиация политического господства класса рабо- и землевладельцев. Напротив, средневековый город с самого начала возникал как принципиально новое явление в мире феодального господства и как объект угнетения со стороны правящего класса. Какой бы степени свободы, даже политической независимости, он ни добился, он мог подчинить себе отвоеванную у феодалов ближайшую округу, но в отношении всего феодально-поместного окружения и феодально-политического господства он оставался чуждой и оппозиционной силой.

При этом наряду со стремлением к юридическому и даже политическому обособлению в условиях феодального произвола та же самая забота о защите товарного производства и обращения порождала в средневековом городе и противоположную

---

[10] Если игнорировать это противоречие, то можно утверждать, что и феодальная церковь была органически необходимым компонентом средневекового городского развития. В действительности церковные сеньоры городов, как и светские, были органическими компонентами той феодальной среды, в недрах которой город рождался и с подавляющим гнетом которой он не мог не вести борьбы. История многочисленных изгнаний сеньоров-епископов и архиепископов горожанами, история ограничения, а нередко и отмены их сеньориальных доходов и прерогатив в городе, история расползания, перехода в руки горожан большей части городских земель епископов, церквей, городских монастырей — свидетельствует об этом достаточно красноречиво.

тенденцию: обеспечить безопасность торговых путей в целом регионе, а затем и в стране, заставить правящий феодальный класс считаться с жизненными потребностями городского развития.

Хотя коммунальное движение протекало под лозунгами городской независимости, отвоевания особых привилегий для каждого данного города, уже самой своей борьбой против могущественных городских сеньоров города оказали могучее воздействие на развитие феодального государства, облегчив королям борьбу с сепаратизмом магнатов и стимулируя первые шаги к политической централизации. При этом решающее значение имела сама хозяйственная роль городов: широкое развитие товарных связей, исходивших из них, постепенно создавало то поле экономического тяготения, на основе которого складывался национальный рынок — единственная реальная основа для преодоления раздробленности и обеспечения политической централизации в условиях феодализма.

Когда горожане прочно стали на ноги как достаточно многочисленный и экономически сильный социальный слой, они так или иначе конституировались в рамках феодальной государственности как особое сословие и немало повлияли на все дальнейшее развитие феодального государства. Экономический вес города стал настолько велик, что феодалы уже не могли обойтись без городов и горожан, без сосредоточенного в их руках товарного и денежного богатства. Феодальное государство было вынуждено приспосабливаться и перестраиваться, все больше считаться с потребностями товарного производства и обращения и даже предоставить горожанам известное место в политической системе страны. Так, возникает сословная монархия как новая форма феодального государства, с некотрым участием горожан и с очень нужной теперь горожанам централизацией, которая подготавливает становление последующих национальных государств.

И. В. Дубов

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

Проблема возникновения и развития древнерусских городов занимает важное место в советской археологической литературе. Пути и формы становления древнерусских городских центров сложны и многообразны. В последние десятилетия археология значительно продвинулась в изучении культурных слоев таких городов, как Новгород, Старая Русса, Киев, Псков, Смоленск, Полоцк, Ладога и др. Открытия и находки советских археоло-

гов прояснили многие неизвестные и темные страницы истории города на Руси, позволили перейти к комплексному анализу памятников и историческому осмыслению полученных данных.

Многообразие развития русских городов можно проследить на примере Волго-Окского междуречья, где представлены основные типы предгородских и раннегородских образований. В настоящее время накоплен определенный материал по ранней истории городов северо-востока, что позволяет реконструировать явление в целом, останавливаясь на ключевых проблемах и нерешенных вопросах. Однако сразу следует заметить, что масштабы археологического изучения рассматриваемых городов значительно уступают работам, проводимым, например, в Новгороде или Пскове. Н. Н. Воронин, крупнейший исследователь Северо-Восточной Руси, тридцать лет назад указывал, что уровень археологического изучения городов этого района явно недостаточен и отмечал острую необходимость расширения масштабов и наращивания темпов в проведении таких работ.[1] За прошедшие годы сделаны определенные шаги в этом направлении, однако мы вынуждены констатировать, что до полного решения задачи, сформулированной Н. Н. Ворониным, еще очень далеко.

Городские центры Северо-Восточной Руси нельзя исследовать в отрыве от общерусских проблем формирования городов; они развивались по общим закономерностям, одними путями и особенно близки по своей хронологии, типологии, облику и характеру городским центрам Новгородской земли. Это обусловлено прежде всего тем, что на первом этапе в IX—XI столетиях Залесская земля заселялась со стороны северо-запада и выходцы из Новгородчины были здесь первыми русскими поселенцами. Безусловно, в развитии городов северо-востока наряду с общими чертами имели место и свои неповторимые особенности.

Несмотря на многообразие форм ранних древнерусских городов, в современной исторической науке выделены магистральные пути их развития и основные формы. В литературе появились такие термины, как «племенные города», «протогородские центры», «города-крепости» и ряд других.[2] Однако конкретное историческое содержание этих терминов окончательно не определено. Надо полагать, что дальнейшие исследования помогут нам разрешить все эти проблемы и для отдельных районов и в общерусском масштабе.

Археологическое изучение раннегородских центров Северо-Восточной Руси началось еще в середине XIX в. когда здесь ра-

---

[1] Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. — КСИИМК, 1951, вып. XLI, с. 22.

[2] Фроянов И. Я., Дубов И. В. Основные этапы социального развития древнерусского города (IX—XII вв.). — В кн.: Древние города. Материалы к Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья». Л., 1977, с. 69—71.

ботала экспедиция под руководством А. С. Уварова и П. С. Савельева.[3] Однако общее представление о предыстории и первых веках развития таких древнерусских городов, как Ростов Великий, Ярославль, Переяславль-Залесский, мы получили лишь в результате раскопок 40—50-х годов нашего столетия. Каждый из названных городов прошел свой путь развития, причины их возникновения различны, неодинаково складывались первые столетия их истории. В целом судьбы этих городов отразили исторические процессы, характерные не только для Залесской земли, но и для всей Древней Руси.

Итогам и задачам археологического изучения древнерусских городов были посвящены специальные пленумы Института истории материальной культуры АН СССР, состоявшиеся в 1941 и в 1950 гг.[4] С тех пор эти проблемы регулярно обсуждаются на симпозиумах и конференциях, проводимых как Академией наук СССР, так и другими историко-археологическими центрами. Существенным вкладом в изучение древнерусских городов стала цитируемая выше статья Н. Н. Воронина.[5] В ней автор обобщил накопленные к тому времени материалы и сформулировал ближайшие задачи, многие из которых актуальны и сейчас. Примечательно, что Н. Н. Воронин не только изучил новые находки, но и практически впервые в отечественной историографии, опираясь на богатейший археологический материал, попытался дать типологический анализ древнерусских раннегородских центров. В те же годы Е. И. Горюнова справедливо отмечала, что к этой теме советские археологи только подходят.[6] Рассмотрев проблемы возникновения Мурома, Ростова Великого, Ярославля, Суздаля, она составила первую сводку памятников, изучила их и подвела итоги исследованию городов Северо-Восточной Руси. Следующее обобщение материалов по истории древнерусского города, в том числе и северо-востока, было проведено в совместной работе Н. Н. Воронина и П. А. Раппопорта.[7] Авторами сделаны некоторые заключения общего порядка, касающиеся хронологии и происхождения таких городов Залесской земли, как Ростов, Суздаль, Владимир, Белоозеро.

Проблемы исторического развития основных центров Волго-Окского междуречья в той или иной степени затрагиваются и

---

[3] Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. — Труды I Археологического съезда, 1872.

[4] Материалы этих пленумов опубликованы в Кратких сообщениях Института истории материальной культуры АН СССР (КСИИМК, 1945, вып. XI; вып. XLI, 1951).

[5] Воронин Н. Н. Указ. соч., с. 5—29.

[6] Горюнова Е. И. К истории городов Северо-Восточной Руси. — КСИИМК, 1955, вып. 59, с. 11.

[7] Воронин Н. Н. Раппопорт П. А. Археологическое изучение древнерусского города. — КСИА АН СССР, 1963, вып. 96, с. 3—17.

в некоторых работах, увидевших свет в последние годы.[8] Нет необходимости перечислять и анализировать множество археологических работ, в которых авторы касаются проблем становления городов в Северо-Восточной Руси. Однако основные, кроме указанных выше, следует назвать — это исследования Н. Н. Воронина, Е. И. Горюновой, П. Н. Третьякова, Л. А. Голубевой.[9]

В данной статье мы ограничиваемся рассмотрением основных проблем истории изучения, возникновения и развития трех древнерусских центров — Ростова Великого, Ярославля и Переяславля-Залесского, которые, несмотря на общую историческую судьбу, на ранних этапах существенно отличались друг от друга. Другие крупные города Залесья — Белоозеро, Суздаль, Владимир, Муром и пр. — получили достаточное на данном этапе освещение в трудах Е. И. Горюновой, В. В. Седова, М. В. Седовой, Л. А. Голубевой. Особо следует выделить монографическое исследование М. В. Седовой, посвященное небольшому городу Северо-Восточной Руси — Ярополчу Залесскому.[10] Эта работа — первая для данного региона, и надо надеяться, что и другие городские центры Залесской земли будут так же хорошо изучены и опубликованы.

Одним из древнейших раннегородских центров северо-востока является Ярославль, возникший в начале XI в. на основе более раннего поселения. Город создается в период активного государственного освоения и строительства в Залесской земле. В этом его специфика и отличие, например, от Ростова Великого.

«В области же сей, не на мнозе пути от града Ростова, яко на 60 поприщ, при брезе рек Волги и Которосли лежаше некое место, на нем же последи создался славный град Ярославль». Это древнейшее из дошедших до нас топографических описаний города в «Сказании о построении града Ярославля», относя-

---

[8] Куза А. В. Русские раннесредневековые города. Тезисы докладов советской делегации на III Международном конгрессе славянской археологии. М., 1975, с. 62—65; Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (к постановке вопроса).—В кн.: Русский город. Историко-методологический сборник. М., 1976, с. 32—69; Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории древнерусского города. — История СССР, 1979, № 4, с. 100—112.

[9] Воронин Н. Н. Раскопки в Ярославле. — В кн.: Древнерусские города. МИА, 1949, № 11, с. 177—192; Раскопки в Переяславле-Залесском. — Там же, с. 193—202; Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья.—МИА, 1961, № 94, с. 183—205; Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. — МИА, 1970, № 179, с. 122—142; Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973, с. 57—198.

[10] Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978. — Во введении автор уделяет внимание истории изучения городов Северо-Восточной Руси и справедливо замечает, что за исключением Белоозера нет монографических исследований, посвященных отдельным центрам (см. с. 6).

щемся к XVIII в.[11] Более ранние письменные источники, касающиеся возникновения Ярославля,[12] чрезвычайно скудны и не могут дать более или менее удовлетворительной информации по первоначальной истории города. Единственной базой для исследований являются данные, полученные в результате археологических раскопок

Вопрос о времени возникновения Ярославля, торгово-ремесленного, культурного и политического центра Северо-Восточной Руси, издавна привлекал внимание историков, археологов и краеведов-любителей.

Достаточно полно и детально этот вопрос обсуждается в статье ярославского историка М. Г Мейеровича, где приведена большая библиография.[13] Большинство исследователей исходит из положения, что Ярославль связан с именем князя Ярослава Владимировича, который и основал город. Поэтому абсолютное большинство авторов считает, что он мог сделать это только тогда, когда был князем Ростовским.[14] В новейших работах историков эта гипотеза, на наш взгляд, недостаточно обоснованная, по-прежнему представлена[15] и находит поддержку у некоторых археологов.[16] Письменная традиция донесла до нас первоначальное название этого населенного пункта — «Медвежий угол».[17] Речь можно вести не об основании города, а о его наименовании Ярославлем, что, видимо, и было сделано в бытность Ярослава Владимировича на княжении в Ростовской земле.

Археологические работы в древнейшей части Ярославля — на Стрелке при впадении р. Которосли в Волгу, начались в 1938 г. небольшими по объему раскопками П. Н. Третьякова и М. К. Каргера, которые заложили траншею у апсид Успенского собора и один шурф — на самой оконечности мыса.[18]

Значительные разведочные работы на всей территории Стрелки были проведены в 1940 г. экспедицией под руководством Н. Н. Воронина.[19]

---

[11] Лебедев А. Храмы Власьевского прихода г. Ярославля. Ярославль, 1877, с. 6.

[12] Сообщение Лаврентьевской летописи под 1071 г. о восстании язычников на северо-востоке Руси (ПСРЛ, 1962, т. 1, с. 175).

[13] Мейерович М. Г К вопросу о времени основания города Ярославля. — В кн.: Краеведческие записки, вып. 4. Ярославль, 1960, с. 5—24.

[14] Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 416.

[15] Кучкин В. А. Ростово-Суздальская земля в X — первой трети XIII вв. — История СССР, 1969, № 2, с. 64—65.

[16] Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории. с. 108.

[17] Лебедев А. Храмы Власьевского прихода. с. 6; Воронин Н. Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке. — В кн.: Краеведческие записки, вып. 4. Ярославль, 1960, с. 90.

[18] Коллекция находок из раскопок П. Н. Третьякова и М. К. Каргера хранится в Ярославском историко-архитектурном музее-заповеднике.

[19] Воронин Н. Н. Раскопки в Ярославле, с. 177—192.

В 1975 г. на юго-западной оконечности Стрелки у церкви Николы Рубленый город экспедицией Ленинградского университета была выполнена шурфовка места предполагаемого первоначального вала древнейших укреплений Ярославля. Археологические наблюдения в этой части Ярославля продолжались и в 1976 г.[20] Перечисленные археологические исследования позволяют провести в общих чертах реконструкцию топографии древнего Ярославля.

Первоначальная территория города, по мнению Н. Н. Воронина, состояла из двух разновременных частей — древнейшей, южной, находящейся собственно на Стрелке — «Рубленый город» (это название доживает вплоть до XVII в. когда в 1695 г. одна из церквей, сооружаемая на месте бывших укреплений, получает название Никола Рубленый город), и более поздней, северной — «Земляной город».

С напольной стороны Стрелка в настоящее время ограничена двумя оврагами — Медвежьим и Волчьим; ранее это был один овраг, имевший первое название. По-видимому, на этом месте протекал один из рукавов Которосли и, таким образом, Стрелка являлась островом. На противоположной стороне Медвежьего оврага, на мысу, образованном им и Которослью Н. Н. Воронин выявил остатки культурного слоя с текстильной керамикой, выше которого шли напластования XII—XIII вв. Исследователь отнес остатки обнаруженного здесь городища к памятникам дьяковской культуры. По аналогиям они датируются VIII—IV вв. до н. э.[21] Очевидно, что между ранними слоями и напластованиями XII—XIII вв. имеется значительная хронологическая лакуна.[22] Отмечая это, Н. Н. Воронин полагал, что на самой Стрелке в IX—X вв. возник русский поселок «Медвежий Угол», с обитателями которого и столкнулся Ярослав Владимирович (Мудрый), осваивавший эту территорию в начале XI в.[23] Благодаря археологическим исследованиям, проведенным в разное время на Стрелке, можно воссоздать облик древнейшего Ярославля, уточнить его хронологию, определить этнический состав его жителей. Вновь анализируя обнаруженные здесь находки, следует сделать вывод, что возникло это поселение во второй половине X в. и не ранее. Располагалось оно в южной и центральной частях мыса и тянулось вдоль берега Которосли по направлению к Медвежьему оврагу. Весь комп-

---

[20] Дубов И. В., Винокурова М. Седых В. Н. Ярославская экспедиция. — АО 1976 г. М., 1977, с. 51.

[21] Третьяков П. Н. Древнейшие городища Верхнего Поволжья. — Советская археология, 1947, IX, с. 74—75; Розенфельдт И. Г. Керамика дьяковской культуры.— В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 189—190.

[22] Заметим, что в XVII в. на месте городища была сооружена церковь Спаса на городу. Возможно, что в ее названии отразилось воспоминание о некогда существовавшем здесь укрепленном поселении.

[23] Воронин Н. Н. Медвежий культ... с. 36—40.

лекс находок из раскопок Н. Н. Воронина говорит о том, что Медвежий угол был обычным древнерусским городком с незначительными финно-угорскими (мерянскими) компонентами.

Место, на котором в XI в. возникает город Ярославль, имело прекрасную естественную защиту — высокие откосы Волги и Которосли и Медвежий овраг с напольной стороны. Если на ранних этапах жители городка «Медвежий угол» были удовлетворены такими преградами от врагов, то в XI столетии появилась необходимость создания более мощной и надежной оборонительной системы.

Благодаря археологическим исследованиям удалось в общих чертах восстановить историю создания укреплений древнего Ярославля. Н. Н. Воронин на краю Медвежьего оврага у церкви Никола Рубленый город обнаружил остатки вала XI в., а в 1975 г. там же найдена деревянная конструкция, имевшая прямое отношение к этому укреплению.[24]

В XII—XIII вв. Ярославль становится значительным городом. Это укрепленный княжеский центр с хорошо развитой торговлей и ремеслом, а также опорный пункт распространения христианской религии среди язычников. Археологические раскопки позволяют достаточно хорошо представить весь комплекс материальной и духовной культуры ярославцев того времени. В XII столетии Ярославль уже простирается и за пределы Стрелки — возникает посад. Некоторые исследователи полагают, что в это время уже появляются и укрепления Земляного города.[25]

В радиусе 10—12 км от Ярославля в IX—XI вв. располагались крупные раннегородские центры Михайловский, Петровский, Тимеревский. В состав этих комплексов входят обширные курганные могильники, неукрепленные поселения и клады куфических монет, зарытые в землю в IX в. Данные поселения возникли в IX столетии и своим возникновением и расцветом обязаны Великому Волжскому пути. Они были центрами трансъевропейской торговли и важными форпостами освоения славянами Волго-Окского междуречья. Эти комплексы отличались от племенных городов своей социальной и экономической структурой — жило в них разноэтничное население, состоявшее из свободных общинников, купцов, воинов. Протогорода данного типа не соответствовали новой социальной и государственной структуре раннефеодальной Руси и вынуждены были уступить свое место на исторической арене княжеским городским центрам.

---

[24] Воронин Н. Н. Раскопки в Ярославле. с. 182; Дубов И. В., Иоаниисян О. М. К топографии древнего Ярославля (итоги и задачи изучения). — КСИА АН СССР, вып. 160, 1980, с. 19—24.

[25] Воронин Н. Н. Раскопки в Ярославле. с. 178; Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. — МИА, 1961, № 105, с. 27; Добровольская Э. Ярославль. М., 1968, с. 101.

Как показали археологические исследования, на месте будущего Ярославля в IX—X вв. не было какого-либо значительного поселения. Бывшее здесь поселение письменная традиция называет «селищем», и это, видимо, не случайно. Поэтому *нельзя* согласиться, что непосредственным предшественником Ярославля было поселение «Медвежий угол» и на этом основании отвергать гипотезу о том, что Тимеревский протогородской комплекс пришел в упадок в борьбе с новым городом за право быть центром местной округи.[26] Здесь, как и в подобных ситуациях в Древней Руси этого времени, в полную силу проявилось явление «переноса города», имевшее глубокое историческое содержание и отразившее многогранные социальные процессы.

Итак, город Ярославль сменил старые поселения, связанные с Великим Волжским путем, носившие торгово-ремесленный протогородской характер. Они, как и центры племенных княжений, не выдержали острой борьбы, характеризующей начало феодализации Ярославского края.

Археологическое изучение Ярославля находится только в своем начале. Для того чтобы максимально полно реконструировать древнюю историю этого города Залесья, необходимо продолжать раскопки и в дальнейшем, ибо есть полная уверенность в их успехе и продуктивности.

Большое значение для понимания исторических процессов, протекавших в Волго-Окском междуречье в эпоху раннего средневековья имеет изучение археологических памятников в районе оз. Ростовского, как его называет летопись, или Неро (название современное, имеющее, вероятно, глубокие древние корни).

Именно здесь на берегах озера и в ближайшей его округе размещалась одна из основных финно-угорских племенных групп — меря. Об этом сообщается в этнографическом введении к «Повести временных лет» — «...а на Ростовском озере меря...»[27]

Более ста лет ведутся археологические изыскания в этом районе. Внимание ученых привлекло прежде всего Сарское городище — укрепленное поселение, расположенное на высокой гряде р. Сары в 15 км к югу от древнерусского Ростова Великого (ныне Ростов-Ярославский). Первое описание городища относится к 20-м годам XIX в.[28]

Археологические раскопки начались здесь во время широких работ в Залесской земле экспедиции А. С. Уварова и П. С. Савельева.[29] Их исследования продолжил Д. Н. Эдинг.[30] Кроме

---

[26] Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории. с. 108.

[27] ПСРЛ, т. 1, с. 10—11.

[28] Бояркин Н. Городище на реке Саре. — Вестник Европы, 1820, № 113, с. 311.

[29] Уваров А. С. Меряне и их быт. с. 32.

[30] Эдинг Д. Н. Сарское городище. Ростов-Ярославский, 1928.

этих археологов на Сарском городище копали ростовский краевед А. А. Титов, известный русский художник и археолог Н. К. Рерих, археологи Д. А. Крайнов и Д. А. Ушаков. Начиная с 1970 г. на городище с незначительными перерывами ведет работы А. Е. Леонтьев, который занимается прежде всего изучением уцелевшей части посада, а также разведками и раскопками селищ и курганных могильников в ближайших окрестностях.[31]

Результаты предыдущих исследований и собственных раскопок обобщены А. Е. Леонтьевым в ряде статей и кандидатской диссертации.[32] По-новому стали рассматриваться многие важные аспекты развития Сарского городища и его роли в истории Ростовской земли. Однако далеко не все проблемы решены, многие спорные вопросы так и остались открытыми. А между тем Сарское городище является ключевым памятником, без понимания которого невозможно дальнейшее изучение истории Волго-Окского междуречья IX—XI столетий. В исторической науке сложилось представление, согласно которому Сарское городище и есть древний город Ростов, упоминаемый в летописи, т. е. это укрепленное поселение как бы предшествовало современному Ростову, расположенному непосредственно на берегу оз. Неро.[33] Нет необходимости доказывать, насколько важно изучение собственно Сарского городища для решения данного вопроса. К сожалению, наши возможности в этом плане крайне ограничены, так как еще в XIX столетии на городище был создан карьер по добыче щебня, он же и привел памятник к окончательной гибели в 20—30-х годах нашего столетия. Данная работа не рассматривает проблем хронологии возникновения городища и других и касается только времени, непосредственно предшествующего возникновению нового Ростова или синхронного ему — IX—XI вв.

В это время Сарское городище из небольшого торгово-ремесленного поселения, только слегка затронутого процессами древнерусского воздействия, становится крупным торгово-ремесленным центром Ростовской земли, играющим большую роль в трансъевропейской торговле. Ремесло и торговля — вот основные занятия жителей Сарского городка. Снабжение же сельско-

---

[31] Леонтьев А. Е. 1) Работы на Сарском городище. — АО 1972 г. М., 1973, с. 73; 2) Раскопки Сарского городища и разведки в Ярославской области. — АО 1973 г. М., с. 63; Леонтьев А. Е., Исланова И. В. Работы Волго-Окской экспедиции. — АО 1978 г. М., 1979, с. 70—71.

[32] Леонтьев А. Е. 1) «Город Александра Поповича» в окрестностях Ростова Великого. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. История, № 3, 1974, с. 85—96; 2) О времени возникновения Сарского городища. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. История, 1974, № 5, с. 68—74; 3) Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII—XI вв.): Автореф. канд. дис. М., 1975.

[33] Спицын А. А. Владимирские курганы. — ИАК, вып. 15. СПб., 1905, с. 94; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 181.

хозяйственными продуктами выпало на долю округи, которая, в свою очередь, получала ремесленные изделия и предметы торговли. Это хорошо видно по находкам из курганов, известных в больших количествах в близлежащей местности. Население Сарского городища уже с IX в., а особенно в X столетии, было многоэтничным — в пользу данного тезиса говорят находки вещей древнерусского облика, где переплетены черты финно-угорские и славянские. Древнерусский характер всего комплекса городища не позволяет утверждать, что население его было одноэтничным. Костяк населения Сарского городища в IX—X вв. несомненно составляли славяне, вошедшие вместе с местным мерянским этносом в состав единого племенного княжения, являвшегося в первую очередь образованием социальным, характерным для переходной эпохи от родового строя к раннему феодализму.

В X в. (время расцвета Сарского городища) здесь аккумулировались все стороны разрушения старого и становления нового социального организма. В этот переходный период рост Сарского городища объясняется не столько гибелью племенных княжений, а главным образом он отражает совершенно особый этап в формировании древнерусского общества, когда патриархально-родовые отношения еще уживаются с раннефеодальными. Этот синтез, а также весь характер времени дают толчок к последнему подъему в жизни таких центров, которые позже теряют свое значение и сменяются новыми городами — княжеско-феодальными опорными пунктами. К сожалению, этот процесс крайне трудно детализировать и конкретизировать на примере Сарского городища. Материал не позволяет говорить о наличии здесь веча и княжеской резиденции и тем более о существовании особой группы воинов-профессионалов.[34]

Однако генеральная линия развития Сарского городища из «эмбриона города» в IX в., как его называл П. Н. Третьяков,[35] в раннегородской древнерусский центр уже в X столетии[36] сейчас более или менее ясна и требует дальнейшего углубленного изучения.

Важнейшим вопросом, как мы уже отмечали, является выяснение соотношения Ростова и Сарского городища. В трудах П. Н. Третьякова и Е. И. Горюновой предлагается в общем близкое решение его, хотя Е. И. Горюнова и приписывает П. Н. Третьякову положение, выдвинутое еще А. А. Спицыным о тождестве летописного Ростова и Сарского городища.[37]

---

[34] Единичные находки меча западноевропейской работы, кольчуги, навершия шлема (?) не позволяют согласиться с А. Е. Леонтьевым, который на этом основании выявляет на городище социальную группу воинов-профессионалов (см.: Леонтьев А. Е. Сарское городище в историн... с. 10).

[35] Третьяков П. Н. К истории племен. с. 95.

[36] Леонтьев А. Е. Сарское городище в историн.. с. 24.

[37] Горюнова Е. И. Этническая история... с. 201.

П. Н. Третьяков полагал, что город (Сарское городище) был перенесен на оз. Неро, на место современного Ростова.[38] В работах Е. И. Горюновой представлена точка зрения, согласно которой «начало русского Ростова было положено не в IX в., а несколько позднее».[39] Опираясь на раскопки в Ростове Н. Н. Воронина в 1954—1956 гг., Е. И. Горюнова реконструирует здесь мерянский поселок VIII—X вв.[40] Для того чтобы разобраться в этих заключениях, необходимо дать краткую характеристику археологической изученности территории Ростова.

Раскопки здесь носили крайне ограниченный характер. Исследования Н. Н. Воронина в 1954—1956 гг. преследовали узкие конкретные цели и проводились прежде всего для изучения архитектурных остатков.

Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт пришли к выводу, что материалы, полученные в результате раскопок 1954—1956 гг., опровергли гипотезу о первоначальном нахождении Ростова на Сарском городище и «переносе» города на его место в конце XI в.[41]

Однако, по нашему мнению, никаких оснований для такого вывода указанные архитектурные раскопки не дают. Автор работ Н. Н. Воронин без развернутых доказательств заключил, что деревянные дубовые сваи, на которых стояло позднее средневековое сооружение, «легко проходили через толстые сосновые или еловые бревна построек IX—X вв., лежавшие в нижнем ярусе культурного слоя».[42] Такая датировка не подкреплена конкретными фактами и находками. Новые раскопки на территории Ростова не дали нам четкого представления о раннем Ростове, и слой IX—XI в. не найден.[43] Отдельные находки вещей этого времени говорят о том, что поселение здесь уже существовало, но сейчас трудно реконструировать его облик, установить хронологию, разрешить другие вопросы. Для этого необходимы широкие раскопки.

В исследованиях А. Е. Леонтьева сформулирована точка зрения, основанная на изучении Сарского городища и тех же скудных данных о Ростове, которыми пользовались его предшественники. Он полагает, что «Сарское городище — оплот мери», а «Ростов — опорный пункт древнерусской княжеской

---

[38] Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. — МИА, 1941, № 5, с. 93.

[39] Горюнова Е. И. Этническая история. с. 201.

[40] Там же, с. 109.

[41] Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Археологическое изучение. с. 11.

[42] Воронин Н. Н. Археологические исследования архитектурных памятников Ростова. — В кн.: Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области, вып. 1 (Древний Ростов). Ярославль, 1958, с. 22.

[43] Матвеева В. И. Ростов Великий. — АО 1968 г. М., 1969, с. 79—80.

власти».[44] По мнению авторов цитируемой выше статьи В. Я. Петрухина и Т. А. Пушкиной, он неправ, и Сарское городище было древнерусским пунктом-погостом, а Ростов согласно летописям был племенным центром мери.[45] Такие различные интерпретации возможны только благодаря крайне ограниченному фонду археологических материалов. Однако на уровне сегодняшних знаний ближе к истине заключение А. Е. Леонтьева, ибо оно базируется на данных раскопок. А сообщение летописи можно истолковать по-разному, тем более, что мы с окончательной уверенностью не можем сказать, что имеют в виду летописи под названием Ростов. А может это все-таки Сарское городище?

Сарское городище пришло в упадок из-за усиления Ростова Великого, который выдвигается на первый план в связи с утверждением в этих землях княжеской феодальной администрации. Находки в Ростове вещей, синхронных Сарскому городищу, отнюдь не опровергают высказанного положения. Более того, какое-то время могли сосуществовать и Сарское городище, и Ростов Великий. Здесь, видимо, произошло явление переноса города, связанное с наступлением новой эпохи в жизни всего края.

Третьим городским центром, рассматриваемым нами, является Переяславль-Залесский.

По скупым и отрывочным сообщениям письменных источников можно лишь в общих чертах представить раннесредневековую историю района оз. Клещино (Плещеево). Эти места известны по сообщениям летописей, как еще один из центров размещения финно-угорского племени меря. Летописный текст определенно указывает на значительную концентрацию мерян по берегам озера — «...и на Клещине озере меря же...».[46] Другое упоминание о Переяславском крае более позднее и связано с деятельностью князя Юрия Долгорукого, когда он занимался активным строительством опорных пунктов по западным рубежам своей земли. Под 1152 г. в летописи записано — «В лето 6666 Юрьи Володимеричь Переяславль переведе от Клещина и заложи град велик (созда больше старого) и церковь постави Святого Спаса в Переяславле».[47] Для нас очень важно еще одно письменное сообщение о начале истории города Переяславля-Залесского — под 1157 г. сообщается о завершении Андреем Боголюбским строительства Спасского собора, который начинал строить его отец князь Юрий.[48]

В этом упоминании особо подчеркивается, что собор построен не просто в Переяславле, а в «Переяславле Новом».

---

[44] Леонтьев А. Е. Сарское городище в истории.. с. 22.
[45] Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории. 108.
[46] Повесть временных лет, ч. I. М.; Л., 1950, с. 13.
[47] ПСРЛ, т. IV, с. 8.
[48] ПСРЛ, т. VIII, с. 241.

В «Списке русских городов дальних и ближних» — источнике начала XV столетия, Клещин указан между Владимиром и Переяславлем-Залесским.[49] Это означает, что укрепленный город Клещин существовал в XIV—XV столетиях и был хорошо известен наряду с его летописным «преемником» Переяславлем. Для исследователей рассматриваемого источника не возникало сомнений, что Клещин это самостоятельный город и искать его надо в непосредственной близости от Переяславля-Залесского на пути к нему из Владимира-на-Клязьме и, скорее всего, на берегах оз. Клещино, где сходятся пути из Владимиро-Суздальской земли и Верхнего Поволжья. Такой подход безусловно правилен. Все авторы многочисленных работ, посвященных проблеме Клещина, солидарны в том, что единственным местом, где мог находиться «потерянный» Клещин, могло быть побережье оз. Клещино в районе современного села Городище, рядом с которым расположено хорошо сохранившееся городище эпохи средневековья. Но далее единодушие кончается, и дискуссии относительно точного места Клещина продолжаются вплоть до настоящего времени.

Ведущий исследователь «Списка русских городов дальних и ближних» акад. М. Н. Тихомиров отмечал, что из упомянутых в источнике 358 городов можно определить их место на географической карте только в 304 случаях, а местоположение 54 городов не выяснено.[50] Однако это количество больше, так как следует учитывать и возможные ошибки, которые были допущены М. Н. Тихомировым и исправлены позднее благодаря археологическим раскопкам. Так произошло в случае с Ярополчем-Залесским, когда город был найден в другом месте, чем то, на которое указывал М. Н. Тихомиров.[51] По новейшим данным установлено, что из всех категорий письменных источников нам известно 414 древнерусских городов, а 46 из них пока не могут быть отмечены на карте.[52] Клещин не включали в число этих 46, хотя, по сути дела, точное место его нахождения выясняется только сейчас.[53] По отношению к Клещину можно вполне использовать оценку М. Н. Тихомирова — «...только некоторые залесские города нашего списка остаются пока еще топографически неопределенными на карте».[54]

В целом следует отметить, что с каждым годом усилиями историков и археологов определяются местоположения городов,

---

[49] Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних.— Исторические записки, 1952, № 40, с. 250; Воронин Н. Н. Переяславль Новый. — В кн.: Летописи и хроники. М., 1974, с. 138.

[50] Тихомиров М. Н. Список русских городов. 215.

[51] Седова М. В. Ярополч Залесский. с. 12—13.

[52] Куза А. В. Русские раннесредневековые города... с. 64—65.

[53] Дубов И. В., Лапшин В. А. Открытие летописного Клещина.— АО 1978 г. М., 1979, с. 60.

[54] Тихомиров М. Н. Средневековая Россия на международных путях. М., 1966, с. 21.

до этого известных только по письменным сообщениям. Ведущая роль в решении этой важной задачи принадлежит археологическим исследованиям.

История археологического изучения комплекса памятников на северо-восточном берегу оз. Плещеево (Клещино) насчитывает уже более ста лет. В 1853 г. здесь производил большие раскопки известный русский археолог и нумизмат П. С. Савельев.[55] Его работы явились составной частью полевых исследований экспедиции под руководством председателя Московского археологического общества А. С. Уварова. Чрезвычайно низкий уровень методики тех раскопок, фиксации вскрытых объектов и обнаруженных находок отразился и в работах под Переяславлем-Залесским. П. С. Савельев раскопал здесь более 1300 курганов, провел раскопки на Александровой горе и городище у с. Городище. Эти исследования по своему размаху и масштабам так и остались единственными в данном районе по сей день и дают наиболее полную археологическую характеристику вышеназванных памятников. Археологи прошлого столетия в первую очередь интересовались погребальными памятниками. Не составлял исключения из этого правила и П. С. Савельев, и поэтому не случайно, что его внимание сразу же привлекли прежде всего курганные группы.

Большой интерес представляют раскопки П. С. Савельева, проведенные им на городище Александрова гора, где им были выделены три культурных слоя, из которых самый нижний относится к курганному времени — IX—XII вв.

Раскопки П. С. Савельева городища у с. Городище показали, что кроме естественных укреплений оврагов с трех сторон и высокого обрывистого берега озера, по всему периметру оно имеет и искусственный насыпной вал. По мнению П. А. Раппопорта, укрепления были сооружены в первой половине XII в. и заброшены в середине того же столетия в связи с возникновением города Переяславля-Залесского. Для него это городище несомненно Клещин.[56]

П. С. Савельев на площадке городища заложил 41 траншею, при этом были обнаружены остатки фундамента и строительный мусор от церкви, некогда стоявшей здесь.[57] Ранний слой был испорчен также и кладбищем XVII в. Обнаруженные находки невыразительны и не дают оснований полагать, что на городище могла быть жизнь ранее XII в. Ничего нового не дали

---

[55] Савельев П. С. Отчет о раскопках. Архив ЛОИА, ф. 8, 1853, д. 2, л. 50 70; Извлечение из Всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г. СПб., 1855, с. 29—46.

[56] Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. — МИА, 1961, № 105, с. 16—17

[57] Савельев П. С. Отчет о раскопках 1853 года. Архив ЛОИА, ф. 8, д. 2, л. 56 об.

и раскопки К. И. Комарова, которым были заложены на площадке городища 2 траншеи — он наткнулся на остатки кладбища и перекопы П. С. Савельева.[58]

В науке сложились две традиции. Сторонники первой начиная с П. С. Савельева полагали, что Клещин, упоминаемый в письменных источниках, это городище у с. Городище. Причем у П. С. Савельева решительно никаких данных в пользу такого вывода не было, он основывался на местной устной традиции — «...Предание говорит, что здесь первоначально заложен был город Переяславль, и отсюда уже перенесен на нынешнее его место, на берега Трубежа».[59] Мнение П. С. Савельева живо в науке вплоть до настоящего времени.[60]

Вторая традиция основана на том, что на городище нет материала ранее первой половины XII в. и оно именно поэтому не может претендовать на роль Клещина, которым скорее всего являлось поселение на Александровой горе, где известны находки IX—XI столетий.[61] Здесь возникает вопрос, если Клещин как город известен по источникам не ранее XIV в., почему же исследователи ищут следы города Клещина в материалах IX—XI столетий? Для ответа на данный вопрос необходимо вернуться к летописному сообщению о возникновении Переяславля-Залесского.

Летописец сообщает, что князь Юрий перенес город от Клещина на новое место. Версия о том, что был перенесен город от озера, не выдерживает критики,[62] так как Переяславль Новый (Залесский) тоже стоит на берегу оз. Клещино. Наиболее детальной и подробной является версия Н. Н. Воронина, который полагает, что Клещин — это Александрова гора и от него переносился град (крепость) — городище, которое он считает Переяславлем Старым и по отношению к которому и был назван Переяславль-Залесский «новым». В этой гипотезе слабым является самое первое звено, и если мы вынем этот кирпичик, то рухнет и все построение. Однако, на наш взгляд, в этой схеме

---

[58] Комаров К. И. Работы славянского отряда Верхневолжской экспедиции в Ярославской и Ивановской областях. — АО 1975 г. М., 1976, с. 67.

[59] Извлечение из Всеподданнейшего отчета... с. 42.

[60] Смирнов М. И. Залесский город Клещин. — Доклады Переяславль-Залесского научно-просветительного общества, вып. 4. Переяславль-Залесский, 1919, с. 5; Иванов К. Город Клещин. — Коммунар, 1965, № 24 (9067), 9 февр.; Васильев С. Памятники истории в окрестностях Переяславля-Залесского. Ярославль, 1968, с. 12—15; Кучкин В. А. Ростово-Суздальская земля... с. 82; Комаров К. И. Работы славянского отряда... с. 67.

[61] Третьяков П. Н. Древиерусский город Клещин. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских земель. М., 1963, с. 49—53; Воронин Н. Н. Переяславль Новый... с. 139. — Ранее П. Н. Третьяков и Н. Н. Воронин думали, что Клещин — это городище и «его «земляные валы сохранились до сих пор» (Третьяков П. Н. Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья. Ярославль, 1939, с. 68; Воронин Н. Н. Раскопки в Переяславле-Залесском. — МИА, 1949, № 11, с. 193).

[62] Кучкин В. А. Ростово-Суздальская земля... с. 82.

есть вполне рациональные звенья, и если бы исследователю был известен тот небольшой новый материал, которым обладаем мы, то он, наверное, откорректировал бы свою точку зрения и значительно приблизился бы к разгадке проблемы Клещина.

В разных летописных редакциях единодушно говорится, что Переяславль-Залесский (Новый) был «град велик» по сравнению со старым или «больше старого». Несомненно, что сравниваются укрепления Переяславля-Залесского с оборонительными сооружениями на северо-восточном берегу озера (городище). По своей схеме они аналогичны и характерны для оборонительного зодчества Северо-Восточной Руси XII в. Однако новые во много раз превосходят по размерам старые. Если длина валов на городище равнялась примерно 500 м, то в Переяславле-Залесском он протянулся на расстояние в пять раз больше (2,5 км). Высота вала городища — от 3 до 8 м, а «валы (Переяславля-Залесского) с рублеными стенами высотой до 10—16 м превосходят владимирские...»[63] Таким образом, в летописи определенно шла речь о переносе крепости, по каким-то причинам не удовлетворявшей княжескую администрацию, на новое место, а иными словами, о сооружении новой более мощной земляной крепости взамен устаревшей, несмотря на то, что возводилась она в условиях болотистой местности. Крепость переносилась от города Клещина, а что имел в виду под ним летописец, нам пока неясно. Александрова гора вряд ли может претендовать на эту роль по следующим причинам. В IX — начале XII вв. Александрова гора из небольшого мерянского поселка превратилась в столь же незначительное древнерусское поселение на крайне ограниченной по размерам площадке первоначально дьяковского городища. Невероятно, чтобы летописец выдавал это поселение за целый город. Археологические исследования показывают, что к Александровой горе примыкает большое неукрепленное поселение. П. Н. Третьяков отмечал, что «около этого городища обнаружено два селища IX—X вв.».[64] Он размещал их в устьях небольших рек Кухмарь и Слуды, впадающих здесь в озеро. Вслед за ним К. И. Комаров писал, что «в Переяславском районе близ села Городище обнаружено селище. Оно расположено на холме между городищем Клещино и Александровой горой на склоне, обращенном в сторону города и Плещеева озера...»[65]

К. И. Комаров полагал, что это селище являлось посадом Клещина. В 1977—1978 гг поселение изучалось экспедицией

---

[63] Воронин Н. Н. Переяславль Новый. с. 141—142.

[64] Третьяков П. Н. Верхневолжская экспедиция. — КСИИМК, 1939, вып. 1, с. 17

[65] Комаров К. И. Работы славянского отряда Верхневолжской экспедиции в Ярославской и Калининской областях. — АО 1974 г. М., 1975, с. 63.

Ленинградского университета.[66] Оно расположено на плато коренного берега оз. Плещеево и занимает площадь 6—7 га. Средняя мощность культурного слоя 35—40 см и в отдельных местах, а особенно у края площадки, достигает 1 м. На поселении была вскрыта очажная яма, углубленная в материк и заполненная обгоревшими камнями и углем. Здесь же находился развал лепного сосуда IX—X вв. Среди находок на поверхности поселения и в культурном слое следует отметить фрагменты лепной керамики, в том числе орнаментированной зубчатым штампом, обломки сосудов, сделанных на гончарном круге, шлаки, куски криц, глиняной обмазки, железные и костяные поделки. В изобилии встречаются кости домашних и диких животных, птиц, рыб. Часты скопления пережженных камней от очагов. Есть единичные фрагменты сосудов с текстильным орнаментом. Керамика поселения аналогична по форме и составу теста находкам в Ярославских курганах и на Тимеревском поселении. Надо отметить, что не только по керамике, но и по топографии, размерам, характеру культурного слоя и другим признакам эти поселения близки между собой. Аналогичны и их датировки — IX—XI вв. Данное селище, впрочем, как и Тимеревское, распахано еще в древности, и это обстоятельство крайне затрудняет его изучение. Однако полученных данных уже вполне достаточно для общего представления о его роли и месте в истории микрорайона в эпоху раннего средневековья.

А сочетание синхронных между собой городища, обширного селища и большого курганного могильника напоминает ситуацию в Гнездовском комплексе.

На раннем этапе Александрова гора и селище были центром мерянской округи. В данном случае археологические источники вполне согласуются с сообщениями летописи о концентрации мерянского населения по берегам оз. Клещино. На противоположном берегу озера известно скопление курганов у села Веськово (412 насыпей), более 40% из них содержали погребения по обряду трупосожжения. Рядом с могильником обнаружены остатки небольшого полностью распаханного селища, судя по подъемному материалу, синхронного могильнику. Е. А. Рябинин датирует Веськовский могильник X—XI вв. «с возможным заходом в начало XIII в.»[67] Думается, что можно удревнить его начальную дату (этому не противоречит материал) и определить ее IX в. Веськовский комплекс по своим масштабам значительно уступает изучаемому нами, который и был, видимо, тем летописным племенным центром мери на оз. Клещино.

Конечно, неоправданно рассматривать Клещинский комплекс

---

[66] Дубов И. В., Лапшин В. А. Открытие летописного Клещина... с. 60; Дубов И. В. Работы на озере Плещееве... с. 61.

[67] Рябинин Е. А. Владимирские курганы (опыт источниковедческого изучения материалов раскопок 1853 г.). — СА, 1979, 1, с. 235.

как сложившийся сразу — его развитие происходило на протяжении веков. Ясно одно, что возникал древнерусский город Клещин на стыке водных путей с Верхней Волги, из района Ростова Великого по Нерли Клязьминской во Владимиро-Суздальское ополье на месте центра мерянской округи. А. С. Уваров считал, что Клещин принадлежал местному финно-угорскому племени меря,[68] а по мнению А. А. Спицына, — славянам.[69] Спор об этнической принадлежности Клещина вновь разгорелся в трудах современных исследователей. М. И. Смирнов и П. Н. Третьяков полагают, что это был центр славяно-русской колонизации края и что он возникает как таковой в IX в. с появлением здесь славянских дружинников.[70] Н. Н. Воронин придерживается иного мнения, полагая, что в IX в. на Александровой горе «лежал сравнительно большой мерянский поселок».[71]

Славяно-русское население проникает в Залесскую землю уже в IX столетии. Сюда по Мсте — Мологе — Волге хлынул поток переселенцев с северо-запада из районов новгородских земель. Славяне попадали на оз. Клещино двумя путями — из Ярославского Поволжья через оз. Неро и прямо с Верхней Волги по Нерли Волжской. Эти пути пересекались у Александровой горы, где на месте мерянского поселения и возникает, видимо, в конце IX в. древнерусский раннегородской центр, получивший в летописях название Клещин.[72] В это время, т. е. в IX—XI вв., Клещин становится опорным пунктом освоения славянами всего Залесского края.[73]

Таким образом, в IX—XI столетиях в состав Клещинского комплекса входит Александрова гора, селище и курганный могильник из нескольких групп. Александрова гора, видимо, выполняет роль детинца, а селище — посада. Это раннегородской древнерусский центр со смешанным населением, которое включает в себя и обрусевшую мерю и славян-переселенцев.

В XI—XIII столетиях структура Клещина меняется. Утрачивает свою роль укрепленного центра комплекса памятников Александрова гора, сооружается укрепленный «замок» — городище, а рядом с ним возникает и развивается посад на месте современного села Городище. Культурный слой, керамика этого времени и более позднего периода здесь хорошо фиксируются.

---

[68] Уваров А. С. Меряне и их быт. с. 657—659.

[69] Спицын А. А. Владимирские курганы, с. 169.

[70] Смирнов М. И. Залесский город Клещин. с. 5—6; Третьяков П. Н. Древнерусский город Клещин, с. 49—53.

[71] Воронин Н. Н. Переяславль Новый... с. 140.

[72] Этимология названия «Клещин» спорна. По-видимому, не прав П. Н. Третьяков, утверждавший связь названия с эксплуататорским раннефеодальным характером центра (от слова «клещити» — угнетать). Подробнее см.: Воронин Н. Н. Переяславль Новый. прим. 8—9.

[73] Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 1961, № 94, с. 184, рис. 81.

Продолжает расти курганный могильник — появляются новые группы насыпей. Первоначально в XI—XII вв. на селище продолжается жизнь, но постепенно оно утрачивает свое значение, и центром комплекса становится городище с посадом. Перенос «града от Клещина» не совсем понятен. Неясно зачем осуществлялось это сложное и трудоемкое мероприятие, тем более, что Клещин занимал более выгодное стратегическое положение на важнейших путях, а Переяславль-Залесский возник на болоте в сырой низине на месте впадения р. Трубеж в оз. Плещеево (Клещино).

Предположение, что крепость в Клещине уже не удовлетворяла князя размерами и мощностью укреплений, вряд ли оправдывает перенос центра в другое место, тем более, что построен замок был незадолго до этих событий. Следует учитывать довод, приведенный Н. Н. Ворониным, что «мелководье озера около городка вскоре заставило покинуть его в пользу более удобного места, где течение медленного Трубежа прокладывало в водах озера глубокий фарватер».[74]

Видимо, одной из основных причин следует считать социально-политические изменения в Северо-Восточной Руси. Клещин возникает на основе симбиоза выходцев из северо-западных районов (прежде всего славян новгородских) и местных жителей — представителей одной из группировок финно-угорского племени меря. И те и другие компоненты хорошо прослеживаются в материалах погребений IX — начала XII вв. Клещин из центра мерянской округи превращается в опорный пункт продвижения славяно-русского населения в Залесскую землю. Таковым он остается до середины XII в. Переяславль-Залесский — это прежде всего центр княжеской администрации, государственная крепость, раннефеодальный город, а постепенно в нем сосредоточивается и церковная власть над округой.

В середине XII в. Ростово-Суздальская земля значительно укрепилась, идет большое строительство городов, крепостей, церквей, возникают не только Переяславль-Залесский и Юрьев-Польский, но и целый ряд других центров. В обстановке экономического, культурного, военного и политического подъема формируется Переяславль-Залесский. По сообщению В. Н. Татищева, в северо-восточных городах появляется масса нового населения, которому предоставляются различные льготы.[75] Эти новые переселенцы приходят в Залесскую землю и с юга, принося с собой названия городов и деревень, рек и озер, — так, по-видимому, в память об оставленном Переяславле-Южном и р. Трубеж и появилось имя города — Переяславль-Залесский. Напомним также, что и Переяславль-Рязанский стоит на реке с идентичным названием — Трубеж.

[74] Воронин Н. Н. Раскопки в Переяславле-Залесском... с. 193.

[75] Татищев В. Н. История Российская, кн. III. М., 1974, с. 76; Воронин Н. Н. Раскопки в Переяславле-Залесском... с. 193.

Археологические материалы подтверждают заключение о движении переселенцев с юга. В этот период начинается новый этап освоения славяно-русским населением северо-восточных земель. «В XII в. в далекий лесной край потянулось также население беспокойных степных окраин русской земли».[76]

Археологические исследования в Переяславле-Залесском показали, что новый город основывался на пустом месте и культурный слой здесь фиксируется только с середины XII в.[77] В культурном слое города были обнаружены находки, подтверждающие тезис о связях его населения с югом.[78]

В целом следует отметить, что археологические работы в Переяславле-Залесском носили крайне ограниченный характер и в основном имели целью исследование памятников архитектуры. Впервые культурные слои Переяславля-Залесского изучались в период грандиозных работ А. С. Уварова и П. С. Савельева в Суздальском крае. В результате этих раскопок были вскрыты многочисленные погребения XVI—XVIII вв. вокруг Спасо-Преображенского собора,[79] постройка которого была начата еще Юрием Долгоруким в 1152 г. и закончена Андреем Боголюбским в 1157 г.

Много интересного для изучения архитектуры Спасо-Преображенского собора дали раскопки Н. Н. Воронина. Культурные остатки периода возникновения и начальных этапов развития города (XII—XIII вв.) представлены немногочисленными находками.[80] Недостаточна пока степень изученности укреплений Переяславля-Залесского. О них либо написано бегло,[81] либо речь шла об узких сюжетах вроде деревянных конструкций валов.[82]

Н. Н. Воронин полагал, что Переяславлю-Залесскому (Новому) предшествовал «старый», который переносился от Клещина и находился рядом с Клещиным, т. е. это было городище. Исследователь недоумевал, почему письменные источники обошли вниманием Переяславль Старый, хотя они отмечают и Клещин и Переяславль-Залесский (Новый).

Думается, что Н. Н. Воронин недооценил здесь четкость летописца, который определенно сказал, что «Переяславль град

---

[76] Там же.

[77] Там же, с. 195.

[78] Воронин Н. Н. Переяславль Новый... с. 142. — Старым Переяславлем называл городище и П. Н. Третьяков (см.: Третьяков П. Н. Древнерусский город Клещин... с. 51).

[79] Савельев П. С. Отчет о раскопках. — Архив ЛОИА АН СССР, ф. 8, д. 4.

[80] Воронин Н. Н. Раскопки в Переяславле-Залесском... с. 193—202.

[81] Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества... с. 24.

[82] Каменецкая Е. В., Пуришев И. Б. 1) Археологические наблюдения в Переяславле-Залесском. — АО 1972 г. М., 1973, с. 64—65; 2) Деревянные конструкции вала Переяславля-Залесского. — Советская археология, 1974, № 1, с. 118—119.

переведе от Клещениа» и что о Клещине мы имеем такие же скупые упоминания.

После завершения строительства мощных укреплений Переяславля-Залесского жизнь в Клещине продолжалась. Но он уже постепенно превращался из былого центра, вначале мерянского, а затем древнерусского, в небольшой городок, который все же был упомянут в «Списке городов русских».

На примере истории развития Клещинского комплекса можно воссоздать вертикальный семивековой срез, начиная с IX в. и до XIV—XV столетий. К сожалению, некачественные раскопки середины XIX в., постоянная распашка в этих местах значительно затрудняют дальнейшее исследование этих памятников.

Основание нового города в XII в. обусловлено сложными социально-экономическими и политическими причинами и, несмотря на свою специфичность, органично вписывается в явление «переноса» городов, характерное для всей Древней Руси XI—XII столетий.

Широкое археологическое изучение городов Северо-Восточной Руси несомненно принесет новые важные открытия и поможет с большей достоверностью осветить их начальную историю.

И. Я. Фроянов

К ВОПРОСУ О ГОРОДАХ-ГОСУДАРСТВАХ В КИЕВСКОЙ РУСИ (историографические и историко-социологические предпосылки)

Проблемы истории древнерусского города принадлежат к числу кардинальных в отечественной исторической науке. Многие поколения дореволюционных и советских историков уделяли им самое пристальное внимание. К настоящему времени в области изучения древнерусских городов достигнуты впечатляющие результаты.[1] Среди множества аспектов исследования городских центров в Киевской Руси нас привлекает вопрос о социально-политической роли древнерусских городов как государственных образований. А если формулировать еще точнее, речь мы поведем об историко-социологических и историографи-

---

[1] См.: Хорошкевич А. Л. Основные итоги изучения городов XI — первой половины XVII вв. — В кн.: Города феодальной России. М., 1966; Илизаров С. С. Русский город глазами историков XVIII в. — В кн.: Русский город. М., 1976; Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. — КСИИМК, 1951, вып. XI; Воронин Н. Н. Раппопорт П. А. Археологическое изучение древнерусского города. — КСИА АН СССР, 1963, вып. 96; Ширина Д. А. Изучение русского феодального города в советской исторической науке 1917 — начала 1930-х годов. — Исторические записки, 1970, т. 86; Советская историография Киевской Руси. Л., 1978.

ческих предпосылках постановки вопроса о городах-государствах в Древней Руси. Начнем с историографии.

В свое время И. Д. Беляев, повествуя о заселении Восточной Европы славянами, говорил, что «славяне по своему шаткому ненадежному положению на чужой земле могли селиться не иначе, как укрепленными городками, составляя союзы и общины».[2] На протяжении столетий, включая XI и XII вв., Русь складывалась из «разных крупных и мелких общин, находившихся в более или менее тесной связи друг с другом. Общины носили название городов и селений. Городами тогда назывались те главные крупные общины, к которым тянули мелкие общины; они делились на старые города и пригороды. Селения также делились на села и починки, а несколько сел и починков, состоявших в связи друг с другом, составляли новые центры, подчиненные городам, которые на юго-западе Русской земли назывались волостями, а на северо-востоке погостами. Так, что любой край в Русской земле непременно имел в себе главный город, от которого большею частью получал и свое название, и в каждом краю от главного города зависели тамошние пригороды, т. е. или колонии главного города, или города, построенные на земле, тянувшей к старому городу, хотя бы они были населены выведенцами из других земель. Целый край, тянувший к своему городу, и при власти княжеской управлялся вечем старого города, от которого веча зависели и пригороды; в каждом пригороде также было свое вече, которому повиновались волости и погосты, тянувшиеся к городу; равным образом волости и погосты и каждая мелкая община имели свой мир, свое вече, приговору которого должны были повиноваться члены общины».[3]

Несмотря на статичность изображенной И. Д. Беляевым картины, в ней все же верно схвачены некоторые важные черты социально-политического строя Руси XI—XII вв.: государственный характер городских образований, их общинная основа.

Разделенной на отдельные волости представлялась Древняя Русь и В. И. Сергеевичу. Уже в своей книге «Вече и князь» он рассматривал древнерусскую волость как самодовлеющую социально-политическую систему, замыкающую в себе главенствующий (старейший) город, пригороды и сельскую округу.[4] Верховный орган волости — народное собрание — вече, по отношению к которому князь выступает в качестве подчиненного лица.[5]

---

[2] Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. М., 1865, кн. 1, с. 6.
[3] Там же, с. 134—135.
[4] Сергеевич В. И. Вече и князь. М., 1867, с. 23—32, 331—337.
[5] Там же, с. 20. — Все эти мысли В. И. Сергеевич развивал и в других своих работах, написанных десятки лет спустя (см.: Сергеевич В. И. 1) Русские юридические древности, т. 1. СПб., 1902; 2) Русские юридические древности, т. 2. СПб., 1900.

А. Д. Градовский написал рецензию на упомянутую книгу В. И. Сергеевича. В ней содержится всесторонний и обстоятельный анализ рецензируемого труда. По существу то была не просто рецензия, а настоящее исследование. Согласно А. Д. Градовскому, волость есть округ, находящийся под началом «той или другой политической власти».[6] Волость «состояла из города, из пригородов и волостей, тянувших к городу и пригородам. Это была цепь общин, связанных между собой иерархическими отношениями. Города были старшими общинами, за ними села, слободы, деревни, починки, соединявшиеся в волости. Они составляли одно целое, призывавшее князя».[7] В итоге получалось, что государство (А. Д. Градовский берет это слово в кавычки) «было приурочено к каждой общине; в каждой из них было свое государство».[8]

В исторических построениях Н. И. Костомарова, относящихся к Древней Руси, городу отводилось весьма существенная роль. Первоначально город, по Н. И. Костомарову, — укрепление, обеспечивавшее славянам «самосохранение и сберегание имущества» от враждебных соседей. Однако вскоре он сделался местом вечевых сходок и совещаний, центром управления тех, кто построил город.[9] В результате «окрестность стала тянуть к городу».[10] Совокупность селений, сгруппировавшихся вокруг города, образовывали землю. Отсюда, «где город — там земля; где земля, там город... Земля была община, имевшая средоточие в городе...»[11] Земли на Руси пользовались автономией и самоуправлением.[12] Н. И. Костомаров подчеркивал, что «право земли и ее верховная власть над собою высказывается повсюду в дотатарское время. Земля должна была иметь князя; без этого ее существование как земля было немыслимо. Где земля, там вече, а где вече, там непременно будет князь: вече непременно изберет его. Земля была власть над собою; вече — выражение власти, а князь — ее орган».[13]

В 1870 г. одновременно с исследованием Н. И. Костомарова «Начало единодержавия в Древней Руси», выдержки из которого мы привели, вышла в свет работа В. Пассека «Княжеская и докняжеская Русь». Древнейшее значение слова «город», полагал В. Пассек, сводилось к «крепости».[14] Но в летописях под этим словом нередко разумеется «целая страна, область, со

---

[6] Градовский А. Д. Собр. соч., т. СПб., 1899, с. 349.
[7] Там же, с. 350.
[8] Там же, с. 380.
[9] Костомаров Н. И. Начало единодержавия в Древней Руси. — Вестн. Европы, 1870, ноябрь, с. 27—28.
[10] Там же, с. 28.
[11] Там же, с. 19.
[12] Там же, с. 20, 31.
[13] Там же, с. 34.
[14] Пассек В. Княжеская и докняжеская Русь. — ЧОИДР, 1870, кн. 3, с. 71.

всеми ее деревнями, селами и городами, бывшими под защитой главного или стольного города, который собственно и назывался городом, а все другие, находившиеся в той области или уделе, в отношении его считались пригородами».[15] Этот областной порядок теряется в очень отдаленной древности, так что к пришествию Рюрика Русь уже «распадалась на области, из которых каждая имела своих старейших и свой срединный город, который со своими старейшинами господствовал над всею областью».[16] Вот почему понятие города «поглощало в себе понятие целой страны. Город есть мысль, сердце, дух страны; он господин, он владыка».[17] Областное деление Русь сохраняла вплоть до нашествия татар.[18]

Заметным событием в историографии древнерусских городов явилась монография Д. Я. Самоквасова «Древние города России». Д. Я. Самоквасов констатирует многозначность термина «город» в древнерусской лексике. В этой семантической пестроте автор останавливает свой взор на городе как политически автономной общине.[19] В древнейшие времена города — это «укрепленные пункты общинных поселений», бывшие «центрами единения общин, состоявших из нескольких или многих родов».[20] Постепенно города расширяли свои земельные владения. В конечном счете первоначальный (старейший) город стал отождествляться с территорией, «занятой известным племенем или общиной, пользовавшеюся политической автономией, примыкавшею к данному укрепленному пункту как центру правительственному, со всеми посадами, городами, пригородами, селами и починками, на ней находившимися».[21] Таким образом, «совокупность местностей, занятых данною общиною, представляла в древности предмет, подвластный данному городу как центру правительственному или административному, в котором помещались начальные лица общины, вечевое собрание, ратная сила...»[22] Город (община, земля, волость) с политически самостоятельным статусом возник еще до прихода варягов. По мере роста населения и освоения новых земель он увеличивался численно и территориально.[23]

Появление таких городов, по Д. Я. Самоквасову, свидетельствовало о переходе общества от «низших форм человеческого общежития к сферам высшим, из форм родового быта в формы быта общинно-государственного»,[24] в условиях которого «родо-

---

15 Там же, с. 73.
16 Там же, с. 75.
17 Там же, с. 74.
18 Там же, с. 75.
19 Самоквасов Д. Я. Древние города России. СПб., 1873, с. 39.
20 Там же, с. 47, 126.
21 Там же, с. 48.
22 Там же, с. 52.
23 Там же, с. 52—53.
24 Там же, с. 128.

городской торгово-промышленной аристократии. И лишь со второй половины XI в. по мере умаления авторитета князей и разложения «княжеского рода на местные линии Русская земля распадалась на обособленные друг от друга области, земли».[39] Эти земли «почти все были те же самые городовые области, которые образовались вокруг древних торговых городов еще до призвания князей: Киевская, Переяславская, Черниговская, Смоленская, Полоцкая, Новгородская, Ростовская. К этим древним областям присоединились образовавшиеся позднее области Волынская, Галицкая, Муромо-Рязанская».[40] Однако в отличие от старинных городовых волостей, где верховодила военно-торговая ассоциация полувоинов-полукупцов, в областных городах XI—XII вв. хозяином положения делается «вся городская масса, собиравшаяся на вече».[41] Так, «всенародное вече главных областных городов» стало «преемником древней городской торгово-промышленной аристократии».[42] Постоянная передвижка князей со стола на стол, проходившая под аккомпанемент ожесточенных споров и свар, превратила этих недавних властителей в политическую случайность.[43] Немудрено, что в такой обстановке вечевые города приобрели в своих областях значение «руководящей политической силы, которая соперничала с князьями, а к концу XII в. взяла над ними решительный перевес».[44]

Интересные соображения о государственном устройстве домосковской Руси высказал М. Ф. Владимирский-Буданов. Обращаясь к древнерусскому государству, он обнаружил союз волостей и пригородов под властью старшего города, обозначаемый термином «земля».[45] М. Ф. Владимирский-Буданов был уверен, что «древние памятники недаром обозначают тогдашнее государство термином „земля": в нем выражены существенные особенности этого государства, совершенно неуловимые из терминов „княжение" и „волость" Им означается, что древнее государство есть государство вечевое...»[46] Оно, «вечевое государство» — объединение общин, где «старшая община правит другими общинами; сама община состоит из соседей».[47] В древнерусском городе М. Ф. Владимирский-Буданов усматривает центральную общину, владеющую землей.[48] «Были ли города-общины в начале русской истории (IX и X вв.)»? — спрашивает ученый. И он дает утвердительный ответ. Следовательно, стар-

---

39 Ключевский В. О. Соч. М., 1956, с. 191.
40 Там же, с. 192—193.
41 Там же, с. 192.
42 Там же.
43 Там же, с. 191
44 Там же, с. 193.
45 Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1907, с. 11.
46 Там же, с. 13.
47 Там же.
48 Там же, с. 21.

ший город земли в роли общины правящей, пригороды (младшие города) и волости, т. е. сельские общины, подчиненные пригородам, — вот, по М. Ф. Владимирскому-Буданову, государственная структура Древней Руси.[49]

Заслуживают внимания и размышления С. А. Корфа о древнерусской государственности. «Зачаток государственности» он находил в городках, возникших у славян в VIII в. В это же время С. А. Корф замечает начало «концентрации вокруг новообразовавшихся городков славянской волости-государства», формирующегося «из социально- и экономически развивающихся отдельных славянских колоний».[50] В течение IX—X вв. все более укрепляется «властное положение городов, подчинявших себе окружающее сельское население». Именно в городе оседали «те состоятельные классы, в руках которых стало сосредоточиваться политическое властвование этого маленького государства-волости».[51] Кроме городов, правящих центров, в волость входили еще и пригороды, жившие самостоятельной жизнью, и только в общеволостных вопросах подвластные своей метрополии — городу.[52]

К волости-государству склонялась мысль и такого тонкого исследователя, каким был А. Е. Пресняков. Городскую волость он считал основным элементом древнерусской государственности. Волость — это «территория, тянувшая к стольному городу».[53] Главный (стольный) город «стал представителем земли; его вече — верховной властью волости».[54] Волостная организация выступала как совокупность вервей — элементарных ячеек, соединение которых более механическое, нежели органическое, что выдает примитивный характер государственности, воплощенной в волости.[55]

Перед нами прошли представители разных школ и направлений в русской дореволюционной исторической науке. Придерживаясь различных мнений об исторических судьбах России, они, однако, сошлись в очень существенном моменте: в толковании древнерусского города как общинного союза и наделении его правительственными функциями по отношению к территории и населению, «тянувшими» к городу. Иными словами, их понятие города, городской волости совпадало с понятием государства, возведенного на общинной основе. Такое един-

---

[49] Там же, с. 21—22.
[50] Корф С. А. История русской государственности, т. 1. СПб., 1908, с. 2.
[51] Там же, с. 13—14.
[52] Там же, с. 39.
[53] Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. 1. М., 1938, с. 163, 167.
[54] Там же, с. 169.
[55] Там же, с. 167.

ство взглядов[56] едва ли можно зачислить в разряд простых случайностей. Оно свидетельствует об адекватном отражении учеными исторической действительности, относящейся к городскому строю Древней Руси.[57] И то, что историки пришли к этому единству, является крупным достижением дореволюционной историографии.

Плодотворным следует считать и стремление исследователей выйти за рамки отечественного материала в плоскость сравнительно-исторических параллелей. Они, в частности, сопоставляли городской строй Древней Руси с городским строем античного мира и средневековой Европы. М. Д. Затыркевич, например, полагал, что во времена, предшествующие приходу варягов, устройство городского славянского населения «совершенно соответствовало тому государственному строю, с которого началась и на котором закончилась политическая жизнь древних народов», а устройство городов славянских «совершенно сходно было с устройством городов Древней Греции до завоевания Дорян и Древней Италии до основания Рима».[58] Поднимаясь к более поздним векам русской истории, он замечал, что в сословных отношениях и в государственном строе между Римской империей и русским государством XII столетия не имелось каких-либо различий.[59] На Руси XII в. города пытались обрести «политическую самобытность». Но «все установления, в которых выразилась политическая автономия городов древнего мира и средневековой Европы, — выборные правители, правительствующие советы и народные собрания — в России нигде не достигли полного развития и нигде не выразились в ясных определенных формах».[60] Только в Новгороде эти «установления» упрочились, да и то после завоевания Руси монголами.[61]

М. Д. Затыркевич, как явствует из его высказываний, смешивал города-государства древности с городами средневековой Западной Европы, в чем, безусловно, ошибался, поскольку между ними лежали глубокие различия. Во всяком случае, средневековые города Западной Европы, за исключением Венеции и ей подобных, нельзя называть городами-государствами, как это принято в отношении городов античного мира, ибо эти

---

[56] Мы отдаем себе отчет в том, что по многим вопросам городской жизни на Руси мнения исследователей расходились. Наша задача подчеркнуть единство их взглядов в одном важном для нас вопросе.

[57] Во избежание недоразумений отметим, что далеко не во всем относительно древнерусских городов дореволюционные исследователи были правы. В данном случае мы ограничиваемся лишь одной проблемой, верно решенной, по нашему убеждению, в досоветской историографии.

[58] Затыркевич М. Д. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя русского государства в домонгольский период. М., 1874, с. 49.

[59] Там же, с. 203.

[60] Там же, с. 290.

[61] Там же, с. 291.

города-коммуны скорее союзы самоуправляющиеся, чем правящие.[62] Но сравнение древнерусских городов со статусом городов Древней Греции было резонным.

Политический строй Новгорода сближал с греческими республиками Н. И. Костомаров.[63] При этом он подчеркивал: «Никакие исторические данные не дают нам права заключить, чтобы Новгород по главным чертам своего общественного состава в давние времена отличался от остальной Руси, как позже в XIV и XV вв.».[64]

Немало сходных черт между Русью, Древней Грецией и Римом открылось взору А. И. Никитского. Он подчеркивал, что на Руси понятия «город» и «государство» были неразличимы и смешивались друг с другом.[65] Большое значение А. И. Никитский придавал кончанскому устройству, обнаруженному им не только в Новгороде и Пскове, но и в остальных городах Древней Руси.[66] Концы простирали свою власть за пределы города, охватывая определенные областные (волостные) территории, и были, следовательно, связаны с сельской местностью прочными нитями. И в неспособности отличить город от государства, и в связи городских концов с селом А. И. Никитский узрел сходство с античностью. Он писал: «Эта неспособность отрешиться от смешения различных по существу понятий города и государства не составляет нимало исключительной принадлежности древнерусской жизни, а замечается одинаково и в классическом мире, и в истории Рима, и в особенности Греции, Афин, которые политическим устройством своим представляют любопытные черты сходства с Древнею Русью и потому при сличении могут подать повод к поучительным соображениям».[67] Что касается концов, то они «были не что иное, как именно трибы, или филы, как последние были сформированы Клисфеном, т. е. местные политические союзы; не что иное, как самые значительные второстепенные политические организмы или общины».[68] А. И. Никитский сравнивал городские должности, новгородские в частности, с аналогичными институтами классической древности. Он полагал, что звания посадника и тысяцкого давали носившим их лицам «такие же права, как курульские долж-

---

[62] Ср.: Бортник Н. А. Средневековые города-государства Западной Европы. — Вопросы истории, 1975, № 12. — Надо согласиться с Е. М. Штаерман, что «внешне похожие на античные полисы городские республики средних веков имели иную основу» (Штаерман Е. М. Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ, кн. 1. М., 1968, с. 657.

[63] Костомаров Н. И. Начало единодержавия. с. 24.

[64] Там же, с. 25.

[65] Никитский А. И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1973, с. 58, 60, 161—162.

[66] Там же, с. 60, 87, 161.

[67] Там же, с. 162.

[68] Там же.

ности: консульство, преторство и эдильство или позднее квесторство в Риме, как архонтат в Греции».[69] Посадники, по А. И. Никитскому, — это «русские консуляры, претории и эдилиции».[70] Указав на назначение псковских воевод концами на вече, А. И. Никитский говорит: «В этом отношении псковские воеводы напоминают нам греческих стратигов, которые в Афинах, точно так же, как и в Пскове, назначались местными союзами или трибами».[71]

Опыт А. И. Никитского, стремившегося воспользоваться фактами из истории античных обществ для объяснения социально-политических учреждений Руси, получил одобрительную оценку со стороны Н. И. Кареева — одного из крупнейших представителей русской исторической науки.[72]

Предпринятое А. И. Никитским сопоставление древнерусских институтов с учреждениями греков и римлян было продолжено другими исследователями. Так, Т. Ефименко, изучая сотенную организацию в Киевской Руси, убедился в том, что сотни охватывали как город, так и область, прилегающую к нему. Город и земля, таким образом, составляли административное единство, которое в условиях тогдашней Руси было неизбежным, исторически необходимым явлением, подобно городским и сельским трибам Рима, городским и областным демам Афин.[73]

Обращался за аналогиями к Древней Греции и такой вдумчивый историк, как А. Е. Пресняков. Анализируя социально-политическую структуру древнерусских городов, он обнаружил союз «ряда меньших общин, соединенных в одной общине городской, — явление, напоминающее греческий синойкизм и особенно ярко выступающее в строе Великого Новгорода».[74] А. Е. Пресняков считал возможным именовать древнерусскую волость политией.[75]

Итак, в дореволюционной историографии сложилась концепция, согласно которой город, бывший центром городской волости, являл собой государственное образование общинного типа, схожее с городами-государствами античности. К сожалению, эта концепция не получила дальнейшего развития в исследованиях последующих историков. Правда, отход от нее произошел не сразу. Еще в трудах М. Н. Покровского говорилось о «федеративном» и «республиканском» характере «древнерус-

---

69 Там же, с. 145.

70 Там же.

71 Там же, с. 160.

72 Кареев Н. И. Государство-город античного мира. СПб., 1905, с. 324—325.

73 Ефименко Т. К вопросу о русской «сотне» княжеского периода. — ЖМНП, 1910, июнь, с. 316.

74 Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. 1, с. 169.

75 Там же, с. 197; Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. 2, вып. 1. М., 1939, с. 7.

вые, родственные, кровные отношения отходят на второй план».[25]

Из суждений Д. Я. Самоквасова явствует, что древнерусский город олицетворял собой государство.

Несколько иначе, чем Д. Я. Самоквасов, изображал развитие городов в Древней Руси И. Е. Забелин. Тем не менее его наблюдения для нас тоже достаточно показательны. В древнейших городках он видел родовые и волостные (областные) гнезда, где родовая и волостная жизнь находила себе охрану и защиту от всяческих врагов, не временно, а постоянно жила и пребывала, как в волостных дворах.[26] Первыми «насельниками» подобных городов были дружинные элементы, организованные в общину. Эти городки ни что иное, как зародыши будущих больших общин-городов.[27]

Существенный рубеж в истории городов — образование посада. «В развитии города, — отмечал И. Е. Забелин, — посад представлял уже новую и весьма важную ступень, которая из укромного военного гнезда создавала действительное гражданство».[28] Посад вбирал в себя «всяких людей», по выражению И. Е. Забелина. Здесь происходила людская «смесь». А эта «смесь населения всегда и повсюду составляет самую могущественную стихию в развитии городского быта; она есть прямое и непосредственное начало собственно гражданских отношений и гражданского развития земли. Поэтому, где прилив смешанного населения был сильнее и многообразнее, там скорее вырастало и могущество города, необходимо распространявшего это могущество на всю окрестную страну. Таким путем сложились наши первые города, особенно Новгород и Киев».[29]

Перед призванием Рюрика с братьями Русь «представляла клетчатку городства, представляла вполне сложившееся историческое тело, своего рода организм, конечно, еще с первородными силами и свойствами, но уже готовый и способный воспринять в себя более возвышенные начала исторической жизни. Существенною силою и формою и, так сказать, материею этого организма был город, не в одном смысле осыпи или окопа, но в

---

[25] Там же, с. 126. — В рецензии на книгу Д. Я. Самоквасова, написанной Ф. И. Леонтовичем, были поставлены под сомнение основные выводы автора. Надо признать, что отдельные замечания Ф. И. Леонтовича были справедливы. Но в целом его теория происхождения городов, его утверждения, что между городами Киевской и Московской Руси не было якобы принципиальной разницы, уступали по силе убедительности наблюдениям Д. Я. Самоквасова (см.: Леонтович Ф. И. [Рец. на кн.:] Самоквасов Д. Я. Древние города России. — В кн.: Сборник государственных знаний, т. 2. СПб., 1875, отд. 2, с. 35—91.

[26] Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен, . 1. М., 1908, с. 598.

[27] Там же, с. 596.

[28] Там же, с. 617.

[29] Там же, с. 617—618.

смысле особого порядка, нрава и обычая самой жизни».[30] Города делились на младшие и старшие, служившие центрами волости и области.[31] «Дальнейшая история этого городства, — заключает И. Е. Забелин, — должна была создать целый союз больших племенных волостей-областей, более или менее равносильных между собою, вполне самостоятельных и независимых друг от друга».[32]

Поистине системосозидающее значение приобрел город в построениях В. О. Ключевского — творца концепции городовой Руси. Возникновение древнерусских городов В. О. Ключевский относил к VIII в. Оно было обусловлено успехами торговли, которую вели славяне со странами Востока.[33] «Эти города, — говорит В. О. Ключевский, — возникли как сборные места русской торговли, пункты склада и отправления русского вывоза. Каждый из них был средоточием известного промышленного округа, посредником между ним и приморскими рынками. Но скоро новые обстоятельства превратили эти торговые центры в политические, а их промышленные округа в подвластные им области».[34] Итак, «вооруженный торговый город стал узлом первой крупной политической формы, завязавшейся среди восточных славян на новых местах жительства».[35]

Город подчинял окрестные земли. Это «подчинение вызывалось или тем, что вооруженный и укрепленный город завоевывал тянувшийся к нему промышленный округ, или тем, что население округа находило в своем городе убежище и защиту в случае опасности, а иногда тем и другим вместе. Так, экономические связи становились основанием политических, торговые районы городов превращались в городовые волости».[36] В городах пребывал «правительственный класс», состоявший из вооруженных торговцев и промышленников, туземных и заморских (варягов). Он и «создал в больших городах то военно-купеческое управление, которое много веков оставалось господствующим типом городового устройства на Руси».[37] Говоря о социально-политическом строе древнейших городских образований, В. О. Ключевский писал: «Волостной город по его первоначальному устройству можно назвать вольной общиной, республикой, похожей на Новгород и Псков позднейшего времени».[38]

Под властью князей Рюриковичей пало прежнее господство

---

[30] Там же, с. 642—643.
[31] Там же, с. 643.
[32] Там же.
[33] Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919, с. 20.
[34] Там же.
[35] Там же, с. 21.
[36] Там же, с. 22.
[37] Там же, с. 26.
[38] Там же, с. 29.

ского государственного строя на самых ранних из известных нам ступенях его развития», о городской демократии XII в.[76] Волостное (во главе с городами) устройство Ростово-Суздальской земли в XII — первой половине XIII вв. описывал А. Н. Насонов.[77] Однако в советской историографии конца 20-х — начала 30-х годов древнерусский город начинает преимущественно изучаться как составная часть феодализма, как звено в системе феодальных производственных отношений.[78] В результате города на Руси приобретают в умах историков значение центров феодального властвования. В последнем особенно настойчив был С. В. Юшков.[79] Он категорически отверг идею о «городовой волости, возникшей еще в доисторические времена, сохранявшей свою целостность до XIII в. и управлявшейся торгово-промышленной демократией. Основной территориальной единицей, входившей в состав Киевской державы, первоначально было племенное княжество, а затем, когда родо-племенные отношения подверглись разложению, — крупная феодальная сеньория, возникшая на развалинах этих племенных княжеств. В каждой из этих феодальных сеньорий имелся свой центр — город, но этот город, хотя и превращался в торгово-промышленный центр, был все же в первую очередь центром феодального властвования, где основной политической силой были феодалы разных видов, а не торгово-промышленная демократия».[80]

Б. Д. Греков, определяя город как средоточие ремесла и торговли, относил его зарождение к эпохе классового обще-

---

[76] Покровский М. Н. Избр. произв. М., 1966, кн. 1, с. 154, 165. — Необходимо сказать, что М. Н. Покровскому присуще было резкое противопоставление города деревне, «городского права» «деревенскому праву». Город и деревня различались прежде всего организацией власти: в первом господствовал народ, во второй — князь. «Наемный сторож в городе, — пишет М. Н. Покровский, — князь был хозяином-вотчинником в деревне. Эту политическую антиномию и приходилось разрешать Киевской Руси. Вопрос, какое из двух прав — городское или деревенское — возьмет верх в дальнейшем развитии, был роковым для всей судьбы древнерусских „республик" В конечном счете, как известно, перевес остался за деревней» (Там же, с. 168). Город, по убеждению автора, «жил самостоятельной жизнью, мало заботясь об окружающей его сельской Руси» (Там же, с. 174). Но М. Н. Покровский все-таки пользовался термином «город-государство» при рассмотрении городского строя Руси XII в. Он даже уподоблял новгородских посадников и тысяцких консулам и преторам Древнего Рима (Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. М.; Л., 1925, ч. 1, с. 182—183).

[77] Насонов А. Н. Князь и город в Ростово-Суздальской земле. — Века (Пг.), 1924, № 1.

[78] Ширинна Д. А. Изучение... с. 284—297.

[79] Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939, с. 131—137.

[80] Там же, с. 172. — В предшествующий период, в IX—X вв., города, по С. В. Юшкову, выполняли роль племенных центров, где пребывали племенные власти, князь, его дружина, «нарочитые люди» — племенная старшина. — Там же, с. 23.

ства.[81] Город, по словам Б. Д. Грекова, «всегда является поселением, оторванным от деревни». Больше того, он «противоположен деревне».[82] Ясно, что подобный взгляд на древнерусский город исключал возможность рассуждений о волости-государстве с венчающим ее главным городом.

Не нашлось места городу-волости и в капитальном исследовании М. Н. Тихомирова «Древнерусские города». М. Н. Тихомиров утверждал, что «настоящей силой, вызвавшей к жизни русские города, было развитие земледелия и ремесла в области экономики, развитие феодализма — в области общественных отношений».[83] В городах, находившихся под феодальным гнетом, ширилась борьба за городские вольности. В XII столетии она достигает особого размаха, что привело к усилению политической роли городов и городского населения.[84] Эта борьба, по разумению М. Н. Тихомирова, «близко напоминает борьбу горожан Западной Европы за образование городских коммун».[85] Но русские города все же не сравнялись в этом плане с западноевропейскими городами, чему «помешали печальные бедствия — в первую очередь татарские погромы, опустошившие Русскую землю».[86] И только в Новгороде, Полоцке и Пскове «коммунальное устройство» было добыто борьбой горожан, «да и то в весьма своеобразном виде».[87] Значит, М. Н. Тихомиров, как и Б. Д. Греков, не помышлял о том, чтобы рассматривать главнейшие города Киевской Руси как города правящие, а не самоуправляющиеся.

Несмотря на успехи советских историков в изучении городов в Древней Руси, с аналогичным положением мы сталкиваемся и по сей день. Далеко не случайно, что в новейших работах, где намечаются и решаются коренные проблемы истории древнерусских городов, нет ни малейших упоминаний о городских волостях, о городах-государствах в Киевской Руси.[88] То же самое

---

[81] Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 104, 110.

[82] Там же, с. 110. — О противоположности города Киевской Руси XI—XII вв. деревне писал и С. В. Бахрушин (см.: Бахрушин С. В. Научные труды в 4-х т. М., 1954, т. 2, с. 163).

[83] Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 64.

[84] Там же, с. 185.

[85] Там же, с. 186.

[86] Там же, с. 185.

[87] Там же, с. 186.

[88] См., напр.: Пашуто В. Т. О некоторых путях изучения древнерусского города. — В кн.: Города феодальной России. М., 1966; Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья. — В кн.: Русский город. М., 1975; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978; Штыхов Г. Е. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Минск, 1978; Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории древнерусского города. — История СССР, 1979, № 4; Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980; см. также: Удальцова З. В., Щапов Я. Н., Гутнова Е. В., Новосельцев А. П. Древняя Русь — зона встречи цивилизаций. — Вопросы истории, 1980, № 7, с. 43.

наблюдаем и в трудах, где речь идет об эволюции государственного строя на Руси.[89] Между тем вопрос о земском общинно-волостном быте представляется довольно актуальным с точки зрения исторической социологии.[90] В рамках данного вопроса существенное значение имеет сюжет о городах-государствах в древнерусской истории. Для его разработки есть все необходимые методологические и историко-социологические основания.

Принятие общиной формы государства с точки зрения методологической вполне естественно.[91] Что касается историко-социологического аспекта, то следует сказать, что еще Н. И. Кареев в своем типологическом курсе, посвященном античным городам-государствам, говорил о большой социологической ценности города-государства в познании истории государственного устройства народов мира.[92] Современная наука полностью подтвердила правоту Н. И. Кареева. Ныне мы располагаем огромным количеством материалов, свидетельствующих о городах-государствах как универсальной в мировой истории форме государства. Города-государства встречаются чуть ли не повсюду.[93] И особенно примечательно то, что ученые находят их в обществах с незавершенным процессом классообразования, а именно у шумерийцев,[94] гомеровских греков,[95] юго-западных славян,[96] африканских йрубов.[97] Все это позволяет вести раз-

---

[89] Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века. — Вопросы истории, 1962, № 4; Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси. — В кн.: Новосельцев А. П. (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII в. — Исторические записки, 1972, т. 89; Пьянков А. П. Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси. Минск, 1980.

[90] Лашук Л. П. Введение в историческую социологию. М., 1977, вып. 2, с. 84—85.

[91] См.: Зак С. Д. Методологические проблемы развития сельской поземельной общины. — В кн.: Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975, с. 265—272.

[92] Кареев Н. И. Государство-город античного мира, с. 320.

[93] См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980, с. 222—223. — Л. В. Данилова и В. П. Данилов справедливо замечают, что «характерные для классической древности города-государства (государства-общины) были гораздо более широко распространены, нежели это принято думать» (Данилова Л. В., Данилов В. П. Проблемы теории и истории общины. — В кн.: Община в Африке: проблемы типологии и истории. М., 1968, с. 36).

[94] Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. М., 1959; Виткин М. А. Проблемы перехода от первичной формации к вторичной. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ, кн. 1, с. 430—437.

[95] Андреев Ю. В. 1) Раннегреческий полис. Л., 1976; 2) Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции в XI—XIII вв. до н. э.: Автореф. док. дис. Л., 1979.

[96] Греков Б. Л. Винодол. Избр. труды. М., 1957, т. 1; Пашуто В. Т., Шталь И. В. Корчула. М., 1976.

[97] Кочакова Н. Б. Города-государства йрубов. М., 1968.

говор о городах-государствах на Руси в сравнительно-историческом плане.

Мы суммировали некоторые результаты изучения древнерусского города в отечественной исторической науке, а также данные, полученные современными исследователями городов-государств, обнаруженных в различных странах мира.

Завершая настоящую статью, можно смело утверждать, что ныне историк располагает необходимыми методологическими, историко-социологическими и историографическими[98] предпосылками для постановки вопроса о городах-государствах в Киевской Руси. В его распоряжении имеются и соответствующие конкретные факты, сохранившиеся в древнерусских памятниках.[99]

---

[98] Здесь подразумеваются труды тех русских историков, в которых древнерусская городская волость выступала как государственное образование.

[99] См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории, с. 223—243.

А. Ю. Дворниченко

ГОРОДСКАЯ ОБЩИНА И КНЯЗЬ В ДРЕВНЕМ СМОЛЕНСКЕ

Общинную структуру в Смоленске историки находят уже в древнейший период существования города. Смоленск, по-видимому, и возник путем синойкизма, т. е. слияния нескольких общин в одну городскую общину[1] (об этом свидетельствует кончанское устройство). Наиболее ярко деятельность городской общины отразилась в функционировании веча. В Лаврентьевской летописи под 1176 г. читаем: «Новгородци бо изначала и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти якож на думу на веча сходятся; на что же старейшие сдумают, на том же пригороди стануть».[2] О вечевой активности смолян сообщается под 1186 г.[3] В 1185 г. смоляне «створили» вече во время похода князя Давыда и заставили его вернуться обратно в Смоленск.[4] На вече выбирают сотского.[5] Вече принимает князей[6] и изго-

---

[1] Фадеев Л. А. Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов. — В кн.: Русский город (Историко-методологический сборник). М., 1976, с. 19; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980, с. 228—229.

[2] Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ), т. 1. М., 1962, стб. 377—378.

[3] Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980, с. 114—115.

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 647.

[5] Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895, с. 209.

[6] Там же, с. 219.

няет неугодных ему (таковым был, например, в 1175 г. Ярополк).[7] Под контролем городской общины и внешняя политика: договор с Ригой составляется так, чтобы и «князю любо было и всем „смольнянам"».[8] «Крупная роль смоленского веча выступает в тексте летописи 1190 г.».[9] В городе действует суд послухов.[10] О вечевой активности смолян летописец сообщает под 1214, 1222, 1239 гг.[11] Не проходят мимо городской общины и дела церковные.[12] Как видим, сведения о деятельности смоленской городской общины весьма многочисленны. Но наиболее весомо, грубо, зримо является нам община древнего Смоленска в Уставной грамоте Ростислава Мстиславича епископии в Смоленске. Она доминанта в том историческом действии, которое развертывается перед нами. С ее санкции основывается епископия в Смоленске, дается епископу материальное обеспечение, передаются так называемые прощеники (по нашему предположению, либертины фиска, которые, видимо, и находились в ведении общины).[13] Красноречиво и заклятие грамоты: «Да сего не посуживаи никтоже по моих днех, ни князь, ни людие».[14] Но существует и иное толкование грамоты. Новейший исследователь Л. В. Алексеев пишет: «Люди свои — явно не вече, а ближайшие советники князя. О каких „людях" во втором случае ведется речь неясно. Непременно ли о вече? Так или иначе, для нас очевидно, что в эпоху Ростислава вече было, но роль его еще не была столь могущественной, как впоследствии...»[15] Такое прочтение грамоты представляется нам неверным. И дело не только в давней историографической традиции.[16] Л. В. Алексеев не учитывает свидетельства интересного и важного документа. Это «Похвала князю Ростиславу». Памятник дошел до нас в составе «Нифонтова сборника» XVI в. (создан в Иосифо-Волоколамском монастыре при игумене Нифонте). Однако исследователи считают, что оригинал памятника был создан вскоре после смерти Ростислава (1167 г.).[17] Князь Ростислав,

---

[7] ПСРЛ, т. II, стб. 598.

[8] Голубовский П. В. Указ. соч., с. 215.

[9] Алексеев Л. В. Указ. соч., с. 115.

[10] Голубовский П. В. Указ. соч., с. 209.

[11] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950, с. 53, 251; Голубовский П. В. Указ. соч., с. 216 и далее.

[12] ПСРЛ, т. II, стб. 502—503; Голубовский П. В. Указ. соч., с. 216 и дал.

[13] Дворниченко А. Ю. К вопросу о «прощениках». — Вестн. Ленингр. ун-та, 1979, № 14, с. 9—11.

[14] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976, с. 144.

[15] Алексеев Л. В. Указ. соч., с. 114.

[16] Об огромной роли общины, веча, которая вырисовывается в грамоте писали П. В. Голубовский и др. (см. об этом: Фроянов И. Я. Указ. соч., с. 135).

[17] Щапов Я. Н. Похвала князю Ростиславу как памятник литературы Смоленска XII в. — Труды отдела древнерусской литературы. 1974, вып. XXVIII.

по словам автора «Похвалы...», «прииде первое в град Смоленск на княжение, и виде смоленскую церковь сущую под Переяславлем и негодова, и здума с бояры своими и с людьми, и постави епископа к церкви святыя Богородицы...».[18] Под названием бояр здесь действительно выступают приближенные князя, его советники.[19] Но «люди» в данном контексте, думается, не нуждаются в комментарии. Итак, роль городской общины проступает в грамоте очень ярко. Но, на наш взгляд, из грамоты можно извлечь дополнительную информацию, значительно конкретизирующую историю смоленской общины. Имеется в виду список даней, который составляет большую часть собственно Уставной грамоты Ростислава. Есть ли какая-нибудь закономерность в расположении податных центров? Уже П. В. Голубовский пытался найти такую закономерность. Он разделил все податные пункты, перечисленные в грамоте на 12 групп. Каждая из них начиналась с пункта с большей суммой даней. Далее, пункты следовали в нисходящем порядке. В конце были собраны центры с колеблющейся данью, а завершалось все пунктами, которые в «уме писавшего не соединялись какой-либо ассоциацией идей».[20] Это положение П. В. Голубовского подверг критике известный исследователь Л. В. Алексеев. Он отмечает, что некоторые группы П. В. Голубовского состоят из одного названия. По мнению Л. В. Алексеева, «ключ П. В. Голубовского не подошел и следует искать какой-то другой».[21] Список даней, полагает Л. В. Алексеев, позволяет проследить «процесс феодализации» Смоленской земли. Исходя из этого он разбивает список на 4 группы, которые и являются этапами «феодализации». Сначала была «феодализирована» основная территория обитания кривичей, затем земли вятичей, голяди, радимичей.[22] Представим себе карту Смоленской земли того времени.[23] Какая-то географическая последовательность намечается только в расположении первых четырех пунктов первой группы. Это направление к северу от Смоленска. С пятым пунктом (Каспля) мы вновь возвращаемся к Смоленску. Хотшин и Жабачев вновь переносят нас на северо-восток Смоленской земли. Следующий пункт — Воторовичи снова расположен гораздо ближе к Смоленску. Шуйская и Дешняны — на юго-востоке земли, Ветская и Былев — на северо-восточной границе Смоленской земли. Следующие три пункта опять ближе к центру, а Басея и Мирятичи — на юго-западе.

---

[18] См.: Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972, с. 142.

[19] Ловмяньский Х. О происхождении русского боярства. — В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978, с. 96.

[20] Голубовский П. В. Указ. соч., с. 53.

[21] Алексеев Л. В. Указ. соч., с. 44.

[22] Там же, с. 46—47.

[23] Там же, с. 41.

Пункты Добрятино — Бобровницы расположены в земле вятичей на востоке. Дедогостичи — возле Былева на северо-востоке, Заруб — в земле радимичей на южной границе, Женя Великая — на верхней Волге, Пацинь — в земле радимичей, а Солодовничи снова на верхней Волге. Пункты Путтино и Беницы на крайнем востоке земли, Прупой и Кречут — в земле радимичей на юге, а следующий за ними Лучин — на северной границе земли. Оболвь рядом с Шуйской — на юго-востоке, Искона—на востоке земли, на границе с вятичами. В конце списка стоят: суздале-залесская дань, Вержавск и Лодейницы. Таким образом, схема, предложенная Л. В. Алексеевым, представляется спорной. Его «ключ» тоже не подошел. Но определенная закономерность в размещении пунктов все же есть. Обращает на себя внимание то, что подавляющее количество пунктов, платящих дань, являются периферией по отношению к Смоленску и располагаются на значительном расстоянии от него. Многие пункты расположены в некривических землях (в землях вятичей, голяди, радимичей). Помня о том, что данями фактически распоряжается община Смоленска, следует сделать вывод, что Уставная грамота отразила процесс освоения городской общиной Смоленска территории земли. А если это предположение верно, то перед нами уникальный случай — источник, довольно подробно отразивший процесс формирования города-государства (существование городов-государств на Руси убедительно показал И. Я. Фроянов[24]). Когда же этот процесс начался и как он проходил? И. Я. Фроянов, подробно изучивший города-государства в Древней Руси датирует начало формирования волостной системы примерно серединой XI в.,[25] основанием ему служит известный летописный отрывок 1176 г. В нем фигурируют и смолняне. Таким образом, мы можем датировать начало этого процесса серединой XI в., и это косвенно подтверждается тем, что до середины XI в. Смоленск платил дань варягам и киевским князьям.[26] Ко времени написания грамоты Ростислава (к 1134—1136 гг.[27]) волостная система в Смоленской земле в основном сложилась. Мы можем проследить и ее дальнейшее развитие. Это, как нам кажется, отразил интересный документ из смоленского комплекса — так называемая грамота «О погородьи и почестьи» (Я. Н. Щапов датирует ее концом XII — началом XIII в., Л. В. Алексеев сужает датировку).[28] Здесь мы видим сформировавшуюся систему пригородов, на которые из

---

[24] Фроянов И. Я. Указ. соч., с. 216—243.

[25] Там же, с. 159.

[26] Алексеев Л. В. Указ. соч., с. 194—195.

[27] Щапов Я. Н. Смоленский Устав князя Ростислава Мстиславича. — В кн.: АЕ за 1962 г. М., 1963; Поппэ А. В. Учредительная грамота смоленской епископии. — В кн.: АЕ за 1965 г. М., 1966.

[28] Щапов Я. Н. Княжеские уставы... с. 146; Алексеев Л. В. Указ. соч., с. 25.

Смоленска как из религиозного центра распространяется власть епископа. Важнейшее значение имеет тот факт, что ни в первой, ни во второй грамоте не упомянут Смоленск! В этом мы видим подтверждение нашей концепции.

Мы замечаем в источниках и другой процесс, идущий почти параллельно с охарактеризованным. Это процесс дробления, процесс разложения города-государства на «новые, более мелкие».[29] В грамоте Ростислава в начале списка даней стоят Вержавляне Великие, а их центр Вержавск расположен в конце списка.[30] Видимо, он приписан позднее. Здесь мы свидетели формирования «микроволости». Вержавляне Великие — девять погостов, которые платят значительную дань (1000 гривен). Очевидно, дань сначала выплачивалась прямо в Смоленск. Постепенно Вержавск объединяет погосты (погосты — скорее всего центры общин) вокруг себя, в него начинает «сходиться» дань, образуется «союз общин во главе с торгово-ремесленной общиной главного города».[31] Подобная картина вырисовывается и в «Путтинском куске» грамоты Ростислава.[32] Очень рано выделяется волость с центром в Торопце.[33] Грамота «О погородьи и почестьи» также рисует нам возникновение таких центров (например, Ельна в земле Дешнян, Ростиславль и Мстиславль в земле радимичей).[34] Однако власть смоленской общины была, видимо, столь велика, что процесс формирования «микроволостей» так и не завершился, они так и не смогли выйти из сферы влияния Смоленска (кроме, пожалуй, Торопца).

Итак, мы попытались рассмотреть процесс формирования города-государства в Смоленской земле. Как этот процесс проходил? И. Я. Фроянов выделяет два фактора: колонизационный и военный.[35] На второй фактор в данном случае указывает сама грамота: «...чи которая дань оскудеет, или ратью, или коим образом...»[36] Наиболее ярко этот фактор проявился, скорее всего, в захвате земель вятичей, голяди, радимичей. И нет необходимости видеть здесь деятельность лишь «княжеских отрядов».[37] Основную ударную силу древнерусских войск составляли вои, т. е. народное ополчение.[38] Это в полной мере относится и к Смоленской земле. В 1185 г. смоляне собирают вече в походе

---

29 Фроянов И. Я. Указ. соч., с. 235.

30 На это обратил внимание Л. В. Алексеев (Алексеев Л. В. Указ. соч., с. 44).

31 Фроянов И. Я. Указ. соч., с. 243.

32 Алексеев Л. В. Указ. соч., с. 98—99.

33 Там же, с. 25.

34 Нет никаких оснований «рост большей части пунктов Смоленской земли и превращение их в самостоятельные центры — города» связывать с княжеским доменом, как это делает Л. В. Алексеев (Алексеев Л. В. Указ. соч., с. 191).

35 Фроянов И. Я. Указ. соч., с. 234.

36 Древнерусские княжеские уставы.. с. 144.

37 Алексеев Л. В. Указ. соч., с. 47.

38 Фроянов И. Я. Указ. соч., с. 191.

князя Давыда.[39] В 1147 г. Изяслав Мстиславич обращался к брату Ростиславу: «Поиди сюда ко мне, а там наряди Новгородцев и Смольнян, пусть удерживают Юрия».[40] Через некоторое время братья встретились недалеко от Чернигова, у Черной могилы. Ростислав был «с Смольняны с множеством вои».[41] По мнению П. В. Голубовского, нет никаких сомнений в участии смоленских ополчений и в походе Ростиславичей на Киев против Всеволода Чермного в 1214 г., и в Липецкой битве в 1216 г.[42]

Нам важно выяснить, какую роль играл князь в системе формирующегося города-государства. Уже из того, что нам известно, ясно, что трудно рассматривать князя как «первое лицо в земле».[43] Уставная грамота ставит его (прежде всего в законодательной деятельности) вровень с общиной.[44] Внешнеполитическая деятельность также во многом зависела от общины. Князь принимается и изгоняется городской общиной. Ограничен он и в судебной деятельности, и даже в военной. Часть административного аппарата также избиралась вечем. Важен вопрос о материальном обеспечении князя. И здесь необходимо вновь обратиться к грамоте Ростислава. Со времен одного из первых исследователей грамоты П. В. Голубовского в ней находят сведения о домениальных землях смоленского князя.[45] О домене писали А. А. Зимин, В. В. Седов и др.[46] И. И. Смирнов считал села, упомянутые в грамоте, общинной земельной собственностью.[47] Но как мы сейчас видим, он не различал домен и двор князя и фраза грамоты «и се даю на посвет святеи Богородици из двора своего» служила ему доказательством того, что все земли, указанные перед этим, не входят в состав княжеского «двора-домена».[48]

К домену князя относят обычно два села, озера, «уезды» и «сеножати», перечисленные в грамоте. Л. В. Алексеев рисует другую картину. Он считает, что княжеские домениальные земли были в земле радимичей и в других местах Смоленской земли.[49] С этим мы никак не можем согласиться. Что касается земель радимичей, то, во-первых, по названиям и некоторым

---

[39] ПСРЛ, т. II, стб. 647.
[40] Там же, стб. 347.
[41] Там же, стб. 357.
[42] Голубовский П. В. Указ. соч., с. 223.
[43] Алексеев Л. В. Указ. соч., с. 113.
[44] Древнерусские княжеские уставы. с. 144.
[45] Голубовский П. В. Указ. соч., с. 234.
[46] Памятники русского права, вып. II. М., 1953, с. 45; Седов В. В. Археологические разведки древнерусской деревни в Смоленской области. — Краткие сообщения института истории материальной культуры, 1957, вып. 68, с. 111.
[47] Смирнов И. И. К вопросу об изгоях. — В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сб. ст. М., 1952, с. 106.
[48] Там же.
[49] Алексеев Л. В. Указ. соч., . 125—132.

археологическим находкам нельзя говорить о домениальной принадлежности расположенных здесь городов. Во-вторых, летописный отрывок, который, по мнению Л. В. Алексеева, сообщает о том, что в 1154 г. Ростислав перед встречей с Юрием Долгоруким находился вне Смоленска в домениальной волости, достаточно спорен. В предыдущем тексте ясно сказано, что, потерпев поражение в битве под Черниговом, Ростислав «иде Смоленску».[50] К тому же надо учитывать версию Лаврентьевской летописи, в которой сказано, что «Ростислав прибег с полку Смолиньску», где и помирился с Юрием.[51] Наконец, в-третьих, Русь XI—XII вв. владения городами на частном праве не знала.[52] В 1165 г. Ростислав передает не домениальные города, а кормления.[53] Не обосновано Л. В. Алексеевым вхождение в княжеский домен Дорогобужа, и весьма трудно согласиться с положением, что «все церкви из плинфы вне Смоленска отражают домениальные княжеские города» (это позволяет Л. В. Алексееву относить к княжескому домену и Вязьму).[54] Таким образом, вывод о существовании второй части домена, захваченной в соседних землях, о неуклонном разрастании его за счет окняжения общинных земель»,[55] представляется нам неверным. Домен смоленского князя невелик. Видимо, и в материальном отношении князь в значительной степени находился в зависимости от общины. А это, в свою очередь, яркий штрих к социальному портрету смоленского князя.

Итак, мы попытались проанализировать некоторые аспекты жизнедеятельности городской общины Смоленска, ее взаимоотношений с князем. Нарисованная картина имеет прямые аналогии в других землях Руси X—XIII вв.

---

50 ПСРЛ, т. II, стб. 475.
51 ПСРЛ, т. I, стб. 344.
52 Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974, с. 86.
53 Там же.
54 Алексеев Л. В. Указ. соч., 131.
55 Там же.

А. Я. Дегтярев

О ВЛИЯНИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДСКИХ ЦЕНТРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОЙ ОКРУГИ

Воздействие средневекового города на прилегающие сельские районы признается всеми исследователями. Особенно ярко оно проявляется, например, в периоды формирования сети сельского расселения в зонах повышенной внешней опасности, когда само возникновение сельских поселений бывает возможно только после строительства города-крепости. Много ярких

примеров подобных процессов можно наблюдать при изучении «южной украйны» Русского государства в XVI—XVII вв.[1]

Однако средневековый город с его большим набором так называемых обслуживающих функций — торговых, ремесленных, административных, культурных, религиозных — существенно влиял на свое сельское окружение и в относительно нормальной обстановке, не сопряженной с какими-либо экстремальными военно-политическими, природными и прочими условиями. Степень этого влияния, как можно предположить, зависела от ряда обстоятельств — размеров городского центра, особенностей его географического положения, места в иерархической сети поселений района или даже страны, поскольку уровень субординации (подчинения) сильно влиял на зону тяготения данного поселения.

Подобные влияния легко обнаруживаются уже при первом взгляде на сельское расселение какого-либо района, но определить их точную количественную характеристику для средневековой Руси затруднительно, поскольку глубина изученности проблем исторической географии населения в Русском государстве на сегодняшний день недостаточна. Данная работа является попыткой конкретного исследования указанного «городского» фактора развития сети сельского расселения на примере части новгородских земель в XVII в.

Для изучения вопроса привлечены материалы переписной книги Шелонской пятины 1646 г.[2]

Возможность рассмотрения поставленных вопросов для данного района в значительной мере обусловлена тем, что Шелонская пятина как объект историко-географического поиска исследуется в отечественной историографии уже более 100 лет.[3] А. М. Андрияшевым были составлены карты пятины и ее погостов, которые и были использованы нами.[4] Мы исследовали размещение населения в «окологородьях» трех новгородских городов — Новгорода, Старой Руссы и Порхова. Пригородные районы каждого из них были разделены нами на две зоны. Первая из них охватывает территорию, прилегающую к городу в радиусе 20 км. Такое расстояние рассматривается нами, как предельное, при котором возможно посетить городской центр

---

[1] См. об этом: Водарский Я. Е. Население России в конце XVII—начале XVIII века. М., 1977, с. 172—181.

[2] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 310.

[3] Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских XVI в. СПб., 1853; Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии новгородской земли. М., 1914; Нордман Н. Н. Географическое положение погостов округов Шелонской пятины по писцовым оброчным новгородским книгам 1498 г. — Изв. русск. имп. географ. об-ва, 1908, XXIV, вып. VIII; Дегтярев А. Я., Шапиро А. Л. Демографическая характеристика системы поселений Северо-Запада Руси в XVI в. — В кн.: Проблемы исторической демографии СССР. Таллин, 1977, с. 35—42, и др.

[4] Андрияшев А. М. Указ. соч., прилож.

и вернуться в поселение в течение одного дня. Вторая зона охватывала территорию от 20 до 40 км радиусом. Расстояние в 40 км рассматривается в данном случае как максимальное, при котором возможно достичь городского центра за день пути.

В 20-километровой зоне примыкавшей к Новгороду части Шелонской пятины в 1646 г. числилось 470 крестьянских, бобыльских и людских дворов. В них было записано 1230 мужчин (в среднем 2,6 человека на двор) Площадь этой зоны составляла около 360 кв. км. Таким образом, на 1 кв. км здесь приходилось около 3,4 души мужского пола, а общая плотность зависимого населения составляла 6,5—7,0 человек на 1 кв. км. Для середины XVII в. это очень высокий показатель.

В следующем ареале, удаленном от Новгорода на 20—40 км, находилось 520 крестьянских дворов, в которых отмечено писцами 1580 мужчин. Площадь этой территории составляла около 820 кв. м, и, следовательно, на каждый из них приходилось в среднем около двух душ мужского пола, а общая плотность населения составила около 4 человек на 1 кв. км.

Мы можем говорить о существенном влиянии Новгорода на формирование ближайшей сельской округи. Общая средняя плотность населения в Шелонской пятине составляла 1,0—1,5 человек на кв. км,[5] а в зоне, непосредственно прилегающей к Новгороду, она была в 3—5 раз выше, причем заметно вырастала по мере приближения к этому центру.

Посмотрим, проявляла ли себя эта причина применительно к другим городам Новгородской земли. Одним из древнейших городских центров региона была Старая Русса — центр соле-варения на северо-западе. Конечно, ее размеры, торговое и ремесленное значение не идут ни в какое сравнение с Новгородом. Однако ее следует считать крупным городским центром того времени. Так, по переписи 1625 г. здесь имелось около 150 дворовых мест (правда, не все они были заселены) и более 250 торговых помещений.[6] В 20-километровом ареале этого города в 1646 г. располагались около 400 крестьянских, бобыльских и холопьих дворов, в которых было записано около 1300 человек мужского пола (3,1 человек на 1 двор). Площадь этого ареала составляла около 1250 кв. км, соответственно, на 1 кв. км в среднем приходилось чуть более 1 человека мужского пола, а общая плотность населения — в среднем 2 человека на 1 кв. км, т. е. была существенно ниже, чем в аналогичной зоне вокруг Новгорода, но выше средних показателей по пятине.

Площадь 20—40-километрового ареала вокруг Старой Руссы составляла (в пределах Шелонской пятины) около 2200 кв. км. В селениях, расположенных в нем, располагалось около

---

[5] Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV—XVII вв. Л., 1980, с. 77.

[6] Рабинович Г. С. Город соли — Старая Русса в конце XVI — середине XVIII вв. Л., 1973, с. 67.

730 дворов, в которых размещалось около 2300 душ мужского пола. Плотность населения в рассматриваемой зоне была примерно той же, что и в 20-километровой зоне, т. е. зависимости, обнаруженной нами для Новгорода, здесь как будто не замечается. Это объясняется, видимо, тем, что 20—40-километровая зона Околорусья пересекается с аналогичной зоной Новгорода и в нее попадает ряд погостов (Коростынский, Буряжский, рядки Ужин и Взвад), которые, как известно, тяготели к Новгороду. Если исключить из рассмотрения эти местности, то плотность населения в старорусской 20—40-километровой зоне окажется равной всего 0,9—1,0 человека на 1 кв. км. Таким образом, и здесь обнаруживается тенденция к падению плотности сельского населения по мере удаления от городского центра.

Третьим крупным городом Шелонской пятины был Порхов, уезд которого прилегал к псковским землям. В 20-километровую зону вокруг Порхова попали около 350 дворов, в которых числилось чуть больше 1100 человек мужского пола (3,16 человек на 1 двор). Соответственно плотность населения в ней равнялась, как показывает простой расчет, 1,8 человек на 1 кв. км, т. е. примерно соответствовала старорусским показателям. В 20—40-километровую зону вокруг Порхова, обнимавшую (за исключением территории, отрезанной «псковским рубежом») около 2700 кв. км, попало чуть менее 500 дворов, где размещалось около 1500 человек мужского пола (по 0,5—0,6 человек на 1 кв. км). Общая плотность населения в этой зоне составила 1,0—1,1 человека на 1 кв. км, что также соответствовало старорусским показателям.

В целом же плотность зависимого населения в местностях, прилегающих к Порхову и Старой Руссе, заметно превышала средние показатели по всей Шелонской пятине и обнаруживала четко выявляемую тенденцию к убыванию по мере удаления от городских центров. Отметим, что на территории пятины, выходящей за рамки 40-километровых зон трех крупнейших городских центров, плотность населения составляла всего 0,4—0,5 человека на 1 кв. км.

Таким образом, влияние средневековых городских центров на формирование сельской округи на основании изложенных материалов следует признать существенным.

А. А. Сванидзе

О СОПОСТАВЛЕНИИ СТАДИЙ СКЛАДЫВАНИЯ ГОСУДАРСТВА И ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОРОДОВ В ШВЕЦИИ

В европейской медиевистике вопрос о соотношении государства и города — один из традиционных. Обычно он ставится на материале развитого государства —сословной, затем аб-

солютной монархии, притом речь идет не столько о городе, сколько о сословии горожан. Применительно к раннему средневековью этот вопрос менее изучен, и, как правило, эта проблема обсуждалась только в связи с преемственностью в средние века античных традиций.

Город имел определенную роль, свои отношения с публичной властью, свое место в политической системе и среди общественных явлений в целом уже в период возникновения классового строя. В советской историографии неоднократно указывалось на невозможность уяснения проблем генезиса феодализма без учета раннего города.[1] Недостаточно изучен процесс градообразования на большинстве территорий Европы (за исключением непосредственных греко-романских территорий). И если история средневекового государства рассматривается медиевистами от зарождения феодальной политической системы, то история средневекового города изучается преимущественно с момента складывания феодального строя, а элементарная стадия становления города как института практически опускается.

Значительные успехи, достигнутые в послевоенные десятилетия археологией, топонимикой и рядом других вспомогательных исторических дисциплин, позволяют реконструировать общий ход европейских урбанистических процессов раннего средневековья: возникновение городских ядер (эмбрионов), предгородских поселений и ранних городов, характерных для варварских государств. В свете этих данных очевидно, во-первых, что процесс расчленения города и деревни, предшествовавший формированию в X—XII вв. собственно феодальных городов, можно рассматривать и как первичный этап собственно городской истории. Во-вторых, эмбриональная и ранняя стадия города составляла часть процесса всеобщего разделения труда, функции и собственности, характерных для генезиса феодализма. В частности, очевидна связь между начальным градообразованием и ранней историей государства и государственных учреждений.[2]

Но каковы были параметры и функциональный характер этой связи, как изменялась она во времени? Ответ на эти вопросы требует не только углубленного конкретного исследова-

[1] Удальцова З. В. Проблемы генезиса феодализма в новейших работах советских ученых. — ВИ, 1965, № 12.

[2] См.: Труды Я. А. Левицкого, С. М. Стама, статьи М. Е. Карпачевой. В западной медиевистике это прежде всего обобщающие монографии Д. М. Николаса и Э. Эннен, статьи К. Хаазе и других исследователей в сборнике «Город в средние века» (см.: Ястребицкая А. Л. Основные проблемы ранней истории средневекового города в освещении современной западной медиевистики. — См.: Средние века, 1980, вып. 43, с. 251, 260, 263, 273 и др.), а также материалы ряда специальных симпозиумов: Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. 1972 / Hrsg. von H. Jankuhn e. a. Göttingen, 1974; Urbaniserungsprosessen i Norden. I. Middelaldersteder. Det. XVII. nordiske historikermøte. Trondheim 1977 / Red. av. G. A. Blom. Oslo; Bergen Tromsø, 1977.

ния всех вариантов означенной связи, но и постановки ее в круг более широких проблем, касающихся сущностных параметров феодального государства и города.

Особый интерес приобретает рассмотрение ранней истории государственности и градообразования на материале, отражающем первичные стадии соответствующих процессов, когда отношения между разными сторонами всеобщего разделения труда — классообразованием, складыванием государства, выделением городов — выявляется непосредственно, четко.

Своеобразной моделью для изучения таких первичных процессов общественной стратификации в средние века является, в частности, Швеция, которая миновала стадию развитого рабовладельческого строя и лишь средневековью, феодальной формации обязана своим первым классовым строем, первым государством и городами.

Ниже предлагается сопоставление стадий возникновения городов с этапами ранней эволюции государства в Швеции. Предлагается ряд определений и критериев, касающихся города как института средневекового общества, а также и стадий его ранней эволюции.

История возникновения и ранних этапов Шведского государства — объект еще не завершенной дискуссии; в нее включились и советские историки. Большинство ученых так или иначе связывает возникновение государства в Швеции с социальной и политической структурой общества эпохи викингов VIII—XI вв.[3] Имеющиеся факты довольно отчетливо показывают общие контуры развития политической организации, начиная с элементов разложения родо-племенного строя.

Значительно в последние десятилетия продвинулось изучение ранней истории шведских городов. Итоги обширных археологических и топонимических изысканий были подведены на конференции историков в Тронхейме, где рассматривалась

---

[3] Hildebrand H. Sveriges medeltid. Del. 1—3. Stockholm, 1879—1903; Weibull C. Om det svenska och danska rikets uppkomet. — HT för Skåneland, bd. 7. Lund, 1921; Herman B. Sveriges rikets uppkomst. Stockholm, 1941; Hjärne E. Svethiud. ., NK, XL, 1912; Moberg O. Svenska rikets uppkomst. — Fornännen, 1944; Tunberg S. Götarnas rike. Uppsala; Stockholm, 1940; Palme S. U. Stånd och klasser i forna dagars Sverige. Stockholm, 1947; Anderson P. Övergångar från antiken till feodalismen. 1977. Ср. главы И. П. Шаскольского и А. Я. Гуревича (История Швеции. М., 1974), сообщения И. П. Шаскольского и А. С. Кана на VIII конференции скандинавистов (Петрозаводск, 1979, 1, с. 141—147), а также А. Альмгрена и А. А. Сванидзе (Лунд, 1980) на III симпозиуме историков СССР и Швеции. Наиболее полным специальным исследованием образования феодального государства в Швеции является монография С. Д. Ковалевского «Образование классового общества и государства в Швеции» (М., 1977). Автор считает, что государство сложилось в итоге формирования феодальных классов. Существует и точка зрения, что феодальному государству в VI—VII вв. предшествовало рабовладельческое.

и тема «Процессы урбанизации в Скандинавии (от возникновения городов до 30-х годов XX в.)».[4]

Опыт сопоставления стадий политической истории и градообразования начинается с обозрения двух линий факторов, в хронологическом порядке отражающих ход этих процессов до XIII в., когда (и в этом согласны, пожалуй, все историки) сложились феодальное Шведское государство и городской строй страны. Применительно к Швеции, источники по ранней истории которой чрезвычайно скудны, приходится привлекать материал, начиная с I в. Основная группа фактов относится к территории, заселенной племенами свеев, конфедерация которых стала ядром Древнешведского государства.

* *
*

Сначала обратимся к политической истории.

Начальные столетия нашей эры были в шведской истории догосударственным временем, когда господствовала родо-племенная организация. Но в общественном строе уже имелись значительные элементы разделения функций, сопровождающегося имущественным, правовым и политическим неравенством. Свидетельства этого: наличие стабильного слоя рабов и выделение правящего рода Инглингов.[5] Политическая организация может быть определена, видимо, как строй военной демократии.

В период с V до XIII в. система политической организации в стране прошла через два основных этапа. С V по конец X и начало XI вв. это было варварское государство, в рамках которого произошел расцвет военной демократии, затем ее разложение и складывание собственно государственной власти. С конца X — начала XI в. началась история собственно феодального Шведского государства.

I. Варварское государство. В Швеции, как и у всех германцев, наблюдалось две стадии: период формирования (V — середина VIII вв.) и завершение становления государства.

В V — середине VIII вв. создалась стабильная племенная общность свеев Свитьод, организованная по типу развитой во-

---

[4] Andersson H. Sverige. En forskningsöversikt. — Urbaniseringsprosessen i Norden. Trondheim, 1970. S. 91—146; Fritz B. 1) Stadshistoria och arkeologi. Översikt. — HT, 1965, 4; 2) Helgö und die Vorgeschichte des skandinavischen Stadt. — Early Medieval Studies, I. Antikv. arkiv, 1970, 38; Hammarström I. Hagstedt R., Hilsson L. Projektet jämförande stadshistoria (PJAS). — HT, 1975, 4. Ср.: Schück A. Studier rörande det svenska stadsväsendets uppkomst och äldsta utvecklind. Uppsala, 1926.

[5] См. труды Тацита, Плиния Старшего, Птоломея, разделы в скальдической поэме Тьодольфа «Инглингаталь» (IX в.) и находки вещей и монет, о которых см.: Bolin S. Funde av romerska mynt i det fria Germanien... Lund, 1926; Stenberger M. 1) Die Schatzfunde Gotland der Wikingerzeit. (Text). Stockholm, 1958, Bd. 1; 2) Det forntida Sverige. Stockholm, 1964 e. a.

енной демократии.[6] Там был единый выборно-наследственный конунг (гех — «король», «вождь) из самого богатого и знатного рода Инглингов, обладавший и сакральными функциями. Имелось народное собрание, где он «утверждался» конунг; зачатки столицы (будущая Старая Упсала), территориального деления и обложения (кормления и др.). Имелись элементы домена, дружины, министериалитета. Социальная структура Свитьода была трехчленной: знать, свободные, рабы. Отмечалось усиление роли войны.[7]

В середине VIII в. началась так называемая *эпоха викингов*, в ходе которой в Скандинавии сложилась система элементов ранней государственности.[8] Завершилось создание военно-морской, административно-территориальной и отчасти фискальной организации населения — *ледунга*; формируются «сотенные» и «корабельные» округа; закрепляется практика народных собраний — тингов. Фиксируется слой знати, создается ее совет. Конунг получает значительную военную, гражданскую и сакральную власть во время войны и мира, он имеет дружину, располагает кормлениями и данями, своим уделом. Возникают ввозные пошлины. В середине IX в. делаются первые попытки христианизации «сверху». Усиливаются политические связи: на рубеже IX—X вв. свеи добились даннических обязательств от Готланда, Вестерйётланда, Вермланда, Хельсингланда и Емтланда.[9] К концу периода чеканятся первые серии шведских монет, что в условиях наплыва награбленной викингами зарубежной монеты было политическим шагом.[10]

Социальная структура, еще трехчленная, уже сильно изменилась. Внутри каждого слоя появились отчетливо различающиеся группы. В составе знати — представители высшего воинского контингента. Неравенство в среде свободных общинников (бондов) достигло такой степени, что в это время появились

---

[6] Сведения см. в отрывках из «Инглингаталь», Иордана и Прокопия, англосаксонского эпоса «Беовульф» и археологических материалов.

[7] Söderlind S. Häradet. — HT, 1968; Nerman B. Sveriges äldsta konungalängder. — Fornvännen, 1917; Schyck H. Uppsalaöd. — Upps. univ. årsskrift, 1914; Holmgren G. Gamla Uppsala och Mora änd UFT, 1957, XLV; Ковалевский С. Д. Указ. соч., с. 90, 111, и др.

[8] Эпоха викингов в Швеции освещена записями Римберта (первая половина IX в.), скальдическая поэзия и исландские саги, («Хеймскрингла»), рунические надписи и др.

[9] Ковалевский С. Д. Указ. соч., с. 109, 110; Hafström G. 1) Ledung och marklandsindelning. Uppsala, 1949; 2) Lagman. — KHL, X; Schück A. Svithiod och folklanden. . Stockholm, 1949; Söderlind S. Op. cit.; Ekbom C. A. Viennetionde och hundaresindelning. — Akad. Avhandlingar. Lund, 1974 (s. 6, 48—49 o. a.); Granlund J. Disting — KHL, III; Wessén E. 1) Lagman och lagsaga. — NT, 1964, 40; 2) Lagman. — KHL, X.

[10] Наиболее полные работы (с описанием дискуссий): Malmer B. 1) Nordiska mynt före 1000. — Acta Archaeologica Lundensia, 1966; 2) Olof Skotkonung mynt och andra Ethelred — imitationer... — Antikvariskt arkiv, 1965; ср.: Сванидзе А. А. Возникновение монетной чеканки и некоторые проблемы догородского развития Швеции. — Средневековый город, 1978, № 5.

уже безземельные лично свободные люди — наймиты и бобыли. Разделился и слой сервов. Помимо собственно рабов (трэлей — к концу периода преимущественно дворовых слуг) сложилась прослойка рабов, посаженных на землю (фостре), а также слой брюти — лично зависимых министериалов; эта структура стала основой трансформации всего слоя рабов.[11] Возникли прослойки профессиональных купцов и ремесленников в правовом отношении, однако, еще не выделившихся. Дифференциация в среде населения имеет многоплановые параметры: функциональные (по занятиям), имущественные (размер личного имущества и степень соучастия в общественной собственности), политические (степень соучастия во власти), правовые (несвобода, свобода, привилегии в пределах свободы). Существенное значение приобретает земельная собственность. Перед нами — сложившееся варварское государство. Оно базируется на сильно развившемся социальном неравенстве, с элементами уже классовой структуры. Это государство располагает стабильной, хотя и ограниченной, королевской властью, примитивными формами налогов, административно-территориальным устройством, зачатками государственных органов и профессионального воинского контингента. Политические функции общества уже выделились, но они еще не развиты, и это проявляется не только в примитивности их, но и в слабой расчлененности.[12]

II. Генезис феодального государства. Возникновение Швеции.

Важный рубеж в истории государственности, одновременно обозначивший начало собственно Швеции, приходится на последнюю фазу эпохи викингов. Этот рубеж — правление свейского конунга Олафа Эрикссона Шётконунга (995—1022 гг.), который объединил свейские, ётские и другие земли в одно государство и стал первым «королем свеев и ётов».[13] Это государство состояло из областей (ланды, со второй половины XII в. лагсаги), каждая имела свой тинг. Имелось общешведское народое ополчение, а затем войско. Известны договоры, заключенные от имени страны.[14] Каждый новый король объезжал главные области всей страны, принимая вассальную присягу и произнося вступительную королевскую клятву; этот

---

[11] О эволюции рабства в Швеции см.: Neveus C. Trälarna i landskapslagarnas samhälle. Uppsala, 1974, а также Landtmanson I. S. Träldömens sista skede i Sverige.. Uppsala, 1897; Hasselberg G. Fostre. — KHL, IV.

[12] Ср.: Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в западной Европе. М., 1963.

[13] Rosen J. Rikssamling. — KHL, XIV, sp. 270. — Также дипломы (с XII в.).

[14] Hafström G. Lagsaga. — KHL, X; Wessén E. 1) Lagsaga och domsaga. — HT, 1964; 2) Upplands runinskrifter, del. I, hf. I. Uppsala, 1940 (s. 19, 26); Weibull C. Den äldsta gränsläggningen mellan Sverige och Danmark. — HT for Skåneland, Lund, 1921, bd. 7.

путь — Эриксгата — был дорогой, соединявшей разные территории страны.[15]

Король имеет широкие права в вопросах войны и мира, дипломатии, суда и фиска, церковной администрации (инвеституpa епископов); начали формироваться его регальные права в отношении земли и монетной чеканки.[16] Тинг перестраивается, — он превращается в орган землевладельческой знати и местной администрации. В ландстингах теперь заседают только знатные люди, они же замещают появившиеся в этот период высшие государственные должности: герцога, канцлера, конюшего, военачальников. Средние и низшие нередко замещаются людьми простого происхождения, выдвинувшимися в походах. Процесс частичного вытеснения родовой знати новой, военно-служилой, характерен для складывающейся феодальной структуры, как и то, что свои позиции сохраняли те представители знати, которые превращались в крупных землевладельцев.[17]

При том же Олафе Эрикссоне было введено христианство, устроены церковные учреждения, а в 1164 г. установлено шведское архиепископство (в Упсале) появились первые монастыри. Выделение культовых функций и учреждений стало важным шагом процесса феодализации шведского общества.[18]

Социальная структура шведского общества стала характерной для складывающегося феодального строя. Его верхушку составил господствующий класс крупных землевладельцев, правителей, воинов, священнослужителей, судей. Сложился класс крестьянства; помимо составивших его основу общинников-собственников (лишь постепенно терявших полноправие и отчасти землю) он включал неполноправных держателей земли (ландбу[19]) и бесправных фостре. Создается характерная система сочетания (сверху и на местах) земельной собственности с функциями управления, суда и воинскими, возникают элементы вассальных отношений. Появилась и характерная прослойка горожан с присущими ей формами собственности и общественных связей. Выделение наиболее богатой и одновременно правящей группы населения сопровождалось расшире-

---

[15] Hasselberg G. Eriksgata. — KH, IV

[16] Ковалевский С. Д. Указ. соч., с. 106, 206 и др.

[17] Wessén E. Lagman och lagsaga. — NT, 1964, 40; Hafström G. Lagman. — KHL, X; Andrae C. G. Kyrka och frälse i Sverige... Uppsala, 1960 (s. 64, 69, 252 o. a.); Fritz B. Jarladömet — sveahertigdömet. — HT, 1971; Rosén J. Jarl. — KHL, XII; Schück H. Kansler och capella regis under folkungatiden. — HT, 1964; Ковалевский С. Д. Указ. соч., с. 227—229.

[18] См., в частности: Brilioth I. Svenska kyrkans historia, II. Stockholm; Uppsala, 1941; Bjurling O. Peterspenningen i de upplandska folklanden. — Technica och humanorica, 1951; Schück H. Ecclesia Lincopensis... Stockholm, 1959; Andrae C. G. Op. cit.; Kumlien K. Sveriges kristnande i slutskedet. Spörsmål om vittnesbörd och verklinghet. — HT, 1962. e. a.

[19] Lindkvist T. Landborna i norden under äldre medeltid. Uppsala, 1979.

нием контингента профессиональных воинов и превращением его в категорию населения, а также созданием подобной же особой категории высшей и низшей администрации наряду с обособлением и введением в русло социальной стратификации сакральных функций.

С XIII в. Шведское государство вступает в развитую феодальную фазу.

Рассмотрим теперь этапы предыстории и ранней истории городов.

Догосударственный период, т. е. I—V вв., характеризовался, как отмечалось, наличием элементов общественного разделения труда и функций; среди них можно обнаружить и ранние, очень слабые элементы будущего городского развития. Это, во-первых, отдельные урбанистические очаги — пункты и территории относительной концентрации ремесла и обмена, прежде всего транзита: в районе оз. Меларен (свеи), на о-вах Эланд (ёты) и Готланд (гуты).[20] Во-вторых, у свеев выделяется также центр политических и сакральных функций на месте будущей Старой Упсалы, где располагалось капище Одина и Фрея, впоследствии богинь плодородия — дис, и где также был родовой центр Инглингов.[21] Пункт, где концентрировался хотя бы один урбанистический элемент, функция, мог стать *эмбрионом, первоначальным ядром* городского развития. Таким ядром в догосударственный период и явилось поселение свеев на месте будущей Старой Упсалы.

1. Период варварского государства, V—конец X вв. К этому времени относятся истоки собственно градообразования в Швеции: появление серии предгородов и ранних городов.

Предгород — градообразное (урбанизированное) поселение, т. е. населенный пункт, обладающий несколькими городскими функциями. У свеев было по меньшей мере два предгорода. Первый имел функции общего *центра публичной жизни* — политической, религиозной, правовой, вероятно, и торговой; это была уже известная нам старая столица Свитьода.[22] Второй тип предгорода представлял *торгово-ремесленные поселения*. У свеев таким поселением был, в частности, Хельгё (Святоостров, оз. Меларен), который возник в середине IV в., пережил расцвет в качестве торгового местечка в V—VII вв. и фиксируется почти до конца тысячелетия.[23]

[20] Bolin Op. cit.; Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands. Stockholm Lund, 1947; Idem. Eketorp in Öland. — Acta Archaeologica, 1974, vol. 44, e. a.

[21] Granlund J. Disting, sp. 112 f.

[22] Holmgren G. Galma Uppsala och Mora äng.

[23] Frits B. Stadshistoria och arkeologi Översikt. — HT, 1965; Idem. Helgö..; Holmqvist W. Helgö, 1962; idem. Rapport från 20 års arkeilogisks undersökningar (Jernkontorets annaler, 157), e. a.

В период сложившегося варварского государства, т. е. с середины VIII в., процесс градообразования значительно усилился. Предгорода стали возникать по всей территории Средней, Восточной, Южной Швеции. Наряду со старым центром упландских свеев, а затем общеплеменным центром Свитьода Старой Упсалой, у южных свеев — сёдерманов выросли предгорода Стренгнес и Телье; на территории ётских племен возникли Скара (у вестётов) и Линчёпинг (у эстётов). Это были предгорода первого типа: центры публичной жизни племен, где проводились народные собрания, религиозные отправления, ярмарки.[24] Расширилось и развитие предгородов второго типа — чёпингов и виков, ранних рыночных местечек. Кроме Хельгё подобные местечки фиксируются на Готланде (Павикен), Эланде (Чёпингсвик)[25] — торговых островах.

Расцвет варварской государственности ознаменовался и сложением первого раннего города. *Ранний город* — это поселение, обладающее совокупностью урбанистических функций: демографических, хозяйственных, политико-стратегических, административно-фискальных, идеологических. Им соответствуют и признаки раннего города. Численность и плотность его населения выше, чем в самом крупном аграрном поселении. Социально-профессиональная структура населения гетерогенна. Специфичен характер топографии (тесная застройка, наличие рыночной площади, определенных укреплений и др.). Хозяйственная жизнь отличается относительной концентрацией неаграрных занятий: торговли, в меньшей степени ремесла, а также товарных промыслов. Ранние города первого типа обычно занимали важное место в общей администрации страны, военной системе, аппарате фиска и др. Одновременно все они уже обладали специфическим, в той или иной мере автономным, политико-административным собственным устройством и элементами специального права. Естественно, что разные признаки, как и функции, могли быть выражены с неодинаковой полнотой.[26]

Первым ранним городом Швеции была, видимо, свейская Бирка. Она хорошо известна с VIII в., достигла расцвета в IX—X вв.; подробно описанный современниками, изученный несколькими поколениями историков и археологов (с 20-х по 70-е годы нашего века), этот ранний город, безусловно, имел своим предшественником торговое местечко, выросшее поблизости от центральной усадьбы свейского конунга.[27]

---

[24] Vita Anskarii auctore Rimberto / Ed. G. Waitz. Hannover, 1884, cap. X, XV, XXIII, XXIV, XXVII; Schück A. Studier rörande det svenska stadsväsendets uppkomst och äldsta utveckling. Uppsala, 1926.

[25] Andersson H. Sverige. En forskningsöversikt, s. 96—97

[26] Andersson H. Op. cit., s. 92—94, 109—114, 118—121.

[27] Schuck A. Op. cit.; Arbman H. Birka. Untersuchungen und Studien. I. Die Gräber. Stockholm, 1938; Ambrosiani B. e. a. Birka. Arkeologisk undersökning 1970—1971 (Riksantikvarieämbetet. Rapport C I, 1973).

Процесс урбанизации в это время также проявлялся в дальнейшем возникновении отдельных ядер и очагов градообразования в разных местах страны, главным образом при усадьбах конунга (Агнефит около будущего Стокгольма, Сигтуна и др.),[28] в постоянных ярмарочных местечках (около будущего Фальчёпинга, Морторп в будущем Кальмарском лене).[29]

II. Период складывания феодального государства, начало XI—начало XIII вв. Прежде всего необходимо отметить, что в начале этого периода многие (если не большинство) торговые местечки и городские эмбрионы эпохи викингов, равно как и первый ранний город той поры Бирка, либо исчезли, либо потеряли значение. Вместо них сложилась сеть новых ранних городов. Среди них было несколько преемников предгородов первого типа. Большинство городов были новообразованиями. Сеть их охватила все области страны: Сигтуна, Упсала, к началу XIII в. Энчёпинг и Фолькландстингстад — на свейских землях; Вестерос в Вестманланде; Стренгнес, Телье, возможно, Эскильтуна — в Сёдерманланде; у ётов, кроме Скары, затем (Старого) Людоса и Линчёпинга, также Сёдерчёпинг, возможно, Фальчёпинг, Шеннинге и Берга; в Смоланде — Йёнчёпинг, Кальмар, возможно, Векше и Вестервик; на Готланде — Висбю. Эмбрионы поселений, составивших сеть ранних городов, имели функцию торгового местечка, либо как основную, либо в качестве одной из основных.

Правда, письменные свидетельства о ранних городах периода складывания феодальных отношений и феодального государства пока единичны.[30] Но из их сопоставления с материалами археологии видно,[31] что будучи разными по размерам, уровню развития они обладали идентичными или сходными функциональными параметрами и признаками. Все они имели более значительное, плотное, профессионально и социально пестрое население. Почти все они были более или менее заметными политико-административными, реже церковными, центрами. Являлись важными узлами коммуникаций. Имели связи с морем или озерными системами, а также рыночную площадь и какие-то укрепления. Эти города были местом концентрации профессионального купечества, собирали сезонные ярмарки, а в ряде случаев и местные рынки. Они скрывали за своими стенами дворы крестьянского типа, но обязательно и дворы ремесленников немногих специальностей.

---

[28] Bolin S. Stockholms uppkomst. Uppsala, 1933; Hafström G. Op. cit.; Nerman B. Var Stockholm handelsplats under vikingatiden? — SSEA, 1958; Malmer B. Op. cit. (1965, 1966) o. f. a.

[29] Staf N. Marknader och marknadsterminer i Sverige. — NK, 1933, XVI: B.; idem. Marknad och möte. . Stockholm, 1935; Götlind J. Falan, Falköping och Falun. — Namn och Bugd, 1933; Weibull C. Göta älvs mynning. . Göteborg, 1950.

Ранние города имели специфические формы общностей, в частности купеческие гильдии. Свою администрацию и суд, либо определенные права и правообязанности в этих областях. Одновременно, уже с первых своих шагов город через префектов-фогдов был включен в сеть государственного контроля.

Комплексная концентрация выделившихся общественных функций при обязательном присутствии, но невыраженности функций промышленного центра и преобладании в хозяйственной сфере функций обмена,—таковы, видимо, были отличительные особенности раннего города.

Образование сети ранних городов, т. е. раннегородского строя, не исчерпывало процесс градообразования. Продолжалось выделение новых предгородов и урбанизированных поселений, прежде всего второго типа, т. е. торговых местечек: Экеторп на Эланде, местечко на о. Дракон (около будущего Худиксвалля),[32] ряд поселений с названием на «чёпинг» (место торговли), из которых выросли многие города XIII и XIV вв. Кроме того стали выделяться местечки с промысловым уклоном (в районах горных промыслов особенно с XII в.). Эмбрионы городских поселений стали возникать в местах проведения ярмарок, на пересечениях границ нескольких сотенных округов и др.

Отнюдь не все они превратились в города. Но важно отметить, что градообразовательный процесс не завершился, а, напротив, продолжался после складывания первой сети городов.

О муниципальной жизни ранних городов известно крайне мало. Общегородское право XIII в., по господствующему мнению, ведет ряд традиций городского строя еще со времен Бирки. В первой половине XIII в. было хорошо известно понятие городского полноправия, и по меньшей мере 15 городов в это столетие имели полное городское право (в том числе почти все, сложившиеся в XI и XII вв.).[33] Это предполагает наличие традиции, в том числе в формах управления. Выдвижение в Биркрэтте на первый план фигуры городского фогда, напоминав-

---

[30] Упоминания о нескольких городах в сочинении Адама Бременского (например, о Скаре: civitas magna). Рунические надписи (например, запись о гильдии в Сигтуне). Упоминания в арабских картах (например, о Кальмаре XII в.). Областные законы (в частности, старинные разделы о маршруте Friksgata, проходившем через некоторые города и местечки). Саги и др. Специалисты привлекают также и некоторые свидетельства первой половины XIII в.: сведения о получении городом в это время статуса полноправного считаются определенными свидетельствами о сложении данного города к началу века. См. обзоры в работах: Сванидзе А. 1) Из истории городского строя Швеции XIII в. — Средние века, № 28, 1965; 2) Городские хартии и распространение муниципальных привилегий в шведских городах с середины XIII по XV в. — Средние века, № 35, 1972.

[31] Новейшие работы см.: Andersson H. Op. cit., s. 375 f.

[32] Ibid., s. 97 f.; Frits B. Eketorp ur arkeologisk synpunkt. — HT, 1978, 3, s. 321 f.; Huggert A. S:t Olofs hamn på Drakön... Stockholm, 1964.

[33] Сванидзе А. А. Средневековый город, с. 45—48.

шей префекта Бирки, свидетельствует, что города держались королевской властью в поле зрения и включались в систему государственного контроля.

* *
*

Проведенное сопоставление показывает, что в период разложения родо-племенного и складывания классового общества этапы формирования государства и городов находились между собой в определенной внутренней взаимосвязи. Это ни в коем случае не означает, что город был обязан своим возникновением государству или государство — городу. Но оба эти института имеют истоком общую стадию разделения труда, нашедшего свое выражение в сложности классовых отношений.

Как и в других германских странах, Шведское государство в своей начальной эволюции прошло через два этапа. Первый — переходный, «варварский», когда первобытные отношения в главных своих чертах разложились и возникли основные элементы классовых отношений. В условиях, когда рабовладельческий строй (в масштабах европейского континента) был изжит, переходный период в Швеции получил именно феодальные тенденции. Затем произошло складывание раннефеодального общества и государства.

Процесс градообразования сопоставляется с этими стадиями. Для периода варварского государства было характерно вычленение градообразующих элементов, образование их очагов и комбинаций, городских эмбрионов. Вершиной градообразующего процесса того времени была редкая сеть единичных предгородов — общественных центров крупных областей, сформированных на базе племенных расселений, и виков, торговых местечек с отчетливыми функциями центра товарообмена, в том числе транзитного. Ранние города были уникальны. Затем, в период сложения феодального строя и государства, варварские предгорода в массе своей исчезли, сменившись новой системой — системой ранних городов, имевших уже раннефеодальные черты. Очевидно, что уровень, т. е. степень, градообразования не только совершенно определенно соотносится с уровнем (стадией) государства и общего процесса феодализации, но может рассматриваться, как один из важных *критериев* этих процессов.

Исследования показывают, что связь между государством и городом имела функциональный характер. Государство реализовывало, воплощало через развивающийся город значительную часть своих функций и учреждений, а это, в свою очередь, стало одним из важных факторов возникновения и развития города. Взаимное воздействие здесь не было однозначным. Можно констатировать, что на своей ранней стадии город

в Швеции был элементом централизаторских, а не сепаратистских тенденций.

По совокупности функций, сосредоточивавшихся в городе по мере его развития, можно определить *город* как *общественный концентрат, воплощающий процесс всеобщего разделения труда на той или иной стадии развития классового общества.* Поэтому процесс начального градообразования, а затем и эволюция раннего города являлись компонентами складывания и раннего развития феодальной системы.

На разных этапах истории средневекового города его функции, как это очевидно, были представлены и комбинировались по-разному. В раннем городе отчетливее выступали публичные функции, а экономические были как бы замаскированы, так что выглядели подчас сопутствующими; из экономических функций сильнее всего концентрировался товарообмен. Но если предгорода—торговые местечки периода варварского государства, не имевшие публичных функций, либо исчезали, либо на века оставались на данной стадии, не превращаясь в города, то в условиях системы ранних городов торгово-ремесленная основа градообразования стала выходить на передний план. Доминирующей, как известно, она стала уже при следующей волне градообразования, поднявшейся в условиях развитого феодализма и феодального товарного уклада.

Хотя особенности *развитой стадии* средневекового города—особая тема, выходящая за пределы настоящей работы, но относящийся к ней материал позволяет отметить основные признаки его зрелости и одновременно рубеж между ранней и зрелой стадией средневекового города. Для последней, в частности, характерно: складывание широкой системы городов, полное развитие экономических и социальных функций, т. е. превращение города не только в центр товарного обращения, но и ремесленного производства, сложение политического, административного и правового строя и соответственно особого сословия горожан.

СОДЕРЖАНИЕ

Андреев Ю. В. (Ленингр. ун-т). Начальные этапы становления греческого полиса . . . 3
Фролов Э. Д. (Ленингр. ун-т). Рационализм политика в архаической Греции 17
Корчагин Ю. В. (Тюменск. ун-т). Фессалийский союз в первой половине IV в. до н. э. . . . 34
Широкова Н. С. (Ленингр. ун-т). Переселения кельтов (к вопросу о роли миграций и войн в становлении раннеклассового общества) 44
Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. (Ленингр. ун-т). Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму 56
Заливалова Л. Н. (Костромск. пед. ин-т). Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму в освещении русской историографии конца XIX — начала XX в. . 77
Глушанин Е. П. (Барнаульск. ун-т). Город и армия поздиеантичиой эпохи в советской историографии . . . 86
Стам С. М. (Саратовск. ун-т). К проблеме города и государства в раннеклассовом и феодальном обществе 95
Дубов И. В. (Ленингр. ун-т). Археологическое изучение городов Северо-Восточной Руси . . 106
Фроянов И. Я. (Ленингр. ун-т). К вопросу о городах-государствах в Киевской Руси (историографические и историко-социологические предпосылки) . . . 26
Дворниченко А. Ю. (Ленингр. ун-т). Городская община и князь в древнем Смоленске 140
Дегтярев А. Я. (Ленингр. ГК КПСС). О влиянии средневековых городских центров на формирование сельской округи . 146
Сванидзе А. А. (Ин-т всеобщ. истор. АН СССР). О сопоставлении стадий складывания государства и возникновения городов в Швеции 149

Город и государство в древних обществах, 1982, 1—160.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА